

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№1 (09)
2025**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№1(09)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- СУПРУН В.И., ДУ СЯНЬ. История изучения глоттогенеза:
междоменная теория 4
- ИВАНОВА Ю.М. Игровое речевое действие и поэтическая
функция языка 9
- БОБЫРЕВА Е.В., БУРЯКОВСКАЯ В.А. Жанр христиан-
ского акафиста в пространстве религиозного дискурса и
его корреляты в исламе и буддизме16
- КАТЕРМИНА В.В. Особенности функционирования пре-
фикса *super-* в современном англоязычном дискурсе23
- МАКАРОВА О.С., МУРАТОВА Е.Н. Концепт «Разум» в
концептосфере Ф. Ницше27
- АСАДУЛЛАЕВА А.В. Понятийные характеристики лингво-
культурного концепта «Тайна» в английской и русской
картинах мира32
- ЙЕГНИ Х. Способы передачи устаревшей лексики при пе-
реводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык.....36
- СЯ ХУНФАН. О принципах и тактиках перевода русской
детской литературы на китайский язык (на примере ска-
зок Виталия Бианки)45

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брысина
Я.А. Волкова
С.Г. Воркачев
В.В. Дементьев
А.Х. Гольденберг
Д.Ю. Гулинов
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
С.А. Мызников
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

КОКОВА Л.Дж., КОКОВА Б.Дж. О некоторых параллелях
в славянских и адыгских мифонимах *чур* и *джор*49

ТИТАРЕНКО Н.В. Основные тенденции современной испанской орфографии54

МОСЕЙКО А.А. Нарочитая безграмотность как форма языковой игры в цифровую эпоху58

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

МОСКВИН В.П. Залог и возвратность: трудные случаи образования и разграничения форм.....65

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУМЦЕВ И.И. Особенности небесного пространства в поэзии Е. Блажеевского76

ПОГА Д.С. Смысловая роль эпизодических персонажей в повести В. Токаревой «Все нормально, все хорошо...».....82

СТОРОЖАКОВА А.С. Кинематографичность в поэтике до-революционных рассказов А. Грина89

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

МОКИЕНКО В.М. Рецензия на книгу М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко «Образовательная языковая политика в современном мире»: монография: в 2-х т. Т. 1. Политическое и идеологическое измерения языковой политики. М.: ИНФРА-М, 2024. 387 с. Т. 2. Двухязычное обучение. М.: ИНФРА-М, 2024. 330 с.94

*Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.*

Сведения об авторах.....	108
Information about authors.....	110
Состав редакционной коллегии	112
Состав научно-редакционного совета.....	112

Подписано в печать
30.06.2025.

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 12
Тираж 1000 экз.

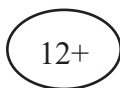
Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 30/06/1

Выход в свет
21.07.2025.

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2025

В. И. СУПРУН

ДУ СЯНЬ

Волгоград

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЛОТТОГЕНЕЗА: МЕЖДОМЕТНАЯ ТЕОРИЯ

Рассматриваются попытки ученых объяснить происхождение языка с помощью междометной теории. Устанавливается, что только в процессе формирования человеческого общества возникла коммуникативная потребность, которая реализовалась в изначально сложных фонетико-фонологических, грамматических, лексико-семантических структурах и единицах.

Ключевые слова: *междометие, глоттогенез, междометная теория, антропогенез, коммуникативная потребность.*

Ученые, занимающиеся проблемой происхождения человеческого языка, давно обратили внимание на особое место междометий в его системе. Эти языковые единицы не выражали понятий, возникали как эмоциональная реакция человека на окружающую действительность, были фонетически оформлены, но не имели морфологических показателей и выступали в изолированной синтаксической позиции.

Лингвисты и лингвофилософы при исследовании междометий разделились на два лагеря. Одни полностью исключили их из языка, не считая словами. Другие включили междометия в лексический состав, отмечая их фонетико-интонационную, семантическую, грамматическую специфику. При этом и те, и другие задумывались о том, на каком этапе глоттогенеза появились междометия, не были ли они в числе первых речевых опытов *Homo sapiens*.

Так называемая *междометная* теория происхождения языка предполагает, что из нечленораздельных рефлекторных выкриков и эмоциональных подражаний звукам природы появились слова и язык в целом. Одно из первых упоминаний об этой теории происхождения языка содержится в трудах древнегреческого философа Эпикура (Ἐπίκουρος, 341–270 гг. до н. э.). Он писал о примитивных нечленораздельных звуках, имевших экспрессивный характер, и жестах, которые применялись для коммуникации [2, с. 9], и отмечал, что «уже первые экспрессивные сочетания звуков были соотнесены с определенными предметами и были до известной степени артикулированы» [2, с. 30].

Но как самостоятельное учение междометная теория глоттогенеза была сформулирована в XVIII–XIX вв. Многие философы того времени пытались объяснить возникновение первых слов языка из оноματοпееи и междометий. Итальянский философ Дж. Вико (1668–1744) видел в именах богов и нарицательных словах подражание звукам природы: «По шуму грома латиняне первоначально называли Юпитера *Jous*; греки по свисту молнии называли его *Zeûs*; по звуку, который производит огонь, когда он сжигает, восточные люди должны были называть его *Ur*, – отсюда Урим, “сила огня”; то же самое происхождение должно было у греков породить название οὐρανός – “небо”, а у латинян глагол *uro* – “жечь” <...>» [3, с. 171]. Дж. Вико пытался объяснить проис-

хождение слов из междометий: «Поэтому не невероятно, что когда от первых молний в людях начало пробуждаться удивление, тогда же зародилось и первое междометие, относящееся к Юпитеру и образованное как слово “ра”. Это междометие, имеющее значение “удивление”, впоследствии сохранилось с удвоением “рара”, откуда позже родилось прозвище для Юпитера “Pater” – “Отец” людей и богов. Так все боги стали называться Отцами, а все богини – Матерями» [3, с. 172]. См. также: [4, с. 261–262].

Швейцарско-французский философ и писатель Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) объяснял происхождение языка эмоциями, которые воплотились в междометиях, ставших основой первых слов человека: «Все страсти сближают людей, тогда как необходимость сохранения жизни вынуждает их избегать друг друга. Не голод, не жажда, а любовь, ненависть, жалость и гнев исторгли у них первые звуки. <...> Но чтобы взволновать юное сердце, чтобы остановить несправедливо нападающего, природа диктует человеку звуки, крики, жалобы. Это самые древние из слов, и вот почему первые языки были напевными и страстными, прежде чем стали простыми и рассудочными» [12, с. 226].

Немецкий философ, писатель, теоретик движения «Буря и натиск» И. Г. Гердер (1744–1803) писал в «Трактате о происхождении языка»: «В самом деле, чем был первоначальный язык, как не собранием элементов поэзии? Он был подражанием звучащей, действующей, двигающейся природе! Он был составлен из восклицаний всех существ и оживлен междометиями, рожденными из чувств человека!» [5, с. 148; 15].

В бурную заочную полемику с ним (к тому времени И. Г. Гердер уже давно скончался) вступил немецкий санскритолог, профессор Геттингенского университета Т. Бенфей (1809–1881), который в своей «Истории языкознания» (1869) называл теорию Гердера «недоказуемой гипотезой» и восклицал: «Как мало он ясно осознает огромную пропасть (Kluft), которая лежит между междометием (Interjektion) и словом, пропасть, которая настолько велика, что можно почти сказать: междометие – это отрицание (die Negation) языка; ибо на самом деле междометия используются только там, где человек либо не может говорить, либо не хочет говорить» [14, с. 295].

Сходные мысли высказывал известный немецкий и английский ученый Ф. М. Мюллер (1823–1900). Стало крылатым его высказывание: «Язык начинается там, где заканчиваются междометия». Он писал: «Бесспорно, в каждом языке имеются междометия, и некоторые из них могут стать традиционными и войти в состав слов. Но эти междометия – лишь предместья настоящего языка» [16, с. 352] (перевод П. С. Карабардиной [6, с. 32]).

Много внимания месту междометий в языке и их участию в создании человеческого языка уделял А. А. Потебня (1835–1891). В работе «Слово и миф» он неоднократно обращается к проблемам глоттогенеза, отмечает роль оноματοпеи в возникновении языка: «Первые слова были звукоподражательные» [10, с. 20]. Определяя смысловую роль интонации (в терминологии А. А. Потебни – *тона*) в словах, ученый добавляет: «Со всем наоборот в междометии: оно членораздельно, но это его свойство постоянно представляется нам чем-то второстепенным. <...> По тону язык междометий, подобно мимике, без которой междометие в отличие от слова во многих случаях вовсе не может обойтись, есть единственный язык, понятный всем» [10, с. 89].

Анализируя использование междометий в составе предложения, когда единица становится «названием междометия, а не междометием», А. А. Потебня пишет: «Междометие уничтожается обращенною на него мыслью, подобно тому как чувство разрушается самонаблюдением, которое необходимо прибавляет нечто новое к тому, чем занято было сознание во время самого чувства». Исследователь подчеркивает особое восприятие междометия коммуникантами: «Непонятность междометия – в том, что оно совсем незаметно сознанию субъекта. <...> Произнесенное другим восклицание усваивается нами не как междометие, т.е. непосредственное выражение чувства, а как знак, указывающий на присутствие чувства в другом, <...> к сказанному, что междометие непо-

нятно для самого субъекта, нужно будет прибавить, что оно и ни для кого непонятно. Не должно казаться странным, что междометие, будучи рефлексией волнения души и возвращаясь в нее как впечатление звука, остается ей незаметным» [10, с. 91].

Вычленив междометие из лексики, А. А. Потебня определяет: «Непонятность междометия можно иначе выразить так: оно не имеет значения в том смысле, в каком имеет его слово» [10, с. 91–92]. Далее он продолжает: «Отсюда выводим, что напряженность чувства, владеющего человеком, который произносит междометие, должна уменьшаться при переходе междометия в слово» [10, с. 93]. Язык возникает из междометий: «Человеческий произвол застаёт звук уже готовым; слова должны были образоваться из междометий <...>, потому что только в них человек мог найти членораздельный звук» [Там же]. Ученый приводит пример возникновения в детском языке слова *вава* из междометия: «Чтобы образовать слово из междометия *вава*, ребенок должен заметить, что мать, положим, услышавши этот звук, спешит удалить предмет, причиняющий боль» [10, с. 97].

Намек на то, что междометия предшествовали возникновению «человеческого языка» содержится в учебнике «Введение в языкознание» известного русского санскритолога, профессора Юрьевского университета Д. Н. Кудрявского (1867–1920). Он пишет в параграфе «Определение человеческого языка»: «<...> в человеческой речи междометия не представляют ничего существенного и могут быть рассматриваемы как остатки того состояния, когда и человек издавал только нечленораздельные восклицания» [7, с. 17]. Ученый посвятил междометиям отдельный параграф «Междометие и слово», в котором сделал вывод: «Итак, слово отличается от междометия: 1) условностью связи между звуком и значением; 2) значительною определенностью значения; 3) способностью к изменению как в звуковой форме, так и в значении; 4) преобладанием анализирующего ума над чувством» [Там же]. Анализу лингвистического наследия Д. Н. Кудрявского посвятил статью профессор О. В. Никитин [8].

Кажется, последним серьезным лингвистом в русском языкознании, кто поддерживал междометную теорию в ее интерпретации В. Вундтом (1832–1920), хотя и с оговорками, был профессор Московского университета и Высших женских курсов в Москве В. К. Поржезинский (1870–1929), который в своем учебнике «Введение в языковедение» подробно рассматривает «наиболее продуманную и цельную теорию происхождения языка» [9, с. 208]. В. К. Поржезинский назвал эту теорию *генетической*, – так он перевел термин В. Вундта *Entwicklungstheorie*. Немецкий ученый соединил теорию жестов, якобы лежащих в основаниях человеческого языка, с междометиями – «звуковыми жестами (*Lautgeberden*)»: «Эти последние первоначально находятся в тесной связи с жестами и лишь с течением времени звуковые жесты, т.е. движения органов речи и как результат их – звук или звуки речи, выделяются из числа всех прочих жестов, так как они отличаются особыми свойствами, будучи легче воспринимаемыми и допускающими большое количество видоизменений» [9, с. 209]. В. К. Поржезинский солидаризируется с этими взглядами.

В последующие годы междометная теория глоттогенеза и сопряженные с ней ономастопозитическая теория И. Г. Гердера, теория трудовых выкриков Л. Нуаре (1829–1889) и звуковых жестов В. Вундта были отвергнуты наукой. Некоторые слова в разных языках могли быть образованы в результате звукоподражания (см.: [13] и др.) или восходить к междометиям, однако сложные процессы возникновения языка невозможно полностью объяснить ни одной из этих теорий. А. А. Реформатский писал по этому поводу: «Таким образом, не передразнивание природы (теория “звукоподражания”), не аффективное выражение экспрессии (теория “междометий”), не бессмысленное “уханье” за работой (теория “трудовых выкриков”), а потребность в разумном сообщении (отнюдь не в “общественном договоре”), где осуществляется сразу и коммуникативная, и семасиологическая, и номинативная (а притом и экспрессивная) функция языка – глав-

ные функции, без которых язык не может быть языком, – вызвала появление языка. И язык мог возникнуть только как коллективное достояние, необходимое для взаимопонимания, но не как индивидуальное свойство той или иной вочеловечившейся особи» [11, с. 463].

Л. И. Баранникова указала на недостатки междометной теории глоттогенеза и фактически ее вариаций или преломлений в других теориях, названных выше, и отметила, что «многие языковеды в XIX–XX вв. стали признавать проблему неразрешимой и призывали отказаться от ее рассмотрения» [1, с. 333].

Итак, попытки ученых, начиная с античности и вплоть до начала XX в., объяснить происхождение языка с помощью междометной теории и сопряженных с ней ономато-поэтической теорией, теорией трудовых выкриков и теорией звуковых жестов оказались бесперспективными. Лишь незначительное число слов можно считать произошедшими от междометий, звукоподражаний и других рефлекторных и эмоциональных возгласов. Глоттогенез неразрывно связан с антропогенезом, культурогенезом, социогенезом: только в процессе формирования человеческого общества возникла коммуникативная потребность в языке, которая была реализована в изначально сложных фонетико-фонологических, грамматических, лексико-семантических структурах и единицах.

Список литературы

1. Баранникова Л. И. Введение в языкознание. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
2. Верлинский А. Л. Античные учения о возникновении языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008.
3. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. с итал. и комм. А. А. Губера; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Лифшица. Л.: Худ. литература, 1940.
4. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. с итал. и комм. А. А. Губера; вступ. ст. Ю. В. Ивановой, П. В. Соколова. М.: РИПОЛ классик, 2018.
5. Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка / Пер. с нем. Г. Ю. Бергельсона; вступ. ст. В. М. Жирмунского. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2007.
6. Карабардина П. С. Ф. М. Мюллер о происхождении языка // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3 (9). С. 32–36.
7. Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт): Тип. К. Маттисена, 1912.
8. Никитин О. В. Лингвистическое наследие Д. Н. Кудрявского (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2017. № 10. С. 62–70.
9. Поржезинский В. К. Введение в языковедение. 4-е изд., пересмотр. и доп. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1916.
10. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Слово и миф / Сост., подготовка текста и примеч. А. Л. Топоркова; отв. ред. А. К. Байбурин. М.: Правда, 1989. С. 17–200.
11. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2000.
12. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 1 / Сост. и вступ. ст. И. Е. Берцмана. М.: Гослитиздат, 1961. С. 221–267.
13. Тишина Е. В. Русская ономотопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
14. Benfey Th. Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19. Jahrhunderts mit eine Rückblick auf die früheren Zeiten. München: J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1869.
15. Herder J. G. Abhandlung über den Ursprung der Sprache, welche den von der Königl. Academie der Wissenschaften für das Jahr 1770 gesetzten Preis erhalten hat. Auf Befehl der Akademie herausgegeben. Berlin: Ch. F. Voß, 1772.
16. Müller F. M. Lectures on the Science of Language: Delivered at the Royal Institution of Great Britain in May, June and July of 1861 / by F. Max Müller. New York: C. Scribner & Co., 1866.

1. Barannikova L. I. Vvedenie v yazykoznanie. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1973.
2. Verlinskij A. L. Antichnye ucheniya o vozniknovenii yazyka: avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk. SPb., 2008.
3. Viko Dzh. Osnovaniya novoj nauki ob obshchej prirode nacij / Per. s ital. i komm. A. A. Gubera; obshch. red. i vstup. st. M. A. Lifshica. L.: Hud. literatura, 1940.
4. Viko Dzh. Osnovaniya novoj nauki ob obshchej prirode nacij / Per. s ital. i komm. A. A. Gubera; vstup. st. Yu. V. Ivanovoj, P. V. Sokolova. M.: RIPOl klassik, 2018.
5. Gerder I. G. Traktat o proiskhozhdenii yazyka / Per. s nem. G. Yu. Bergel'sona; vstup. st. V. M. Zhirmunskogo. 2-e izd. M.: LKI, 2007.
6. Karabardina P. S. F. M. Myuller o proiskhozhdenii yazyka // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2015. № 3 (9). S. 32–36.
7. Kudryavskij D. N. Vvedenie v yazykoznanie. Yur'ev (Derpt): Tip. K. Mattisena, 1912.
8. Nikitin O. V. Lingvisticheskoe nasledie D. N. Kudryavskogo (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya) // Russkij yazyk v shkole. 2017. № 10. S. 62–70.
9. Porzhezinskij V. K. Vvedenie v yazykovedenie. 4-e izd., peresmotr. i dop. M.: Tipo-litogr. T-va I. N. Kushnerev i Ko, 1916.
10. Potebnya A. A. Mysl' i yazyk // Potebnya A. A. Slovo i mif / Sost., podgotovka testa i primech. A. L. Toporkova; otv. red. A. K. Bajburin. M.: Pravda, 1989. S. 17–200.
11. Reformatskij A. A. Vvedenie v yazykovedenie / Pod red. V. A. Vinogradova. M.: Aspekt Press, 2000.
12. Russo Zh.-Zh. Opyt o proiskhozhdenii yazykov, a takzhe o melodii i muzykal'nom podrazhanii // Russo Zh.-Zh. Izbrannye sochineniya: V 3 t. T. 1 / Sost. i vstup. st. I. E. Bercmana. M.: Goslitizdat, 1961. S. 221–267.
13. Tishina E. V. Russkaya onomatopeya: diahronnyj i sinhronnyj aspekty izucheniya: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2010.

The history of study of glottogenesis: interjection theory

The attempts of scientists to explain the origin of language with the help of interjection theory are considered. It is stated that the communicative need appeared only in the process of development of human society implemented in firstly complicated phonetic and phonological, grammar, lexical and semantic structures and units.

Key words: *interjection, glottogenesis, interjection theory, anthropogenesis, communicative need.*

(Статья поступила в редакцию 20.01.2025).

ИГРОВОЕ РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ И ПОЭТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА

Анализируется связь прагматики игрового речевого действия и поэтической функции языка. Понятия «паразитических форм использования языка» (термин Дж. Остина), фикционального дискурса, вертикальных и горизонтальных связей дискурса, а также игровых и серьезных речевых актов (термины Дж. Серля) рассматриваются в свете концепции поэтической функции языка, предложенной Р.О. Jakobsonом, где поэтический язык трактуется как реализующий эквиваленции по оси «комбинации», как в игровом дискурсе, а не «селекции» (термины Р.О. Jakobsona), как в дискурсе серьезном. Теоретические положения иллюстрируются примерами из каталога записей устной речи, собранных автором.

Ключевые слова: иллокуция, игровое речевое действие, фикциональный дискурс, поэтическая функция языка.

Центральное понятие настоящего исследования – игровое речевое действие, которому мы даем следующую дефиницию:

Игровое речевое действие совершается в рамках игрового коммуникативного фрейма [2] и характеризуется следующими свойствами: его локутивный компонент указывает на определенную иллокуцию, которая, таким образом, оказывается означена, но не бывает исполнена, поскольку условием игрового коммуникативного фрейма является именно снятие конвенционально закрепленного за формой значения. Это «снятие» значения формулируется Г. Бейтсоном так: «These actions in which we now engage do not denote what those actions for which they stand would denote» [2, с. 317] (*Те действия, которые мы сейчас совершаем, не означают того, что означали бы замещаемые ими действия* – здесь и далее перевод наш. – Ю. И.).

Главный исследовательский вопрос, который мы стремимся решить в данной статье, звучит так: как возможны осмысленные и сложно устроенные игровые речевые обмены, при условии, что игровые речевые действия не означают того, что означали бы соответствующие им серьезные действия? Это явление давно интересует исследователей. Уже Дж. Остин комментирует различие между серьезными и несерьезными речевыми актами (далее РА) и ставит «серьезность» в основание успешности любого речевого действия. «Surely the words must be spoken “seriously” so as to be taken “seriously”? This is, though vague, true enough in general-it is an important commonplace in discussing the purport of any utterance whatsoever. I must not be joking, for example, nor writing a poem» [1, с. 9] (*Очевидно, что слова должны быть произнесены «серьезно», чтобы быть серьезно воспринятыми. Это утверждение, хотя его значение несколько расплывчато, в основном правдиво – это общее место в обсуждении смысла вообще любого высказывания*). Далее он исключает из рассмотрения предлагаемой теории так называемые «паразитические» случаи употребления языка (к которым он относит, в частности, шутки, художественное творчество, несерьезные высказывания и театральные реплики): «A performative utterance will, for example, be in a peculiar way hollow or void if said by an actor on the stage, or if introduced in a poem, or spoken in soliloquy. <...> Language in such circumstances is in special ways-intelligibly used not seriously, but in ways parasitic upon its normal use <...>. All this we are excluding from consideration» [Там же, с. 22] (*Перформативное высказывание, например, будет в каком-то смысле пусто и недействительно,*

если оно произнесено актером на сцене, является частью поэтического произведения или актерского монолога <...>. В таких обстоятельствах язык используется, очевидно, несерьезно, но в режиме паразитическом по отношению к его нормальному использованию. <...> Все это мы исключаем из нашего рассмотрения).

Наконец, комментируя соотношение между иллокутивными и перлокутивными актами, Дж. Остин приводит следующие рассуждения: «Let us be quite clear that the expression “use of language” can cover other matters even more diverse than the illocutionary and perlocutionary acts. For example, we may speak of the “use of language” for something, e.g. for joking <...>. There are parasitic uses of language, which are “not serious”, not the “full normal use”. The normal conditions of reference may be suspended, or no attempt made at a standard perlocutionary act, no attempt to make you do anything, as Walt Whitman does not seriously incite the eagle of liberty to soar» [1, с. 104] (Следует прямо заявить, что выражение «использование языка» может относиться и к другим случаям, гораздо более разнообразным, чем иллокутивные и перлокутивные акты. Например, можно говорить об «использовании языка» для чего-то, например, для шутки <...>. Существуют паразитические способы использования языка, которые нельзя считать «серьезными», «полностью нормальными». В таких случаях могут не соблюдаться нормальные условия референции, либо и вовсе не предприниматься стандартная попытка осуществить перлокутивный акт, заставить вас сделать что-либо, как, например, Уолт Уитман, конечно же, несерьезно призывает орла свободы взмыть ввысь).

Иными словами, Дж. Остин причисляет «несерьезное» использование языка, наряду с художественным словесным творчеством («the use of language in poetry») и драматургическими репликами, к «паразитическим» способам употребления языка. Убрав оценочные коннотации слова «паразитический», можно переформулировать эту идею и назвать такие способы употребления языка «миметическими», ведь их «паразитизм», судя по всему, состоит в том, что они имитируют «серьезное» действие, не осуществляя пресловутой иллокуции в «нормальном» (еще одна остиновская формулировка) смысле.

Несерьезное высказывание, действительно, не может обладать иллокутивной силой в обычном смысле, поскольку смысл слова «несерьезный», собственно, и состоит в том, что слова не имеют реальных последствий, а иллокуция и перлокуция – это ближайшие доступные наблюдению последствия (эффекты) слов, произнесенных в присутствии других людей. Поскольку мы из опыта знаем, что вполне возможны успешные диалогические взаимодействия, в которых осуществляется некоторое количество игровых речевых действий, и даже такие речевые обмены, которые полностью или почти полностью состоят из игровых речевых действий, возникает вопрос, как устроена прагматика таких взаимодействий. Таким образом, нам необходимо найти тот принцип, согласно которому возможно успешное взаимодействие, полностью или частично состоящее из игровых высказываний.

Ответ на этот вопрос отчасти дает Дж. Серль [7], обсуждая логический статус фикционального дискурса (logical status of fictional discourse). Автор вводит важные для нашего рассуждения понятия: «горизонтальные конвенции» фикционального дискурса и «вертикальные связи» серьезной речи: первые отменяют (suspend) вторые и, таким образом, позволяют говорящему использовать слова в прямом значении, но при этом не брать на себя ответственность (without undertaking the commitments), которая обычно с этим сопряжена (ср.: клише *ответственность за свои слова*). Иными словами, Дж. Серль отвергает смутные замечания («vague remarks») относительно «особого значения» [7, с. 73] слов в художественном дискурсе: по его мнению, статус значения не меняется, меняются лишь предпосылки его функционирования. Конвенции фикционального дискурса становятся на место значений истинности высказывания: здесь не важно, насколько высказываемое соотносится с реальностью, гораздо важнее то, на-

сколько оно соответствует «горизонтальным» конвенциям, принятым между отправителем и получателем фикционального сообщения. Этот тезис можно сформулировать и в терминах теории текста: для фикционального дискурса важнее когезия и когерентность речевых произведений, чем их референциальная связь с описываемым миром.

В таких условиях *иллокуция игрового действия* неизбежно превращается в *знак*, поскольку, будучи обозначена таким образом, чтобы быть узнанной, она в то же время снимается маркером «это игра» (термин Г. Бейтсона) и, следовательно, не исполняется. Приведем пример. Игровой упрек (например, анекдотическое «*Злые вы люди... Уйду я от вас!*») должен восприниматься именно как попытка упрека, чтобы вызвать нужную реакцию собеседников. В то же время собеседники играющего упрекающего не должны на самом деле почувствовать ни угрозы ухудшения отношений с ним, ни мук совести, словом, ничего такого, что обычно вызывает серьезный упрек. В то время как серьезный упрек (собственно упрек) как иллокутивная сила и нужен только для того, чтобы заставить собеседников почувствовать стыд и изменить свое поведение во избежание ухудшения отношений, упрек игровой лишен именно этого аспекта: несмотря на то, что высказывание узнается собеседниками именно как упрек, оно не влечет за собой тех социальных последствий (стыд, изменение поведения и т.п.), которые предполагает данная иллокутивная сила. В игровом высказывании упрек оказывается означен, но не исполнен.

«Дерево решений» при интерпретации игрового действия выглядит следующим образом. (1) Если игровое действие ошибочно опознано собеседниками как неигровое, то его следует считать неуспешным, и теперь остается два варианта: либо (1а) диалогический обмен продолжается, как если бы это действие было серьезным с самого начала, либо (1б) следует коррекция (*repair*), один из говорящих объясняет, что произошла ошибка. В том же случае, когда (2) игровое действие оказалось успешным, происходят два, на первый взгляд, взаимоисключающих интерпретационных шага: коммуникант опознает РА в качестве носителя определенной иллокутивной силы (иначе невозможно его интерпретация в данном конверсационном контексте), однако обязательно присутствующий маркер «это игра» немедленно сигнализирует о том, что это опознанное действие не серьезно. Таким образом, имеем «повисшую в воздухе» иллокуцию: она была означена и узнана коммуникантами, однако, поскольку соответствующее ей действие несерьезно, коммуниканты не могут отвечать на нее как на узнанное ими серьезное действие. Что им остается? В такой ситуации коммуникантам остается одно из трех: (А) проигнорировать сигнал «это игра», (Б) промаркировать понимание игрового характера предыдущей реплики, однако продолжить серьезное взаимодействие, (В) поддержать и развить конверсационную игру, также ответив игровой репликой. Этот последний способ реагирования является, несомненно, самым рискованным (ответная игра может оказаться неудачной, неуместной, слишком примитивной или, наоборот, слишком смелой, она может зайти слишком далеко, быть воспринята критично и т.п., а кроме того, всегда есть опасность, что интерпретация предыдущей реплики как игровой оказалась ошибочной, и собеседник изначально не предполагал игры). Однако при успешном исходе именно игровая коммуникация дает наибольшие выгоды: она способна перевести взаимодействие на новый уровень, доставить удовольствие всем присутствующим, высоко поднять коммуникативный статус говорящего, улучшить его отношения с окружающими, смягчить проблемы, дать дополнительное время для принятия важного решения и т.п.

В случае первых двух стратегий реагирования игровая интенция адресата обозначается и принимается собеседниками, но не встречает соответствующего ответа, следовательно, обмен продолжается серьезным высказыванием. Но как устроена прагматика обмена, в котором все высказывания являются в той или иной степени игровыми? Думается, решение этого вопроса лежит области поэтики. Р.О. Якобсон, вводящий проти-

вопоставление «селекции» и «комбинации» как «двух основных операций, используемых в речевом поведении» [5, с. 71], понимал поэтическую функцию языка как перенос «принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации», при котором «эквивалентность становится конструирующим моментом в последовательности» [Там же]. В поэзии, иными словами, эквиваленция осуществляется не по оси референции (в соответствии с которой осуществляется «селекция»), а по оси внутритекстовых связей, или связности (результат «комбинации»). Здесь видим сближение с идеей Дж. Серля о «горизонтальных конвенциях» фикционального дискурса и «вертикальных связях» серьезной речи, хотя очевидно, что они вводят оппозиции разного уровня: там, где Дж. Серль противопоставляет несерьезное серьезному, Р.О. Якобсон говорит о противопоставлении «поэтического» языка «референтивному» [5, с. 71], что представляется более абстрактным обобщением. Таким образом, несерьезное речевое поведение состоит из актов речи, которым в разной степени, но непременно свойственна поэтическая функция (с вытекающими из этого последствиями). С формально-стилистической точки зрения, это выражается в различных видах маркированности языковой формы – что представляется нам речевой манифестацией упомянутого бейтсоновского метаязыкового маркера «это игра», – а на уровне прагматики высказывания видим здесь различные виды отклонения от оптимального информирования, которое зафиксировано П. Грайсом в его максимах [3] и конкретизировано в принципе вежливости [6]. Рассмотрим описанные принципы на примерах из нашего каталога записей устной речи (КЗУР).

Пример 1. Игровой речевой обмен: совместное конструирование возможного мира Коллеги в офисе, А. (молодая женщина) и Б. (молодой мужчина).

А., проходя в узкую дверь, задевает Б. за локоть.

Б.: *Что это Вы об меня руки вытираете?*

А.: (с театрально усталым вздохом) *Ох, (пауза) потому что Вы чистый.*

В данном примере видим, что высказывания коммуникантов, на первый взгляд, не отмечены языковой игрой: здесь нет ни тропов, ни рифмы, ни прецедентности и т.п. Однако на уровне референции здесь мы сталкиваемся с уничтожением именно вертикальных связей. Из повседневного опыта мы понимаем, что обсуждаемое социальное прикосновение не имеет целью «вытирание рук». В то же время вопрос содержит пресуппозицию: «А. вытирает руки о Б.», поскольку здесь спрашивается о причинах и целях «вытирания рук», факт которого сам по себе не ставится говорящим под сомнение. А. воспринимает игровую интенцию Б., и из всех возможных стратегий – игнорирование игры, признание игровой интенции без развития игры и поддержка игры, – выбирает последнюю, самую рискованную, затратную, но и потенциально наиболее выигрышную. Если бы А. стремилась дать серьезный ответ, то она должна была бы первым делом восстановить вертикальные связи дискурса, а именно отрицать сам факт «вытирания рук», объяснив, что вынужденно коснулась Б. из-за тесноты. Однако А. избирает игровую стратегию: она соглашается принять игру и далее действует исходя из истинности пресуппозиции «А. вытирает руки о Б.» и, объясняя причины такого поступка, поддерживает разговор о возможном мире, в котором ее интенции, действительно, лежали бы в области гигиены. Ее ответ *Потому что Вы чистый* – яркий образец псевдологической аргументации. Каждому ясно, что если и вытирать руки, то лучше обо что-то чистое, однако самый поверхностный анализ неизбежно приведет нас к пониманию того, насколько нелогично высказывание *Я вытираю о Вас руки, потому что Вы чистый*. Таким образом, видим, что на ложную претензию по надуманному поводу говорящий Б. получает псевдологическую аргументацию – в каком-то смысле безупречную, ведь на нее очень трудно что-то возразить. Получается, что в тот момент, когда Б. решил порвать какую-то часть референциальных связей с реальным миром, он дал А. карт-бланш на разрывание и других связей, по ее усмотрению.

Здесь важно заметить, что, строго говоря, анализируемые реплики являются не столько репликами «о» возможном мире, сколько произносятся «в» возможном мире, с которым якобы референциально соотносятся, ведь говорящие не описывают этот мир, а совершают в нем фикциональные перформативы (*вопрос-претензия и *объяснение причин). В этом смысле анализируемые высказывания внешне практически неотличимы от драматических реплик, с той лишь разницей, что эти реплики предназначены для всего лишь одного исполнения, которое произойдет в момент их создания. Таким образом, в спонтанном игровом диалогическом высказывании говорящий совмещает сразу три роли: автор-драматург, персонаж фикционального дискурса и актер, играющий роль этого персонажа.

В предыдущем примере мы видели обмен *собственно игровыми* речевыми актами, т.е. такими, в которых игрой затронута (точнее, снята) их иллокутивная сила. Однако важно помнить о том, что характеристика «игровой» по отношению к высказыванию имеет градуальную природу и может быть выражена в различной степени. Иными словами, часто те высказывания, которые содержат компоненты игры, могут иметь при этом вполне серьезную иллокутивную силу, никак не затронутую игрой, или, по мнению Э. Холт, несмотря на свою игровую составляющую, выполняют также и серьезную коммуникативную цель [4]. В этом случае есть смысл говорить о речевых актах, имеющих игровой компонент или характеризующихся игровой тональностью. Приведем пример.

Пример 2. Диалогический обмен в игровой тональности: игровой экспликатив серьезного высказывания

Разговор между коллегами – вузовскими преподавателями А. и Б. – у недавно установленного в университете кофейного автомата, на тот момент (нулевые годы) передовой и редкой технологической новинки. Одна из коллег предложила угостить другую кофе и заодно научить пользоваться автоматом. Б. заказала горячий шоколад. К сожалению, вместо горячего шоколада автомат выдает просто сладкую горячую воду, видимо, из-за того, что закончился какао-порошок. Первое впечатление испорчено, но А. не сдается: она выбрасывает использованный стаканчик, и заказывает для Б. кофе с молоком.

А. (подавая Б. кофе) *Ну что, открыла я для тебя новый мир?*

Б. (принимая стаканчик с озадаченной улыбкой) *Да, но не скажу, чтобы он был особенно прекрасен!*

Как видим, в приведенном обмене все высказывания достаточно адекватно описывают окружающую говорящих реальность, не создавая фикции. В то же время этот обмен нельзя назвать абсолютно серьезным из-за его игрового тона, который создается поверхностными языковыми эффектами: выбором возвышенной метафоры «открыть для кого-л. новый мир» и эпитета «прекрасный новый мир», отсылающих нас к шекспировской цитате “brave new world” (со всеми присущими ей культурными ассоциациями) и их помещением в обыденный диалог на работе, темой которого является кофе из автомата. Усиливает игровой эффект и анекдотическая фабула этого микронарратива: для кого-то попытались «открыть прекрасный новый мир», но это открытие обернулось горьким разочарованием. Таким образом, высказывание, которое по объективным критериям опознается говорящими как игровое, не обязательно характеризуется снятой иллокуцией: оно может выражать смыслы, которые референциально связаны с окружающей реальностью, но при этом содержат элементы языковой игры и таким образом осуществлять поэтическую функцию языка.

Теперь мы готовы дать ответ на основной исследовательский вопрос, стоящий перед нами: как возможны осмысленные и сложно устроенные игровые речевые обмены, при условии, что игровые речевые действия не означают того, что означали бы соответствующие им серьезные действия?

Несмотря на то, что игровое действие отменяет собственную иллокуцию посредством метаязыкового маркера «это игра», полностью игровые диалогические обмены возможны, поскольку игровое высказывание относится к сфере поэтического языка, в котором ослаблено влияние «вертикальных связей» дискурса (по Дж. Серлю), или «селекции» (по Р.О. Якобсону), и усилены «горизонтальные связи» (по Дж. Серлю), или «комбинация» (по Р.О. Якобсону). Таким образом, связь между репликами в игровом диалоге может проходить в большей степени по поверхности высказывания, не всегда затрагивая его референциальные связи, вследствие чего целью коммуникации становится не истинностное информирование собеседниками друг друга о реальном мире (как он им представляется), а построение множественных семантических, синтаксических, стилистических и прагматических связей между высказываниями в диалоге. Этот принцип сближает игровое высказывание с художественным текстом, в котором поэтическая функция языка является доминирующей.

По признаку выраженности вертикальных и горизонтальных связей все игровые высказывания можно разделить на две группы: (1) собственно игровые высказывания, у которых маркером «это игра» снята иллокутивная сила, вследствие чего они неспособны выстраивать вертикальные связи, и (2) высказывания в игровой тональности, иллокутивная сила которых сохраняется, но форма при этом содержит игровые элементы, за счет чего собеседнику передается сигнал об игровой интенции говорящего, но серьезная коммуникация не прерывается.

Подведем итоги.

1. По мнению Дж. Остина, если и можно говорить об иллокутивной силе игрового речевого действия, то эта сила имеет особое свойство, отличное от иллокутивной силы того, что он называет «нормальными», серьезными речевыми действиями. Дж. Остин сближает игровые РА с такими явлениями, как драматургические реплики и поэтические строки, объединяя их под зонтичным термином «паразитические способы употребления языка». Эти сближения не случайны: «паразитическими» эти явления делает их вторичность, меметичность и автореферентность. Дж. Серль частично решает проблему упомянутых «паразитических» употреблений языка, вводя различие «серьезного» и «фикционального» дискурса: если первый структурируется в соответствии с «вертикальными» отношениями (примером которых может послужить референция к реальному миру), то второй подчиняется «горизонтальным» конвенциям, возникающим не между текстом и миром, а между автором и читателем. Эти же феномены концептуализируются Р.О. Якобсоном как осуществление логических операций отождествления в процессе интерпретации либо по оси «селекции» (что свойственно для референтивной функции языка), либо по оси «комбинации» (что свойственно для поэтической функции языка).

2. Снижение значимости «вертикальных» (референциальных) связей высказывания (или отождествлений по яacobсоновской оси селекции) компенсируется усилением связей горизонтальных (отождествлений по яacobсоновской оси комбинации), т.е., по сути, того, что в лингвистике текста называется цельностью и связностью (когезией и когерентностью). Такая ситуация закономерно делает речевые действия автореферентными, поскольку в процессе приращения информации в подобном речевом произведении мы расширяем свои знания не о мире (пусть даже в том виде, в котором он представлен в знаниях собеседника), а о самом этом произведении и той фикциональной реальности, которая творится в процессе порождения этого произведения.

3. По характеру выраженности обоих типов связей игровые речевые действия можно разделить на две группы. Собственно игровые действия – такие, в структуре которых игровым элементом высказывания затронута иллокуция, например, игровой упрек, игровое извинение, игровая благодарность и т.п. Серьезные действия с признаками игровой тональности – это такие действия, иллокуция которых не снята игровым ком-

муникативным фреймом, однако их форма содержит признаки языковой игры, что позволяет говорящему обозначить игровую интенцию, не прерывая серьезного обмена информацией.

4. Вышесказанное позволяет предполагать, что соотношение игрового и неигрового речевого действия подобно тому, которое существует между художественным и нехудожественным текстами, поскольку на крайних точках обеих градуальных осей видим поэтическую и референтивную функции языка соответственно. Таким образом, теория игрового речевого действия может разрабатываться и как поэтика устной речи, объектом которой оказываются различные способы осуществления языковой игры на уровне конверсационной прагматики.

Список литературы

1. Austin J.L. How to do things with words. Oxford. Clarendon Press. 1962.
2. Bateson G. A theory of play and fantasy // The Game Design Reader: A Rules of Play Anthology. Cambridge. 2006. P. 314–328.
3. Grice P. Studies in the way of words. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1989.
4. Holt E. Laughter at last: playfulness and laughter in interaction // Journal of Pragmatics 100. July 2016. P. 89–102.
5. Jakobson R.O. Linguistic and poetics // Language in literature. Harvard University Press. Cambridge. London. 1987. P. 62–94.
6. Leech G. Principles of pragmatics. London, New York. Longman. 1983.
7. Searle J. Expression and meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge University Press. 1999.

The playful speech act and the poetic function of language

The connection of pragmatics of playful speech acts and the poetic function of language are analyzed.

The concepts of the “parasitic forms of language use” (the term of John Austin), the fictional discourse, the vertical and horizontal links of discourse and the playful and serious speech acts (the terms of John Searle) are considered in the context of the concepts of the poetic function of language, suggested by R.O. Jakobson, where the poetic language is interpreted as implementing the equivalences along the axis of “combination” as in the playful discourse but not “selections” (the terms of R.O. Jakobson) and as in the serious discourse. The theoretical aspects are illustrated by the examples from the catalogue of the records of oral speech, collected by the author.

Key words: *illocutionary acts, playful speech acts, fictional discourse, poetic function of language.*

(Статья поступила в редакцию 14.02.2025).

Е. В. БОБЫРЕВА
В. А. БУРЯКОВСКАЯ
Волгоград

ЖАНР ХРИСТИАНСКОГО АКАФИСТА В ПРОСТРАНСТВЕ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА И ЕГО КОРРЕЛЯТЫ В ИСЛАМЕ И БУДДИЗМЕ

Рассмотрены особенности христианского акафиста – комплексного образования, относящегося к первичным жанрам религиозного дискурса. Установлено, что акафист представляет собой сложное речевое событие, включающее в качестве составных частей кондак, икос и заключительную хвалебную молитву. Предложена типологизация компонентов акафиста. Выявлены корреляты данного жанра в других мировых религиях, установлено их сходство и различие в содержательном и структурном планах.

Ключевые слова: религиозный дискурс, жанры религиозного дискурса, акафист, кондак, икос, ислам, буддизм.

Религиозный дискурс выступает объектом многочисленных научных исследований в течение довольно длительного времени. Изучена структура данного дискурсивного пространства, описаны практически все жанры и текстовые образцы религиозного дискурса. Отметим, что религиозный дискурс – комплексное образование, сложное для анализа по ряду причин, главная из которых состоит в том, что большая часть текстового пространства данного дискурса имеет в качестве автора (адресанта) высшее начало (Всевышнего). Не менее значимо и то, что каждый жанр религиозного дискурса связан с неким ритуализованным событием, состоящим из целого ряда составных частей.

Акафист – один из специфических и пока малоизученных жанров религиозного дискурса, который еще не был предметом всестороннего научного анализа, его существенные характеристики недостаточно изучены.

Цель настоящего исследования – описание специфики жанра акафиста, характеристика его семантических, структурных, функциональных и коммуникативных признаков, определение его места в жанровом пространстве религиозного дискурса и его взаимоотношений (в плане включения или пересечения) с другими жанрами религиозного дискурса.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа жанра акафиста для выявления его жанровых признаков и построения общей жанровой картины православного вероучения.

Материалом исследования послужили тексты акафистов (хвалебных песнопений) и входящих в их состав кондаков и икосов, используемых в ходе православного церковного богослужения; а также данные толковых словарей русского языка.

Исследование выполнено в парадигме теории текста, теории речевых жанров, дискурс-анализа и лингвокультурологического моделирования отдельных языковых единиц.

В ходе работы использовались концептуальный и интерпретативный методы, методы компонентного, контекстуального и дистрибутивного анализа.

Попытки определить само понятие *жанр* предпринимались и продолжают предприниматься на протяжении довольно длительного периода, но на сегодняшний день однозначного определения жанра нет. Каждое из научных направлений, определяя суть

данного понятия, ставит во главу угла различные критерии и делает акцент на разных характеристиках, подчеркивая значимость тех или иных черт.

В рамках функционально-стилистического подхода жанр определяется как особая форма организации текстового пространства: «Жанровая форма речи – это определенным образом оформленный текст» [7, с. 74].

С. Гайда рассматривает жанр с точки зрения особенностей его порождения адресантом и восприятия адресатом, определяя жанр как «горизонт ожиданий для слушающих и модели построения для говорящих» [5, с. 24]. «Речевой жанр определяется тем, кто, кому, зачем, о чем и как говорит, учитывая то, что было и что будет в общении», – считает Т. В. Шмелева [13, с. 93]. По мнению В. В. Дементьева, жанр есть «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [6, с. 86].

Литературоведение, рассматривающее разные формы текстов с точки зрения их строения и направленности на адресата, считает жанр «разновидностью текстовых произведений, объединенных общей целеустановкой, сходными композиционными формами и тематической одноплановостью» [12, с. 103].

Суммируя мнения исследователей, отметим, что, по нашему мнению, жанр есть «вербальное оформление типичной ситуации взаимодействия людей, совокупность текстов, которые имеют сходные формы, композиционное построение, объединены одной целью, близки по тематике и реализуются в рамках типичной коммуникативной ситуации» [4, с. 169].

Классификация жанров – не менее сложная задача, чем определение самого феномена *жанр*. Типологизация жанров религиозного дискурса осложняется особым сакральным характером данной сферы. Жанры религиозного дискурса разноплановы как по форме, так и по содержанию. Одним из критериев, в соответствии с которым можно провести их дифференциацию, может служить критерий первичности или вторичности их порождения. «Первичные жанры – простые, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения (реплики бытового диалога, частное письмо). Вторичные (сложные) жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического» [3, с. 252]. Говоря о религиозном дискурсе, к числу первичных жанров мы относим жанры молитвы, псалма, притчи, акафиста, составляющие основу православного богослужения.

Религиозный дискурс как таковой и его отдельные жанры отличает высокая степень эмоциональности; все общение в данной сфере основывается не на рациональном компоненте и аргументации каждого из положений [2], а на эмоциональном воздействии, внушении, которые подкрепляются силой веры человека. Но если сопоставить эмоциональную окраску разных жанров религиозного дискурса, акафист, пожалуй, будет иметь максимальную степень эмоциональности, поскольку в данном жанре находит воплощение целый спектр различных чувств и эмоций человека, в первую очередь, благодарность высшим силам за все ниспосланные человеку блага. Согласимся с Н. А. Красавским, что «эмоции, чувства человека, как известно, переживаются кластерно. Они не изолированы друг от друга, а представляют собой определенным образом организованные комплексы переживаний как реакции на события, как правило, извне» [8, с. 9].

«Акафист выступает одним из канонических жанров, в котором отчетливо проявляются черты религиозного стиля» [10, с. 32]. Акафист представляет собой церковное хвалебное песнопение, чин молитв, которые прославляют Иисуса Христа, Пресвятую Богородицу или определенного святого. Кроме того, существуют акафисты в честь Креста Господня и других значимых церковных праздников. Такой специфический жанр

как «акафист (в переводе с греческого: Ακάθιστος – хвалебная песнь, которую поют во время богослужения стоя, восхваляющая Господа, Богородицу или какого-либо из святых) есть только в христианстве» [9, с. 10].

Жанр акафиста является жанром исключительно русскоязычного религиозного дискурса, не имеет аналогов в религиозных текстах других конфессий и определяется особенностями христианского (православного) мировосприятия.

По своей структуре акафист представляет собой сложное жанровое образование, включающее в себя *кондак*, *икос* и заключительную хвалебную *молитву*.

Кондак – относительно ограниченный как в структурном, так и в содержательном плане компонент акафиста, основная функция которого – выражение и донесение до участников богослужения самой сути празднуемого события или значимости святого, день которого отмечается церковью. Следует отметить особую тональность данной части акафиста, в которой может содержаться восхваление святого и признание его значимости: *Пение хвалебное и благодарственное приносят Тебе, Владычице, принадлежащие ко иконе Твоей, возложившие на нее упование, радостно вопиют Богу* (кондак Пресвятой Богородице); констатация неземной божественной сущности и силы: *Боготечная звезда явися Твоя, Богомати, икона, всю страну Российскую обтекающая, лучами чудес мрак печалей и мглу всяких недугов и скорбей прогоняющая и наставляющая на путь спасения с верою в Тебя* (кондак Пресвятой Богородице); *Все естество ангельское беспрестани славит пресвятое имя Твое, Иисусе, на Небеси, Свят, Свят, Свят, вопиюще, мы же грешни на земли бранными устами вопием, Аллилуйя* [1, с. 17] (кондак Иисусу Христу); *О преславный угодниче Христов и чудотворче, преподобне княже Данииле, отрадо и утешение всех с верою к тебе прибегающие! Примими от нас, недостойных, сие малое моление, с любовию тебе приносимое, и теплым ходатайством твоим ко Господу огради святую обитель твою, умири жизнь нашу и даруй нам покаяние совершенное, избави нас от бед и вечных мук, да купно с тобою благодарственно вопием. Аминь* [1, с. 464] (кондак преподобному княже Данииле московскому, чудотворче).

Таким образом, первая часть акафиста, именуемая *кондак*, как правило, содержит: а) обращение к лицу, которому будет посвящено песнопение; б) эксплицитное или имплицитное изложение причин благоговейного отношения к нему (почитания святого); в) перечисление заслуг святого; г) констатацию признания и почитания.

Следующий далее *икос* (вторая часть акафиста) представляет собой непосредственно хвалебное песнопение, которое и составляет содержательный план акафиста. Икос в «Практической энциклопедии православного христианина» определяется как «церковное песнопение, прославление святого или празднуемого события» [9, с. 72]. Эта часть более объемна, чем кондак и считается главной частью акафиста. Таков, например, икос в акафисте Преподобному князю Даниилу московскому, Чудотворче: *Поем честныя подвиги Твоя, ублажаем честное житие твое, восхваляем священную память твою, Данииле благоверне, и, прославляюще Господа всех, вопием ти сице: Радуйся, яко крест богоугоднаго жития до конца пронесл еси: радуйся, яко о скорбех твоих Бога благодарил еси. Радуйся, всяку добродетель в себе изобразивый; радуйся, иго Христова возлюбивый. Радуйся, немощи немощных на себе носивый; радуйся, благоволение Божие людем твоим испросивый. Радуйся, присно на Небеси торжествуяй; радуйся, на земли преславно чудодействуяй. Радуйся, людем твоим помощниче благодарованный; радуйся, Ангелом собеседниче достойный. Радуйся, преподобне княже Данииле, московский чудотворче* [1, с. 472].

Рефрен *Радуйся* – центральный элемент практически всякого икоса – создает особую тональность, представляет собой не просто хвалебное песнопение в честь Святого, но и постулирует поддержку и защиту, которые может получить от высших сил че-

ловек. Именно данная часть сообщает жизнеутверждающее начало акафисту как жанру религиозного дискурса, в отличие, скажем, от молитвы, содержательный план которой может иметь другую тональность.

Молитва является заключительной частью акафиста. Рассматривая молитву как самостоятельный жанр, функционирующий в пространстве религиозного дискурса, выделяют *призывно-просительные, нарративно-благодарственные и хвалебно-благодарственные* молитвы. Приведем примеры.

1. Призывно-просительная молитва: *Воспевая благодать Твою, Владычице, молю Тя. Ум мой облагодати. Ступати право мя настави, путем Христовых заповедей. Бде-ти к песни укрепи, уныния сон отгоняющи. Связана пленницами грехопадений, мольба-ми Твоими разреши, Благовестю. В нощи мя и во дни сохраняй, борющихся враг избавля-ющи мя. Жизнодателя Бога родшая, умерщвлена мя страстьми оживи. Яже Свет не-вечерний родшая, душу мою ослепшую просвети. О дивная Владычня палато, дух Боже-ственна мене сотвори. Врача родшая, уврачуи души моей многолетныя страсти* (Мо-литва ко Пресвятой Богородице).

2. Нарративно-благодарственная молитва: *От сна восстав, благодарю Тя, Святая Троице, яко многия ради Твояе благодати и долготерпения не прогневался еси на мя, ле-ниваго и грешнаго, ниже погубил мя еси со беззаконьми моими; но человеколюбствовал еси обычно и в нечаянии лежащего воздвигл мя еси, во еже утревати и славословити державу Твою* (Молитва ко Пресвятой Троице).

3. Хвалебно-благодарственная молитва: *Тя благословим, вышний Боже и Господи милости творящего. Благодарим Тя, яко не погубил еси нас со беззаконьми нашими, но человеколюбствовал еси обычно. Молим безмерную Твою благодать, просвети наша мысли, очеса, и ум наш от тяжкого сна лености возстави: отверзи наша уста, и ис-полни я Твоего хваления, яко да возможем непоколеблемо пети же и исповедатися Тебе, во всех, и от всех славимому Богу, Безначальному Отцу, со Единородным Твоим Сыном и Всесвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь* (6-ая молитва Святителя Василия Великого).

Акафист, как правило, заканчивается благодарственной молитвой, которая суще-ствует в двух формах: хвалебно-благодарственная молитва и нарративно-благодар-ственная молитва: *О Пресвятая Богородице Дево, Владычице, вышняя Ангел и Архан-гел и всея твари честнейшая, ангельское великое удивление, спасителей изрядное укра-шение, мучеников крепкое утверждение, иноков спасительное наставление, матерей тихое веселие, нагих одеяние, болящих здравие, христиан всех хранительнице и мира всего спасение, Тебя величаем!* (Молитва ко Пресвятой Богородице).

В то время как жанры, например, *проповеди* и *исповеди* существуют в любой ми-ровой религии (хотя и различаются в формальном и содержательном планах), жанр ака-фиста специфичен и не имеет прямых аналогов в других религиях. Он остается исклю-чительно христианским жанром, хотя имеет разные формы в различных направлениях христианства – православии, католицизме и протестантизме.

Однако в некоторых религиях существуют жанры, которые совпадают с христиан-ским акафистом по своей основной функции – выражение благодарности, вознесение хвалы высшим силам.

Так, в исламе существует такой жанр, как *дуа*, который в определенной степени коррелирует с христианским акафистом. Дуа – хвалебный речитатив, посвященный вос-хвалению Аллаха и обращенный только к Аллаху, а не к какому-либо другому лицу, на-пример, пророку Мухаммеду, который почитается как лицо, через которое Всевышний ниспослал свое учение человеку. Кроме того, набор дуа значительно более узок и чет-ко регламентирован. Подобная регламентация затрагивает в первую очередь тематику возносимых Всевышнему дуа.

Дуа, в отличие от акафиста в православии, не входит в ритуал совершения богослужения в храме (мечети). Данный жанр вынесен как бы за рамки храмового богослужения и произносится верующим индивидуально в конце каждого дня.

В отличие от жанра акафиста, жанр дуа в исламе весьма ограничен по выполняемым функциям. К числу основных функций, выполняемых жанром дуа, относятся функция благодарения и функция восхваления. Такие функции, как молитвенная и комплиментарная, не характерны для исламского дуа. Инспиративная функция реализуется данным жанром особым образом, поскольку, согласно религиозным канонам ислама, произнесение дуа уже само по себе должно укрепить человека в вере.

Приведем пример наиболее часто произносимого дуа: *Хвала Аллаху, который обеспечил меня и дал приют, накормил меня и напоил, который щедро даровал мне Свою милость. Хвала Аллаху в любом положении. О Аллах, Господь всякой вещи и ее властелин, я прибегаю к Тебе от Огня* [11].

Жанр дуа, в отличие от акафиста, более четко регламентирован по структуре и содержанию, включает в себя только выражение благодарности, за которой, как правило, следует перечисление благ, ниспосланных человеку Всевышним.

Отсутствует жанр, подобный акафисту, и в буддизме. Но это не означает, что выражение благодарности в данной религии не практикуется. В отличие от акафиста в христианстве и дуа в исламе, в буддизме существует понятие *практики благодарности*. Данная практика не оформлена и не представлена в форме определенного жанра, не имеет конкретной структуры, однако схожа с акафистом по своей основной функциональной специфике.

Практика благодарности в буддизме напоминает акт медитации и, как правило, имеет преимущественно невербальную форму реализации (хотя не исключены случаи ее вербализации). Суть данной практики состоит в том, что практика выражения благодарности, так же как и в исламе, вынесена за рамки традиционной службы и чрезвычайно персонифицирована. В соответствии с канонами буддистской религии в конце каждого дня верующий должен сконцентрироваться на том, за что он желает вознести благодарность. Причем выражаемая человеком благодарность ниспосылается не высшим силам, а окружающим человека вещам, произошедшим ситуациям, событиям, которые так или иначе повлияли на человека в течение прожитого им дня. Зачастую в буддизме, в отличие от христианства и ислама, практика благодарности не предполагает обращения к конкретному адресату. Приведем пример вербализации подобной ежедневной практики: *Благодарю за возможность жить, дышать, любить, смеяться, танцевать, грустить, лениться, работать, играть, быть, спать, рожать, ссориться, мириться, целовать, умирать*.

Подведем итоги. В отличие от традиционных жанров религиозного дискурса, широко практикуемых в любой мировой религии (таких, например, как проповедь и молитва), схожих во многих своих чертах (хотя и имеющих характерные различия, обусловленные характером исповедуемого учения), практика благодарения оформлена как отдельный специфический жанр не во всех религиозных учениях. Будучи типизирована в рамках христианского вероучения в виде специфического жанра акафиста, данная практика имеет до некоторой степени схожий жанровый образец в исламе (жанр исламского дуа). В буддизме же она не получила четкого жанрового оформления, хотя фактически по своей функциональной специфике практика благодарности близка вышеуказанным жанрам. Несмотря на то, что жанры акафиста, дуа и буддистской практики благодарности не получили в современной лингвистике такого внимания исследователей, как, например, жанры молитвы и проповеди, их изучение представляется необходимым для построения общей жанровой картины религиозного дискурса, т.к. рассмотренные жанры выступают комплексными полифункциональными образованиями, регулирующими мировосприятие и мироощущение индивида.

Исследование жанра христианского религиозного акафиста, а также попытка найти и провести анализ коррелятов данного жанра в других религиозных системах, показало уникальность акафиста как по форме и содержанию, так и по выполняемым данным жанром функциям.

Перспективами проведенного исследования может стать сопоставительное рассмотрение жанров акафиста в христианстве, дуа в исламе и практики выражения благодарности в буддизме с традиционно рассматриваемыми и сопоставляемыми жанрами молитвы и проповеди, поскольку у данных образцов немало точек соприкосновения. Перспективу исследования может составить и разработка наиболее общих схем построения христианского акафиста, исламского дуа и буддистской практики выражения благодарности.

Список литературы

1. Акафистник. М.: Изд-во «Даниловский благовестник», 2003.
2. Баранов А. Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. С. 40–52.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.
4. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Монография. Волгоград: Перемена, 2007.
5. Гайда С. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. Пермь, 1988. С. 22–28.
6. Дементьев В. В. Традиции изучения жанров русской разговорной речи в саратовской лингвистике // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 3. Саратов: Научная книга, 2003. С. 83–96.
7. Иванчикова Е. А. Жанровые формы речи газетной публицистики (Опыт типологии текстов) // Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / Отв. ред. А. Н. Кожин. М.: Наука, 1987. С. 72–135.
8. Красавский Н. А. Триада ключевых эмоциональных концептов «страх», «душевные страдания» и «отчаяние» в повести Германа Гессе «Кляйн и Вагнер» // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 1 (05). С. 4–14.
9. Практическая энциклопедия православного христианина / Под ред. С. Е. Молоткова. СПб.: Изд-во «Сатисъ Держава», 2003.
10. Рядовых Н. А. Жанр акафиста: категориально-текстовая специфика: дис. ... канд. филол. наук: Уральский федер. ун-т им. Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2021.
11. Хадисы Пророка // URL: <https://hadeethenc.com/ru/browse/hadith/5882> (дата обращения: 20.01.2025).
12. Чернявская В. Е. Тип текста в социокультурной перспективе // Жанры речи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Саратов, 2005. С. 102–112.
13. Шмелева Т. В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Киев: Collegium. 1995. № 1–2. С. 88–98.

* * *

1. Akafistnik. M.: Izd-vo «Danilovskij blagovestnik», 2003.
2. Baranov A. N. Argumentaciya kak yazykovoj i kognitivnyj fenomen // Rechevoe vozdejstvie v sfere massovoj kommunikacii. M.: Nauka, 1990. S. 40–52.
3. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov. Sobr. soch.: V 5 t. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 159–206.

4. Bobyreva E. V. Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya): Monografiya. Volgograd: Peremena, 2007.
5. Gajda S. Problemy zhanra // Funkcional'naya stilistika: teoriya stilej i ih yazykovaya organizatsiya. Perm', 1988. S. 22–28.
6. Dement'ev V. V. Tradicii izucheniya zhanrov russkoj razgovornoj rechi v saratovskoj lingvistike // Problemy rechevoj kommunikacii. Vyp. 3. Saratov: Nauchnaya kniga, 2003. S. 83–96.
7. Ivanchikova E. A. Zhanrovyje formy rechi gazetnoj publicistiki (Opyt tipologii tekstov) // Stilistika russkogo yazyka: Zhanrovo-kommunikativnyj aspekt stilistiki teksta / Otv. red. A. N. Kozhin. M.: Nauka, 1987. S. 72–135.
8. Krasavskij N. A. Triada klyuchevyh emocional'nyh konceptov: «strah», «dushevnye stradaniya» i «otchayanie» v povesti Germana Gesse «Klyajn i Vagner» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 1 (05). S. 4–14.
9. Prakticheskaya enciklopediya pravoslavnogo hristianina / Pod red. S.E. Molotkova. SPb.: Izd-vo «Satis» Derzhava», 2003.
10. Ryadovyh N. A. Zhanr akafista: kategorial'no-tekstovaya specifika: dis ... kand. filol. nauk: Ural'skij feder. un-t im. B. N. El'cina. Ekaterinburg, 2021.
11. Hadisy Proroka // URL: <https://hadeethenc.com/ru/browse/hadith/5882> (data obrashcheniya: 20.01.2025).
12. Chernyavskaya V. E. Tip teksta v sociokul'turnoj perspective // Zhanry rechi: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 4. Saratov, 2005. S. 102–112.
13. Shmeleva T. V. Rechevoj zhanr: opyt obshchefilologicheskogo osmysleniya // Kiev: Collegium. 1995. № 1–2. S. 88–98.

The genre of the Christian acaphistus in the space of religious discourse and its correlates in islam and buddhism

The specific features of the Christian acaphistus - the complex formation related to the primary genres of religious discourse are considered. It is defined that acaphistus is a complicated speech event including kondak, ikos and final prayer of praise as its components. The typology of acaphistus components is suggested. The correlates of this genre in other world religions are revealed, their similarities and differences in the semantic and structural plans are found out.

Key words: *religious discourse, genres of religious discourse, acaphistus, kondak, ikos, islam, buddhism.*

(Статья поступила в редакцию 23.01.2025).

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕФИКСА *SUPER-*
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются особенности функционирования префикса super- в англоязычном дискурсе. Частотный префикс super- в составе английских неологизмов приобретает дополнительные коннотации; обладает экспрессивностью, эмоциональностью, положительной и отрицательной оценкой, что связано с когнитивно-прагматическим и семантико-аксиологическим потенциалом неологизмов в англоязычном дискурсе. Частотность данного префикса обусловлена тенденцией к экспрессивизации речи, актуализацией неологизмов с данным префиксом в разных видах дискурса.

Ключевые слова: неологизм, дискурс, английский язык, лексикография, префикс, оценка, коннотация.

Словарный состав языка «пополняется постоянно, и прежде всего – в результате словообразовательных процессов. Исследование современных деривационных процессов остается по-прежнему актуальным, в т.ч. и для выявления социальных и собственно языковых факторов, определяющих на современном этапе функционирования языка основные направления его развития» [5, с. 3].

Словообразование – «главный способ создания неологизмов. При этом словообразование связано не только с постоянным возникновением необходимого социуму количества новых наименований, но также с поддержанием достаточного количества производных единиц в системе языка и с обеспечением их нормального функционирования как с формальной, так и с семантической точек зрения» [2, с. 33].

Неологизмы традиционно рассматриваются «как результат динамических процессов, которые отражают адаптацию языка к трансформациям, происходящим в политической, экономической и социальной сферах деятельности человека. Эти изменения характерны прежде всего для лексической и грамматической систем языка» [1, с. 12].

По мнению Е.С. Кубряковой, «вся неология должна быть освещена как наука о средствах и способах языковой фиксации и репрезентации нового опыта познания мира современным человеком, как наука, изучающая принципы концептуализации и категоризации мира ON-LINE, hic et nunc, здесь и сейчас» (цит. по: [1, с. 61]).

Цель данной статьи – рассмотрение особенностей употребления частотного префикса *super-* в англоязычном дискурсе. Материалом для исследования послужили английские неологические единицы, отобранные из лексикографических онлайн-источников [6; 9; 10].

Активное использование префикса *super-* справедливо объясняется З.И. Минеевой «вниманием носителей языка к крайним точкам аксиологической шкалы и развитием функциональной оценочности (позитивной или негативной) в процессе создания новообразований» [4, с. 33].

Префикс *super-*, имеющий значение ‘над’, – латинского происхождения. В английском дискурсе присутствует незначительное количество неологизмов с семантикой, близкой к этимологической. Приведем примеры.

Superager – someone over the age of 65 whose memory and thinking skills are similar to those of someone in their 20s (человек старше 65 лет, чья память и мыслительные способности аналогичны таковым у человека в возрасте 20 лет). В этом примере обратим внимание на предлог *over*, который в данном контексте совпадает по значению с префиксом

super-. Отметим, что важна также и дополнительная коннотация *super-*: несмотря на немолодой возраст, когнитивные способности человека очень высоки.

Super-Earth – a planet outside our solar system that has a mass higher than the Earth's (планета вне нашей солнечной системы, у которой масса больше земной). В определении данного неологизма помимо семы *outside (the outer part or side of something* – внешняя часть или сторона чего-либо), которая может означать 'условный предмет, находящийся над другим', присутствует и сема *higher (greater than the usual level or amount* – больше, чем обычный уровень или количество), указывающая на интенсивность.

Именно сема 'интенсивность' является доминирующей в неологических единицах с префиксом *super-* в следующих примерах:

supercell – an extremely severe thunderstorm characterized by a very strong rotating wind which blows upwards and lasts for a long time (чрезвычайно сильная гроза, характеризующаяся мощным вихреобразным ветром, который дует снизу вверх в течение длительного времени);

supertunnel – an extremely long or exceptionally well-built tunnel (чрезвычайно длинный или исключительно хорошо построенный туннель);

super-gentrification – the rebuilding and upgrading that occurs when exceptionally wealthy people move into an already well-off or middle-class area (перестройка и модернизация, происходящие, когда исключительно богатые люди переезжают в уже зажиточный или средний по уровню жизни район);

super-feeler – someone who experiences their own emotions and those of other people very intensely (тот, кто очень интенсивно переживает свои собственные эмоции и эмоции других людей).

Итак, мы видим наличие сем-интенсификаторов '*extremely*' – *very* (очень), '*exceptionally*' – *in a way that is much greater than usual, especially in skill, intelligence, quality* (в гораздо большей степени, чем обычно, особенно в плане мастерства, интеллекта, качества) и '*intensely*' – *extremely or strongly* (очень, сильно).

По справедливому замечанию ученых, «семантика интенсивности обычно сопряжена с эмоционально-экспрессивной окраской и оценкой» [3, с. 7–8].

В следующем примере неолексема *super-gentrification* ассоциируется с богатством и роскошью (*super-rich, affluent*), создавая, таким образом, положительную эмоциональную и экспрессивную оценку:

Postcode 94027 is now undergoing something of a «super-gentrification», where an entirely new strata of super-rich are taking over already affluent areas (Почтовый индекс 94027 сейчас переживает своего рода «суперджентрификацию», когда совершенно новые слои сверхбогатых людей захватывают уже богатые районы) [7].

So what makes someone a super-feeler? According to Dr Z, super-feelers may be wired differently, with studies suggesting that they have an overactive amygdala, the «fire alarm» part of the brain that alerts us if a situation is perceived as threatening. But modern life can exacerbate things, particularly as it feels like we've never been busier, more tired or more stressed (Так что же делает кого-то суперчувствующим? По словам доктора Z, суперчувствующие могут быть настроены по-другому, и исследования показывают, что у них сверхактивная миндалевидная железа, часть мозга, которая отвечает за «пожарную сигнализацию», которая предупреждает нас, если ситуация воспринимается как угрожающая. Но современная жизнь может усугубить ситуацию, особенно если кажется, что мы никогда не были так заняты, так устали или так напряжены) [8].

В данном примере семантика неологизма *super-feeler* также включает оценку, которая помогает создать образ эмоционального и напряженного человека (*threatening* 'угрожающий'; *to exacerbate* 'усугублять'; *tired* 'усталый'; *stressed* 'испытывающий стресс').

Отметим неологизм *supersense – a physical sensation that is the result of an emotion or instinctive feeling you are experiencing but are unaware of* (физическое ощущение, явля-

яющееся результатом эмоции или инстинктивного чувства, которое вы испытываете, но не осознаете). Связанный, как и неологизм *superfeeler*, с чувствами и эмоциями, он, однако, обладает нейтральной оценочностью.

Дополнительная коннотация ‘очень хороший, полезный’ присуща следующим неологизмам с префиксом *super-*:

increase health benefits: *super coffee* – *coffee that has had ingredients such as seeds, oats and spices added in order to increase its health benefits* (кофе, в который добавлены такие ингредиенты, как семена, овес и специи, чтобы усилить его пользу для здоровья);

use very little energy: *super-home* – *a house that uses very little energy because it has good insulation and has been built using renewable technologies* (дом, который потребляет очень мало энергии, поскольку имеет хорошую изоляцию и был построен с использованием возобновляемых технологий);

reduce the risk: *super pea* – *a type of pea that is thought to reduce the risk of type 2 diabetes by helping to control blood sugar levels* (сорт гороха, который, как считается, снижает риск развития диабета 2 типа, помогая контролировать уровень сахара в крови);

be useful and not harmful: *superalignment* – *the study of how to control superintelligent AIs that may be built in the future so that they act in ways that are useful and not harmful to human beings* (изучение того, как управлять сверхразумными ИИ, которые могут быть созданы в будущем, чтобы они действовали способами, не причиняющими вреда людям).

Значение ‘превышение, интенсификация чего-либо’ реализуется в английских неологических единицах с префиксом *super-* при помощи таких сем, как ‘new’: *super-rat* – *a new strain of poison-resistant rat* (новый штамм крыс, устойчивых к яду); ‘well-known’, ‘popular’: *super listener* – *someone who listens to a large number of podcasts and helps to make them well known or popular by recommending them or promoting them, especially on social media* (тот, кто слушает большое количество подкастов и помогает сделать их известными или популярными, рекомендуя их или продвигая их, особенно в социальных сетях); ‘several’: *superblock* – *a space in a city made up of several blocks, where only local traffic is permitted and the needs of the people who live there are given priority* (пространство в городе, состоящее из нескольких кварталов, где разрешено только местное движение, а потребности людей, которые там живут, имеют приоритет).

В комбинации с определенной мотивирующей основой в ряде контекстов неологизмы с префиксом *super-* могут выражать и негативную оценку. Приведем пример: *super distruster* – *someone who thinks their country has many serious problems caused by politicians and other people in a position of power, and that these people should not be trusted at all* (человек, который считает, что в его стране много серьезных проблем, созданных политиками и другими людьми, наделенными властью, и что этим людям вообще нельзя доверять).

Негативная оценка достигается за счет слова *distruster* (*a person who does not believe that someone is good and honest and will not harm you, or that something is safe and reliable* – человек, который не верит, что кто-то хороший и честный и не причинит ему вреда или что-то безопасно и надежно), и префикса *super-*, усиливающего отрицательную оценку.

Внутренние законы развития языка, по мнению исследователей, «определяют необходимость образования новых слов по тем моделям и словообразовательным типам, которые существуют в языке или возникают вновь в связи с выделением новых основ и использованием новых аффиксальных элементов, развитием и усовершенствованием системы словообразования» (цит. по: [1, с. 61]).

Таким образом, английские неологизмы с префиксом *super-*, используемые в современном англоязычном дискурсе, помимо своего основного этимологического значения приобретают дополнительные коннотации. Они обладают экспрессивностью, эмоциональностью, положительной и отрицательной оценочностью, что связано с когнитивно-прагматическим и семантико-аксиологическим потенциалом неологизмов в англоязычном дискурсе. Частотность данного *super-* обусловлена тенденцией к экспрессивизации речи, актуализацией неологизмов с данным префиксом в разных видах дискурса.

Список литературы

1. Кадырова Л.Д. Гибридные неонимации в современном массмедийном дискурсе: семантико-derivационный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2014.
2. Катермина В.В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе: Монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019.
3. Коряковцева Е.И., Рацибурская Л.В., Сандакова М.В. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI в.: словообразовательный и семантический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 6–19.
4. Минеева З.И. Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1960–2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2017.
5. Шишикина А.А. Именная префиксация в современных деривационных процессах: структурно-семантический аспект анализа (на материале новообразований российской прессы начала XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2010.
6. About words. A blog from Cambridge dictionary // URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 15.02.2025).
7. The TELEGRAPH UK // URL: <http://www.telegraph.co.uk/> 11 October 2014 (дата обращения: 15.02.2025).
8. The TELEGRAPH UK // URL: <http://www.telegraph.co.uk/> 28 July 2018 (дата обращения: 15.02.2025).
9. URBAN DICTIONARY // URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 15.02.2025).
10. WORDSPY. Слово шпион // URL: <https://wordspy.com/>

* * *

1. Kadyrova L.D. Gibridnye neonominiacii v sovremennom massmedijnom diskurse: semantiko-derivacionnyj aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. Simferopol', 2014.
2. Katermina V.V. Slovoobrazovatel'nyj potencial neologizmov v angloyazychnom massmedijnom diskurse: Monografiya. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2019.
3. Koryakovceva E.I., Raciburskaya L.V., Sandakova M.V. Dinamika ocenocnyh intensifikatorov v russkom yazyke XXI v.: slovoobrazovatel'nyj i semanticheskij aspekty // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2021. T. 20. № 5. S. 6–19.
4. Mineeva Z.I. Aktivnye processy v derivacii neoagentivov v sovremennom russkom yazyke (1960–2016 gg.): strukturno-semanticheskij i pragmaticheskij aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2017.
5. Shishikina A.A. Imennaya prefiksaciya v sovremennyh derivacionnyh processah: strukturno-semanticheskij aspekt analiza (na materiale novoobrazovanij rossijskoj pressy nachala XX v.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2010.

The specific features of functioning of the prefix super- in modern English language discourse

The specific features of functioning of the prefix super- in the English language discourse are considered. The frequent prefix super- in the structure of the English neologisms acquires the additional connotation and has expressiveness, emotiveness and positive and negative evaluation associated with the cognitive and pragmatic potential and the semantic and axiological potential of neologisms in the English language discourse. The frequency of this prefix is conditioned by the tendency to the speech expressiveness and the actualization of neologisms with these prefixes in the different kinds of discourse.

Key words: *neologism, discourse, English language, lexicography, prefix, assessment, connotation.*

(Статья поступила в редакцию 20.02.2025).

О. С. МАКАРОВА

Е. Н. МУРАТОВА

Волгоград

КОНЦЕПТ «РАЗУМ» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ Ф. НИЦШЕ

Анализируется роль метафоры при объективации концепта «Vernunft» (разум) как ключевого элемента философской концепции, изложенной в трудах Ф. Ницше. С помощью семантико-стилистического анализа установлено, что метафора способна передавать сложные философские идеи и создавать уникальные образы, которые до сих пор остаются актуальными и значимыми для современной философии.

Ключевые слова: лингвоаксиология, элитарная языковая личность, фрейм, метафора, философский дискурс.

Немецкий философ Фридрих – один из самых известных философов XIX в. В его работах широко используются метафоры. Благодаря сложной метафорической системе Ф. Ницше точно и выразительно формулирует свои мысли, оригинально и ярко передает глубокие философские идеи, составляющие суть его философской концепции.

Согласно Н. А. Красавскому, концепт является многомерным мыслительным конструктом, отражающим процесс познания мира и результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящим информацию о нем [1, с. 42–43]. Представляя собой базисную единицу лингвоаксиологии и лингвокультурологии, данный когнитивный конструкт обладает сложной архитектоникой и включает в себя понятийный, образный и ценностный компоненты. Именно предметно-образный компонент концепта трактуется в современной лингвистике как основа для выделения концепта, модель мыслительных процессов или фрейм [4, с. 45].

Лингвокультурный фрейм – это определенная структура знаний, успешно организующая и интерпретирующая определенную информацию. Фрейм как когнитивная единица характеризуется иерархией отношений ее структурных элементов и обладает социальной значимостью в языковом сознании некоего социума. Фреймы представлены в виде ментальных моделей, которые активируются в процессе восприятия и обработки информации. Они включают в себя концепты, роли, события и взаимоотношения между ними, позволяющие индивидууму понять и осознать контекст, значение слов и выражений [4].

Говоря о взаимодействии фрейма и метафоры, отметим, что метафоры довольно часто основаны на активации определенных фреймов. Поскольку метафорическое знание предполагает перенос значения из одной области (источника) в другую (цель), то оно соотносится с соответствующими фреймами, поясняющими новую концепцию через уже знакомые образы.

Таким образом, фреймы и метафоры тесно связаны между собой: метафоры используют фреймы для передачи значений и создания определенных образов, а фреймы структурируют наше понимание мира и языковых знаков и смыслов.

В нашем исследовании анализируются метафоры, участвующие в объективации индивидуального концепта «Vernunft» (разум) как ключевого элемента философской концепции Фридриха Ницше.

Согласно Ф. Ницше, разум, рациональное толкование мира открывают новые горизонты в его осмыслении и в то же время элиминируют глубокие эмоциональные пе-

реживания человека. Разум не должен подавлять креативное начало личности, поскольку истинная мудрость, как подчеркивает философ, достигается не через строгие умозаключения, а через открытость к новым идеям и опыту, обогащающим внутренний мир человека.

Простая метафора «das Tageslicht der Vernunft» [9, с. 22] отсылает к пониманию важности познания истины. Ф. Ницше предполагает, что личность обязана освободиться от человеческих предрассудков и ложных убеждений для обретения истинного знания о себе самом и окружающем мире в целом. Философ неоднократно подчеркивает важность интеллектуального развития.

Заслуживает внимания и субстантивная метафора «erstes Gähnen der Vernunft» [9, с. 30], которая может трактоваться как символическое пробуждение разума к пониманию окружающей реальности. С другой стороны, зевок (Gähnen) также может характеризовать скуку разумной личности в присутствии людей, поддерживающих традиционные ценности толпы. Об этом же свидетельствует образное словосочетание «seine arme Vernunft» [6, с. 41], с помощью которого автор критикует бедность и скудость человеческого ума и того общества, в котором он существует.

Негативная коннотация анализируемого концепта выражена и в высказывании «...für Zeitalter der unterworfenen Vernunft» [8, с. 575]. Разум, подвластный влиянию толпы, не вызывает симпатии и часто выступает основой для всех ее сомнительных действий.

Метафорическая дескрипция «eine Kinderei der Vernunft» [11, с. 152] представляет собой одно из ключевых философских утверждений немецкого философа. Оно амбивалентно по своей сути. Мышление человека разумного в идеале должно стремиться к всесторонней интеллектуальной деятельности, но в то же время разум наделяется Ницше и способностью к ребячеству и детской игривости. Он может быть непоследовательным, легким и безответственным, как ребенок, и находится под влиянием «взрослой» толпы. Такой разум противостоит развитию индивидуальности личности и мешает достичь определенного уровня духовного развития.

Еще один яркий ницшеанский образ, раскрываемый философом через субстантивную метафору, – «das Recht der Vernunft» [7, с. 21]. Разуму приписывается право рационально действовать и иметь право на самоконтроль и самодисциплину, позволяющие личности реализовать свой истинный потенциал, достичь независимости и свободы.

Философ проводит аналогию между голосом и разумом: «die Stimme der Vernunft» [11, с. 478]. Эта метафора имплицитно дает понять, что разум посредством голоса направляет человека к совершению действий. Если это голос мудрой и интеллектуально развитой личности, то он способен вдохновить человека на достижение высоких целей и идеалов, а также приоткрыть занавес тайны истины. В голосе разума заключена идея независимости суждений, свободы индивида от предрассудков и безответственных действий.

Как отмечено выше, метафорические образы в философских текстах Фридриха Ницше выступают в качестве фундамента, на котором строится индивидуальная концептосфера, включающая в себя базовые идеи ее создателя. Поэтому метафора «das Recht der Vernunft» может также обладать отрицательной коннотацией, если речь идет об искажении и неправильном понимании голоса разума, подверженного влиянию внешних факторов, стереотипов общества и предрассудков. Ложное понимание истины и иллюзорность существования индивида оказывают пагубное влияние на его самопознание. Несомненно, философ рассуждает о бесконечной борьбе человека с самим собой, о его способности и неспособности преодолевать трудности, сомнения, человеческие слабости, владеть собственными мыслями, действовать адекватно, мыслить критически и оставаться объективным в познании себя и истины.

«Элитарная языковая личность, вербализируя окружающую действительность, использует различные средства языка – первичные и вторичные номинации. Немецкий

философ Ф. Ницше, как показал анализ его текстов, отдает предпочтение применению метафорических номинаций, заключающих в себе авторскую индивидуальность при концептуализации и категоризации окружающей действительности» [2, с. 82].

Еще раз подчеркнем, что именно метафора способна многогранно визуализировать абстрактные философские смыслы немецкого философа. Метафоры в идиолекте Ф. Ницше служат своеобразными иллюстрациями, помогающими личности представить себе абстрактные понятия в более конкретной и доступной форме. Это в полной мере относится и к метафорической единице «*die große Erbsünde der Vernunft*» [9, с. 40]. Данная субстантивная метафора используется для описания ошибочного стремления человеческого разума к некритическому мышлению и принятию негативных убеждений и предрассудков, передаваемых в обществе из поколения в поколение. Философ подчеркивал, что необходимо бороться с «грехом» разума, используя путь самопознания и осознания своих ошибок.

Продуктивность ассоциативной техники уподобления особенно четко обнаруживается у Ф. Ницше в создании метафорических разверток, единиц, состоящих из нескольких образных лексем, служащих для обозначения и создания неповторимых экспрессивных образов элитарной личности, в которых четко эксплицирована система его ценностных приоритетов. Кроме того, образность метафорических дескрипций позволяет говорить об определенных эмоциональных реакциях читателя на прочитанное, что способствует более глубокому пониманию концепций философских трактатов.

Все вышесказанное соотносится с пониманием немецким философом конфликта между умом, разумом мыслящего человека и природными инстинктами человеческой натуры. Об этом свидетельствует следующая метафорическая развертка: «*Die Vernunft hat da nur einen schwierigen und blutigen Sieg innerhalb der Seele, es sind gewaltige Gegentriebe niederzuwerfen*» [13, с. 195]. По Ф. Ницше, высшая форма развития личности соответствует только человеку разумному. Низменные стремления, такие как агрессия, жадность, глупость, коварство, сущностно близки, согласно Ф. Ницше, животным аспектам природы человека, которые необходимо элиминировать. Именно в этом и состоит сущность эволюции и развития мышления. Ответственность за свои поступки и принятие решений, умение преодолевать свои слабости и развивать собственный интеллект составляют сущность критически мыслящей элитарной личности.

Бесконечная борьба разума и инстинктов обнаруживается также в метафорической номинации «*einer zähen langlebigen wurmhaften Vernunft, die nicht mit einem Male und einem Streiche todtzumachen ist*» [10, с. 58]. В данном примере автор подчеркивает силу воли человека разумного, его упорство и жажду жизни. Каждый индивидуум обладает способностью находить выход из сложных ситуаций, сохранять силу духа в тяжелые моменты. Сравнением с живучим червем Ф. Ницше передает врожденное стремление духовно развитого человека к выживанию, к сохранению жизни и дальнейшему развитию. В данной метафорической номинации автор упоминает положительные качества характера личности, его разума, при наличии которого возрастают возможности объективного понимания окружающей действительности и ее адекватной оценки. Разум не дает человеку поддаваться искушениям, сдаваться, помогает упорно идти к своей цели.

Философия Ф. Ницше характеризуется множеством неординарных идей, которые благодаря метафорическим образам представляют собой ярко и оригинально эксплицируемые размышления о природе человеческого естества и его внутренних противоречиях. К примеру, человеческое тело рассматривается как многогранная система, где каждая часть является составляющей общего, подчиняющейся человеческому разуму. Такая целостность проявляет способность к саморегуляции и адаптации, к внутренней гармонии только при условии разумного поведения. Война и мир, стадо и пастух отражают бесконечную борьбу между агрессивной личностью и личностью миролюбивой, между мыслящим и инстинктивным поведением. Данный тезис выражен посредством следу-

ющей метафорической развертки: «Der Leib ist eine große Vernunft, eine Vielheit mit einem Sinne, ein Krieg und ein Frieden, eine Heerde und ein Hirt» [6, с. 37]. Разум, по Ф. Ницше, преодолевая противоречия, стремится к самопознанию, саморазвитию и целостности внутри себя и в мире.

В продолжение анализа рассуждений Ф. Ницше о сущности взаимодействия «тела» и «разума» приведем следующий пример: «Werkzeug deines Leibes ist auch deine kleine Vernunft, mein Bruder, die du Geist nennst, ein kleines Werk- und Spielzeug deiner großen Vernunft» [6, с. 37]. Автор подчеркивает значимость духовности индивидуума. Человек не должен ограничиваться только физическими потребностями, важно рассматривать тело как инструмент, служащий нашему разуму в развитии гармоничной личности. Согласно автору, разум более значим, чем физическое тело. Его насмешка над «маленьким» разумом может быть интерпретирована как внутренний эгоизм и ограниченность человека толпы. Благодаря непрерывному стремлению к развитию духа и ума человек становится личностью, освобождается от собственных предрассудков и страхов, приобретает способность принимать более мудрые и осознанные решения.

Метафорическая дескрипция «Die Inspiration, die aus einem Gefühle stammt, ist das Enkelkind eines Urtheils – und oft eines falschen – und jedenfalls nicht deines eigenen! Seinem Gefühle vertrauen – das heißt seinem Großvater und seiner Großmutter und deren Großeltern mehr gehorchen als den Göttern, die in uns sind: unserer Vernunft...» [13, с. 44] интересна тем, что автор обращает наше внимание на то, как часто мы подчиняемся и следуем неразумным решениям, полагаясь на чувства. Они бывают обманчивы и легко приводят к неправильным решениям или поступкам.

Ф. Ницше подчеркивает важность и приоритетность семьи в развитии человеческого разума. Каждый член семьи подчиняется предыдущим поколениям, проявляет уважение к родителям. Связь с предками находится более в области эмоционального, чем рационального. В данном контексте Ф. Ницше указывает на то, что чувства и настроения не всегда объективны, особенно при принятии решений и при высказывании суждений. Осознанность и обоснованность, согласно Ф. Ницше, тесно связаны с разумом и опытом и реже приводят личность к ошибочным действиям.

В целом концепт «Vernunft» служит для немецкого философа ключом к пониманию и осознанию не только внешней, но и внутренней реальности. Согласно философу, человеческая натура не подразумевает однозначных решений. Балансируя между разумом и инстинктами, личность создает свою уникальную жизнь, наполненную яркими противоречиями, и тем самым позволяет себе обрести подлинное счастье и гармонию.

Творчество Ф. Ницше изобилует метафорами, позволяющими образно эксплицировать глубинные смыслы, которые могли бы остаться недоступными для понимания читателя, если бы были выражены неметафорическим языком. Его философская концепция требует особого восприятия и непосредственной интерпретации его мировоззрения и обнаруженных концептов [3, с. 103].

Тексты немецкого философа Фридриха Ницше выражают фреймовую концептуализацию окружающей действительности в терминах образных метафорических дескрипций различного порядка.

Список литературы

1. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001.
2. Макарова О. С. Индивидуальные авторские концепты Ф. Ницше // Грани познания. Электронный научно-познавательный журнал ВГСПУ. 2013. № 2 (22). С. 82–85. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1367241846.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
3. Макарова О. С. Концепты «Macht» и «Glück» в концептосфере Ф. Ницше // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (01). С. 100–104.

4. Муратова Е. Н. Фреймовая модель представления знаний // Евразийский союз ученых. 2014. № 6-6. С. 45–47.
5. Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты: кол. монография / Науч. ред. В. И. Карасик. Волгоград: Парадигма, 2021.
6. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. München, 1976.
7. Nietzsche F. Antichrist. Frankfurt am Main, 1986.
8. Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. München, 1999.
9. Nietzsche F. Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert. Frankfurt am Main, 2000.
10. Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse // Jenseits von Gut und Böse. Zur Genealogie der Moral. Stuttgart, 1991.
11. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches I // Menschliches, Allzumenschliches I und II. München, 1999.
12. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches II // Menschliches, Allzumenschliches I und II. München, 1999.
13. Nietzsche F. Morgenröte // Morgenröte. Idyllen aus Messina. Die fröhliche Wissenschaft. München, 1999. S. 399–601.

* * *

1. Krasavskij N. A. Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: Monografiya. Volgograd: Peremena, 2001.
2. Makarova O. S. Individual'nye avtorskie koncepty F. Nicshe // Grani poznaniya. Elektronnyj nauchno-poznavatel'nyj zhurnal VGSPU. 2013. № 2 (22). S. 82–85. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1367241846.pdf> (data obrashcheniya: 10.01.2025).
3. Makarova O. S. Koncepty «Macht» i «Glück» v konceptsfere F. Nicshe // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1 (01). S. 100–104.
4. Muratova E. N. Frejmovaya model' predstavleniya znaniy // Evrazijskij soyuz uchenyh. 2014. № 6-6. S. 45–47.
5. Nemeckaya konceptosfera: nacional'nye i individual'no-avtorskie koncepty: kol. Monografiya / Nauch. red. V. I. Karasik. Volgograd: Paradigma, 2021.

The concept “Reason” in the spheres of concepts by Friedrich Nietzsche

The role of metaphor in the objectification of the concept “Vernunft” (reason) as the key element of the philosophical conception, represented in the works of Friedrich Nietzsche, is analyzed. It is found out with the help of the semantic and stylistic analysis that metaphor is able to convey the complicated philosophical ideas and to create the unique images that are still urgent and significant for modern philosophy.

Key words: *linguoaixiology, elite linguistic personality, frame, metaphor, philosophical discourse.*

(Статья поступила в редакцию 02.02.2025).

ПОНЯТИЙНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ТАЙНА» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Рассматривается лингвокультурный концепт «Тайна» с точки зрения его понятийных составляющих в английской и русской лингвокультурах. Анализируются особенности вербализации данного концепта в английском и русском языках. Результаты исследования позволяют более глубоко понять роль данного концепта в формировании культурных ценностей и норм поведения человека в разных этносах.

Ключевые слова: лингвоконцептология, концепт, значение слова, понятийный признак, дефиниция.

Лингвокультурные концепты активно исследуются современными учеными [1; 2; 3; 5]. Концепт является динамически развивающимся феноменом, содержание которого меняется в диахронии. Важно отметить, что концепт вступает во взаимодействие с другими элементами языка, которые уточняют и обогащают его содержание. Концепт имеет индивидуальные, социокультурные и контекстные особенности. Концепт обладает понятийной, образной и ценностной составляющими [2], каждая из которых находит опосредованную объективацию через язык.

Цель данного исследования – анализ понятийных характеристик лингвокультурного концепта «Mystery» в английском и русском языках, а также выявление сходных и различных признаков изучаемого концепта в двух языках.

Концепт «Mystery» (*тайна*) обозначается доминантной лексемой *mystery* и рядом синонимичных ей слов, характеризующих нечто таинственное, загадочное или мистическое.

Уточним, что изначально значение слова *mystery* было связано с религией и Богом. Известно, что впервые оно упоминается в переводе Священного писания на греческий язык. Слово *mystery* произошло от греческого слова *mystērion* – «тайный обряд или учение (известное и практикуемое только избранными), состоящее из очищений, жертвоприношений, процессий, песен и т.д.» [12].

Со временем слово *mystery* приобретало все больше значений, однако оттенок религиозности сохранялся. Это, видимо, связано с тем, что жизнь веками во многом зависела от природы, а религия была некоторым инструментом спасения от несчастий. Вера определяла место человека в мире, поэтому значительная часть лексики так или иначе была связана с религиозными обрядами и Богом.

Другие значения лексемы *mystery*, не связанные с религией, появились значительно позже. Приведем лексикографические данные, иллюстрирующие изменения в семантике данной лексемы.

Так, The Oxford Dictionary прежде всего подчеркивает глубокую связь семантики лексемы *mystery* с религией: «1) mystical presence or nature; mystical significance; 2) a religious truth known or understood only by divine revelation; esp. a doctrine of faith involving difficulties which human reason is incapable of solving; 3) any instance of extreme and inexplicable evil or suffering; 4) a hidden or secret thing; something inexplicable or beyond human comprehension; a person or thing evoking awe or wonder but not well known or understood; an enigma; 5) in weakened use (chiefly ironic or humorous): a puzzle, a conundrum; 6) something known only to a particular person; a personal secret; 7) a kind of plum cake» [13].

Представленные дефиниции наглядно демонстрируют, что семантика слова *mystery* вмещает в себя как значение 'религиозные таинства и тайны', так и значение 'все загадочное, непонятное, непознанное', не связанное с религией.

Проследим, как представлены семантические компоненты понятия «*mystery*» в других толковых англоязычных словарях.

The Free Dictionary определяет слово *mystery* как 'нечто, связанное с религией', лишь в последнюю очередь: «1) anything that is kept secret or remains unexplained or unknown: the mysteries of nature; 2) a person or thing having qualities that arouse curiosity or speculation: The masked guest was a mystery to everyone; 3) a novel, film, or the like whose plot involves the solving of a puzzle, esp. a crime; 4) the quality of being obscure or puzzling: an air of mystery; 5) any truth unknowable except by divine revelation; 6) (in the Christian religion) a sacramental rite, the Eucharist; an incident or scene in the life or passion of Christ, or in the life of the Virgin Mary; ancient religions with secret rites and rituals known only to initiates, any rites or secrets known only to initiates, (in the Christian religion) the Eucharistic elements; 7) mystery play» [14].

Приведенные дефиниции позволяют заключить, что изучаемый концепт представлен прежде всего значениями 'нечто непонятное и загадочное', 'человек, которого сложно понять' и 'жанр фэнтези'. И только в последнюю очередь *mystery* толкуется как 'религиозная тайна'. Такое изменение последовательности значений может быть связано с развитием общества. Многообразие значений данной лексемы, вербализующей концепт «*Mystery*», означает его большую ценность для англоязычного социума.

Такая же градация значений представлена в Encyclopedia Britannica, Collins Dictionary и Merriam Webster Dictionary, где религиозный смысл также показан не первым в ряду дефиниций: «*mystery* – 1) something not understood or beyond understanding; a piece of fiction dealing usually with the solution of a mysterious crime; profound, inexplicable, or secretive quality or character; a religious truth that one can know only by revelation and cannot fully understand» [11]; «something that is not known or difficult to understand or explain; a religious event or idea that cannot be fully understood or explained: the mystery of creation; a book, play, or movie that describes a crime and the process of solving it» [10]; «an unexplained or inexplicable event, phenomenon; a person or thing that arouses curiosity or suspense because of an unknown, obscure, or enigmatic quality; the state or quality of being obscure, inexplicable, or enigmatic; a story, film, etc, which arouses suspense and curiosity because of facts concealed; (Christianity) any truth that is divinely revealed but otherwise unknowable; short for mystery play» [9].

Упомянутые лексикографические источники дают основания выделить синонимический ряд, номинирующий концепт «*Mystery*»: *obscurity, secret, puzzle, enigma, riddle, detective story, problem, challenge*. Кроме того, лексема *mystery* обладает широким деривационным полем: *mysterious, mysteriousness, mystic, mystically* и т.д. Значительное количество синонимов и дериватов свидетельствует о высокой номинативной плотности изучаемого концепта, а также о его большой ценности для английской лингвокультуры.

В лексикографических источниках у данных синонимов следующие дефиниции: «*puzzle* – 1) something, such as a game, toy, or problem, that requires ingenuity and often persistence in solving or assembling; 2) something that baffles or confuses; an enigma: the puzzle of the author's true identity; 3) the condition of being perplexed; bewilderment: I'm really in a puzzle over how this happened» [14]. «*Obscurity* – 1) deficiency or absence of light; darkness; 2) the quality or condition of being imperfectly known or difficult to understand» [Там же]. «*Secret* – 1) kept hidden from knowledge or view; concealed; 2) given to keeping one's thoughts and activities unknown to others; secretive; 3) operating in a hidden or confidential manner; 4) beyond ordinary understanding; *mysterious*» [Там же].

Из приведенных выше дефиниций следует, что *puzzle* – это 'нечто тайное, загадочное, непонятное, непостижимое'; *obscurity* – 'неясность, размытость'; *secret* – 'неизвест-

ное, скрытое от понимания, за гранью обычного понимания'. Каждый из представленных синонимов отражает какую-то специфическую сторону понятия «mystery», однако не раскрывает изучаемый концепт в полной мере.

Анализ нашего материала показал, что семантика лексемы *mystery*, вербализующей одноименный концепт, включает следующие значения: 1) 'нечто таинственное или нечто загадочный'; 2) 'фильм или литературное произведение, имеющие загадочный сюжет или героев'; 3) 'загадка, пазл'; 4) 'религиозная тайна, скрытая от человека'.

Уточним, что концепт «Mystery» содержит следующие компоненты: 1) not understood or difficult to understand; 2) unexplained or inexplicable, obscure; 3) enigmatic; 4) concealed or secretive; 5) mysterious; 6) profound; 7) religious or sacramental.

Для уточнения понятийных характеристик концепта «Mystery» мы обратились к его ближайшим эквивалентам в русском языке и установили, что в русском языке основное значение концепта «Mystery» выражается лексемой *тайна*. «Тайна – нечто скрываемое от других, известное не всем; секрет; нечто неразгаданное, еще не познанное; сведения, знания, приемы, неизвестные непосвященным» [6]; «то, что намеренно скрывается от других; секрет» [7]; «то, что неизвестно, не стало еще доступным познанию, нечто непонятное, неразгаданное» [Там же]; «нечто неразгаданное, еще не познанное; нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет; скрытая причина чего-нибудь» [4].

Анализ словарных дефиниций вербализатора *тайна* позволил выделить следующие компоненты значения: 'скрываемый'; 'неизвестный, неразгаданный'; 'непознанный'; 'недоступный, секретный'.

Выявлены семантические компоненты лексемы *тайна*, вербализующей эквивалент английского концепта «Mystery» в русском языке: 'нечто неразгаданное'; 'нечто или нечто неизвестный'; 'информация, которая скрывается намеренно'.

Примечательно, что семантика русского слова *тайна* не включает в себя сему 'нечто мистическое', в то время как английское слово *mystery* имеет данный признак. Важно обратить внимание на то, что русские лексикографические источники уточняют характеристики тайны, приводят различные вербальные сочетания, в то время как англоязычные источники не делают на этом акцент: *скрытая, ужасная, страшная, сердечная, душевная; семейная, военная, государственная, служебная, профессиональная; тайна исповеди, тайна переписки; тайну можно: хранить, сохранять, выдать, открыть; в тайне можно держать, в тайну посвятить и тайной окутать или покрывать*.

Самый употребляемый дериват изучаемого концепта – *mysterious*. Это понятие имеет близкие с рассматриваемым концептом признаки, в первую очередь признак «религиозная составляющая»: *Mysterious* – 1) of, relating to, or being a religious mystery: *mysterious and infinite truths*; 2) arousing wonder or curiosity, especially by being difficult to explain or understand: *the mysterious disappearance of the relevant files* [10]. Однако в дефинициях русского эквивалента *тайный* не упоминается религиозная составляющая: «1) сокровенный; 2) заключающий в себе какую-то тайну, загадочно-непонятный, неразгаданный; 3) являющийся тайной, скрытый, неизвестный» [7].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что понятийные характеристики концепта «Mystery», в отличие от его русского эквивалента, обладают широким спектром значений и деривационным полем: от загадки, религиозной тайны до наименований жанров кино и художественной литературы (*фэнтези*).

Список литературы

1. Асадуллаева А.В. Лингвокультурный концепт «убийство» в русской и английской картинах мира: понятийный аспект // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 1 (5). С. 14–19.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
3. Красавский Н.А. Триада ключевых эмоциональных концептов «страх», «душевные страдания» и «отчаяние» в повести Германа Гессе «Кляйн и Вагнер» // Известия Волгоградско-

го государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 1 (5). С. 4–14.

4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2008.

5. Пименова М.В., Айдарбекова А.С., Ибраимова Г.О. Символическая когнитивная модель «душа – бабочка» и ее варианты в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3(03). С. 39–44.

6. Толковый словарь Кузнецова // GUFO.ME. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (дата обращения: 25.01.2025).

7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000.

8. Cambridge Dictionary // URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 25.01.2025).

9. Collins Dictionary // URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 25.01.2025).

10. Encyclopedia Britannica // URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 25.01.2025).

11. Free Merriam Webster Dictionary // URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 25.01.2025).

12. Online Etymology Dictionary // URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 25.01.2025).

13. Oxford Dictionary of English // URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 25.01.2025).

14. The Free Dictionary.com // URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 25.01.2025).

* * *

1. Asadullaeva A.V. Lingvokul'turny'j koncept «ubijstvo» v russkoj i anglijskoj kartinax mira: ponyatijny'j aspekt // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 1 (5). S. 14–19.

2. Karasik V.I. Yazy'kovoj krug: lichnost', koncepty', diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.

3. Krasavskij N.A. Triada klyuchevy'x e'mocional'ny'x konceptov «strax», «dushevny'e stradanija» i «otchayanie» v povesti Germana Gesse «Klyajn i Vagner» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 1 (5). S. 4–14.

4. Ozhegov S.I. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka. M.: Oniks, 2008.

5. Pimenova M.V., Ajdarbekova A.S., Ibraimova G.O. Simvolicheskaya kognitivnaya model' «dusha–babochka» i ee varianty' v russkoj lingvokul'ture // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3 (03). S. 39–44.

6. Tolkovy'j slovar' Kuznecova // GUFO.ME. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (data obrashheniya: 25.01.2025).

7. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Astrel': AST, 2000.

The conceptual characteristics of the linguocultural concept “Mystery” in the English and Russian world pictures

The linguocultural concept “Mystery” from the perspective of its conceptual components in the English and Russian linguocultures. The peculiarities of verbalization of this concept in the English and Russian languages are analyzed. The results of study allow us to understand in detail the role of the concept in the development of cultural values and norms of man's behaviour in different ethnoses.

Key words: *linguocultural conceptology, concept, meaning of word, conceptual characteristics, definition.*

(Статья поступила в редакцию 19.02.2025).

**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК**

Рассматриваются особенности перевода устаревшей лексики, используемой в рассказах А. П. Чехова. Выявляются способы передачи специфических национально-культурных лексических единиц и единиц, отражающих реалии прошлого, анализируются конкретные стратегии их перевода. Устанавливаются причины переводческих ошибок, ведущих к искажению исходного текста.

Ключевые слова: рассказы А. П. Чехова, национально-культурная специфика, историческая стилизация, устаревшая лексика, историзмы, архаизмы, реалия, стратегия перевода.

Перевод произведений художественной литературы имеет длительную историю и представляет собой специфический тип межкультурной коммуникации (разделенной временем и пространством), позволяющий установить контакт с представителями иного лингвокультурного сообщества через проникновение в пространство художественного текста, созданного на другом языке автором, принадлежащим к другому лингвокультурному сообществу.

Перевод различных художественных произведений с одного языка на другой и механизмы его создания вызывали и продолжают вызывать интерес исследователей на протяжении всего периода существования науки о языке в целом и переводоведения в частности. В центре внимания оказывались вопросы используемых стратегий, адекватности перевода и возможности достижения эквивалентности при его осуществлении. «Особенно остро всегда стоял вопрос эквивалентности художественного перевода» [22, с. 43].

Немногочисленные варианты переводов произведений А. П. Чехова на арабский язык позволяют арабоязычному читателю познакомиться с творчеством данного автора, однако не могут быть признаны абсолютно адекватными и доносящими до читателя все детали и нюансы смысла оригинала. Подобная неадекватность или неполная адекватность переводов объясняются, в частности, непониманием или неверной трактовкой переводчиком специфики устаревших лексических единиц, используемых автором оригинального текста. В результате неверной трактовки указанных единиц переводчик выбирает неточный вариант перевода, вследствие чего появляются многочисленные смысловые ошибки, а также возникают лакуны. Данные образования (переводческие ошибки и лакуны перевода), не препятствуя пониманию общего смысла оригинального текста, лишают его национально-культурной и индивидуально-авторской специфики, в ряде случаев превращая переводы текстов А. П. Чехова в простые пересказы сюжетной линии анализируемых произведений.

По мнению Т. А. Ионовой, «основной задачей переводчика является не просто перевод, а адаптация произведения к культурной парадигме реципиента» [9, с. 64].

Цель нашего исследования – анализ способов передачи устаревшей лексики, встречающейся в рассказах А. П. Чехова, на арабский язык.

Актуальность исследования определяется тем, что изучение адекватных вариантов перевода рассматриваемых произведений и анализ причин переводческих неудач в

перспективе позволят создавать варианты перевода, в полной мере отражающие национально-культурную и индивидуально-авторскую специфику исходного текста.

Произведения А. П. Чехова написаны почти два столетия назад. Изменения, произошедшие в социально-политической, экономической и культурной жизни общества за эти годы, изменили не только самих людей и характер их взаимоотношений, но и восприятие ими художественных произведений.

Арабоязычный читатель, для которого переводчик осуществляет перевод произведений А. П. Чехова в наши дни, кардинально отличается от читателя эпохи, в которую были созданы оригиналы этих произведений. Вполне естественно, что ему незнаком не только язык (русский), но и многие исторические реалии, которые упоминаются в рассматриваемых оригинальных текстах писателя, в связи с чем становится весьма актуальным вопрос о способах перевода наименований таких единиц на арабский язык.

Проблемы перевода художественных произведений поднимались в работах многих ученых. Рассматривались общие вопросы перевода [8; 10], вопросы выбора определенных стратегий при переводе [3; 17; 24], вопросы адекватности выполненного перевода [5; 12; 23] и др.

Исследовались особенности перевода произведений А. П. Чехова на английский [13; 18], французский [7], немецкий [4], китайский [6] языки. Однако в данных работах поднимались преимущественно общие проблемы перевода, а вопросы о степени адекватности выполненного перевода и специфике передачи исторических реалий не затрагивались.

Материалом для данного исследования послужили фрагменты текстов произведений А. П. Чехова, содержащие лексические единицы, которые в настоящее время признаны устаревшими, а также соответствующие фрагменты их переводов на русский язык. Всего для анализа было отобрано 156 единиц.

В ходе исследования использовались методы лексико-семантического, контекстуального и сопоставительного анализа.

Вопросы перевода художественных произведений прошлых эпох становились предметом рассмотрения в работах многих ученых. Изучая способы адекватного перевода наименований реалий и явлений прошлого, ученые оперируют понятием историческая стилизация, которое используется для описания особенностей определенной лингвокультуры в конкретный исторический период [21] и для передачи в тексте особенностей, которые есть у конкретного народа на определенной исторической стадии его развития [11].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» понятие историческая стилизация толкуется как «подражание стилю речи, типичному для какой-либо эпохи или социальной среды» [15].

Под процессом исторической стилизации В. С. Виноградов понимает «переводческую языковую архаизацию или темпоральную (временную) языковую стилизацию – сохранение с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого стилистического эффекта соотнесенности с прошлым» [1, с. 142]. Следовательно, для того чтобы текст перевода мог соответствовать тексту оригинала, переводчик должен включать в текст создаваемого им перевода устаревшие слова своего языка. В этом случае переведенный текст может оказывать на иноязычного адресата тот же эффект, что и на читателя, для которого язык автора является родным. В. С. Виноградов называет это «диахроническим художественным переводом, с помощью которого переводчик может приблизить время оригинала (историзация) или отдалить время оригинала (модернизация)» [1, с. 143]. Многие переводчики при работе с иноязычным художественным текстом используют первый способ («приближение» времени оригинала к своей эпохе), желая отразить в тексте своего перевода характер и язык той эпохи, когда

был написан текст оригинала. Но есть и ученые, которые считают, что переводчик имеет право несколько изменить текст при переводе, сделать его более современным, т.к. «осовременивание» произведений классики делает их более понятными читателю и последний ярче ощущает их актуальность.

С точки зрения Г. Салямова, «умелое использование архаики необходимо, однако в основном преобладать в тексте перевода должна нейтральная лексика» [16, с. 445]. В то же время другой исследователь, Г. О. Винокур, считает, что «устаревшие слова, малопонятные современному читателю, не могут передать исторический колорит, а лишь затрудняют восприятие» [2, с. 5]. Мы солидарны с мнением Г. Салямова о необходимости поддержания баланса при включении в текст перевода архаичных слов и выражений для воссоздания атмосферы эпохи, воссозданной автором в оригинале.

Мы трактуем историческую стилизацию как отражение в художественных текстах, описывающих прошлое, лингвистических и экстралингвистических черт, выступающих характеристиками того или иного народа в определенный исторический период.

При анализе переводов произведений А. П. Чехова на арабский язык мы столкнулись с особенностями передачи переводчиком различных исторических реалий. Рассмотрим их.

1. Перевод историзмов – наименований званий и титулов, а также профессий и разного рода занятий, существовавших в прошлом, но отсутствующих в настоящее время. Так, в рассказе «Дочь Альбиона» А. П. Чехов использует номинативную единицу *мадмуазель-гувернантка*, которая отчасти относится к ушедшей эпохе: *Барыни с детьми в гости поехали, а барин с мадмуазелью-гувернанткой рыбу ловят-с*. Отметим, что в настоящее время в русской культуре возвращается традиция брать на работу гувернанток для детей. Но исходное значение слова *гувернантка* – ‘воспитательница детей старшего возраста, которая, в отличие от няни, не только воспитывает детей, но и проводит с ними определенные занятия (в первую очередь, обучает иностранным языкам)’. Для арабской культуры система гувернанток и гувернеров, которая была популярна в России в XIX в. и частично возвращается сейчас, не типична. Поэтому переводчик выбирает нейтральный вариант *الموزموزيل المربية*, который теряет статус исторической реалии и звучит как обычная, стилистически нейтральная лексическая единица современного языка со значением ‘воспитательница’. При этом обратный вариант перевода данной фразы с арабского языка на русский (*Барыни с детьми уехали в гости, а барин и воспитательница ловят рыбу*) не представляется до конца адекватным.

Не является адекватным, на наш взгляд, и вариант перевода, выбранный переводчиком для передачи русской лексической единицы *купец* из рассказа А. П. Чехова «Хамелеон» (*Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака*). Переводчик передает слово *купец* лексической единицей арабского языка *تاجر*, буквально означающей ‘работник магазина’. Во-первых, переводчиком нарушен принцип историзма, поскольку понятие *купец* относится к прошлой эпохе, что никак не обозначено в тексте перевода, а во-вторых, переводчик сделал ошибку: слова *купец* и *работник магазина* не совпадают по семантике.

2. Перевод архаизмов – устаревших лексических единиц русского языка, которые в настоящее время в рамках русской лингвокультуры заменены современными аналогами.

В рассказах А. П. Чехова многократно используется союз *ежели*, для передачи смысла которого переводчик всякий раз использует современную как для арабского, так и для русского языка лексическую единицу *إذا* (*если*). Однако при таком переводе нарушается принцип историзма, при котором в контекст, номинально относящийся к прошлому и описывающий его, включается более понятная современному читателю лексическая единица *если*.

Заслуживает внимания и перевод на арабский язык устаревшей русской лексической единицы *облобызаться*, используемой в рассказе «Толстый и тонкий»: *Прятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез*. Лексическую единицу *облобызаться* переводчик передает современной арабской единицей практически с тем же значением, но лишенной эмоциональности, которая была в оригинальном контексте, – تبادل القبلات ‘обменяться поцелуями’.

Практически не используется (используется редко, относясь к сниженному разговорному регистру речи) в современном русском языке выражение *в потемках* (Буркин *лежал внутри на сене, и его не было видно в потемках*). В современном русском языке чаще используются формы *в темноте, без света*. Те же эквиваленты использует и автор перевода, передавая данную единицу арабским эквивалентом في الظلمة ‘в полной темноте’. Таким образом, в обратном переводе на русский язык данная фраза звучит так: *Его не было видно в полной темноте*. Смысл текста сохраняется, но изменяется стилистика, и теряется изначальная тональность высказывания.

К числу просторечных и до определенной степени устаревших может быть отнесена лексическая единица *утереться* и ее варианты *утереть лицо* и т.п. Например, в рассказе «Смерть чиновника» автор использует выражение *Он утерся платочком* (Червяков *нисколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем?*). Данную фразу арабский переводчик передает современной нейтральной единицей أنفه بمنديله ‘протереть/вытереть лицо платком’, что во многом меняет общую тональность контекста, в котором используется данное выражение.

Часто используемая в произведениях писателей XVII-XIX вв. лексическая единица *ступай*, которая придает колорит, задает тональность многим фрагментам текста и играет значительную роль в построении образа персонажа, передается при переводе рассказа «Человек в футляре» (– *Доложить?* – *Ступай, докладывай!*) современной нейтральной глагольной единицей اذهب! ‘иди’.

3. Перевод историзмов – лексических единиц, выступающих знаками ушедшей эпохи, – названий предметов и объектов, которые практически не используются в современном русском языке, т.к. исчезли обозначаемые ими понятия. Например, раньше в домах богатых и знатных людей было специальное помещение, в котором жила прислуга. Такое место в XVIII-XIX вв. в России именовалось *людской*. Данную лексическую единицу мы часто встречаем в произведениях классической русской литературы. В рассказе А. П. Чехова «Ванька» есть такое высказывание: *Днем он спит в людской или балагурит с кухарками, ночью же, укутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку*. Не находя адекватного арабского соответствия, переводчик заменяет лексическую единицу *людская* более современным сочетанием مطبخ الخدم ‘кухня для рабочих / работников’. Но наименования *людская* и *кухня для работников*, на наш взгляд, имеют различную семантику.

Аналогичная ситуация возникает и при переводе русской фразы *Срубленную елку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать ее* в рассказе «Ванька», где выражение *господский дом* передано в тексте перевода как *дом хозяев* и оригинальная фраза передана следующим образом: ثم يسحب الجد الشجرة المقطوعة إلى منزل السادة، حيث يشرعون في تزيينها (Тогда дедушка тащил стигленное еловое дерево в дом хозяев, где они начинали его украшать). Кроме того, видим, что в переводе *елка* превратилась в *еловое дерево*, что, по мнению переводчика, очевидно, более понятно арабоязычному читателю.

4. Перевод историзмов и архаизмов – названий вышедших из употребления предметов одежды. Мода, как известно, быстротечна и изменчива. Естественно, не стоит говорить, что предметы одежды, украшения и прочая атрибутика, которая использовалась более столетия назад, уже ушла в прошлое, стала историей. Вероятно, даже носи-

тели русского языка в настоящее время точно не определяют, чем отличается, например, камзол от кафтана.

Анализ переводов на арабский язык показал, что лексические единицы, обозначающие различные предметы одежды, как не используемые в настоящее время, так и замененные современными аналогами, в переводах с русского языка на арабский также заменяются современными лексическими единицами. Рассмотрим несколько примеров.

Лексическая единица *панталоны*, используемая автором в рассказе «Дочь Альбиона», переведена как *الملابس الداخلية* 'внутреннее (в значении 'нижнее') белье': *Грибов снял сапоги, панталоны, сбросил с себя белье и очутился в костюме Адама*. Таким образом, оригинальная русская фраза значительно изменяется и в обратном переводе на русский язык звучит так: *Грибов снял сапоги и нижнее белье и появился в чем мать родила*. Анализ показывает, что переводчиком не только игнорируется принцип историзма и лексическая единица *панталоны* заменяется более современным сочетанием *нижнее белье*, но и значительно усекается оригинальный текст. Фрагмент текста *...панталоны, сбросил с себя белье...* переведен как *снял нижнее белье*.

В рассказе «Ванька» фраза *окутанный в просторный тулуп*, используемая для создания образа одного из героев (*Днем он спит в людской или балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку*), передана в арабском варианте перевода фразой *جلد الحمل* 'одетый в широкое пальто'. Согласимся, что такой предмет одежды, как пальто, более знаком современному читателю, чем тулуп, но такая замена стирает исторический оттенок оригинального текста.

5. Перевод лексем, обозначавших особенности характера человека или типа личности, использовавшихся в прошлом.

Интересным с этой точки зрения является довольно частое употребление А. П. Чеховым в целом ряде рассказов лексической единицы *фискал*. В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова лексической единице *фискал* дается следующее определение: 1) «Фискал, фискала, м. (от лат. *fiscalis* 'казенный'). В эпоху Петра I должностное лицо, надзиравшее за законностью действий правительственных учреждений и лиц, гл. обр. в области финансовой и судебной (истор.). 2) перен. Доносчик, ябедник (разг. презрит.)» [20].

Изначально должность фискала предполагала осуществление надзора за законностью деятельности должностных лиц разного уровня. Значения 'доносчик', 'ябедник', содержащие негативный компонент, появились у данной лексической единицы позже. Но именно в данном значении лексическая единица *фискал* используется во многих произведениях А. П. Чехова. И именно это значение выбирает переводчик для перевода русского текста рассказа «Человек в футляре» на арабский язык: *Не понимаю, – говорил он нам, пожимая плечами, – не понимаю, как вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу*. Переводчик заменяет в тексте перевода слово *фискал* словом *ябедник*, а эмоционально сильный глагол *переваривать* – нейтральным эквивалентом *выносить, терпеть*. Оригинальная фраза А. П. Чехова *Как вы перевариваете этого фискала?* передана переводчиком следующим образом: «كيف تطيقون هذا الواشي», что в обратном переводе значительно отличается от оригинала: *Как вы можете терпеть этого человека, который ябедничает?* Кроме того, переводчик опускает словосочетание *наглая рожа*, которое так ярко характеризует образ героя текста. Таким образом, нивелируется как исторический, так и эмоциональный аспекты оригинального текста.

Естественно, многие лексические единицы, использовавшиеся в прошлом как названия характера или типа личности, в настоящее время не до конца понятны даже русскому читателю. Именно поэтому в переводах для арабской аудитории переводчик заменяет их современными аналогами. Еще одну лексическую единицу, также относящуюся к рассматриваемой нами категории, – *фанфарон* 'человек, выставляющий напоказ свои мнимые достоинства, хвастун' – переводчик заменяет современным прилагатель-

ным *заносчивый*, что также изменяет и значительно обедняет текст перевода в эмоционально-оценочном плане. Арабский вариант фразы *Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном!* в обратном переводе звучит так: *Если так, я больше не буду просить прощения у этого заносчивого человека!*

6. Перевод историзмов – названий титулов и официальных обращений, существовавших в прошлом.

Мы имеем в виду, например, используемые в рассказах А. П. Чехова обращения *ваше превосходительство* и *милостивый государь*, которые редуцируются в текстах до *ваше-ство* и *милостидарь* и т.п.

Либо не зная реального смысла данных обращений, либо пытаясь как-то соответствовать интересам и пониманию современного арабского адресата, переводчик передает их в своеобразной манере. Проанализируем вариант перевода лексической единицы *милостидарь*, используемой в рассказе «Смерть чиновника»: *Да вы просто смеетесь, милостисдарь!* – сказал он, скрываясь за дверью. В арабском варианте перевода единица *милостисдарь* превращается в «*سيدي الكريم*», что буквально означает ‘мистер щедрость’. Вероятно, переводчик принял вторую часть окказионального сложного слова *милостидарь* за производное от *дар, подарок*, что и послужило причиной неверного варианта перевода.

Перевод обращения *ваше превосходительство*, редуцированного в том же рассказе А. П. Чехова до *ваше-ство* (*Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите...*) также осуществлен переводчиком неверно. В арабском варианте он представлен как *يا صاحب السعادة* – фраза, имеющая в обратном переводе значение ‘попутчик счастья’.

7. Перевод просторечных слов, характерных для ушедшей исторической эпохи. В русском языке формирование просторечия тесно связано с развитием самого национального языка. «Просторечие – слова, выражения, грамматические формы и обороты, употребляемые в литературном языке обычно в целях сниженной, грубоватой характеристики предмета, а также простая непринужденная речь с этими словами, формами и оборотами» [25].

Термин «просторечие» был введен Д. Н. Ушаковым в значении «речь необразованного и полуобразованного городского населения, не владеющего литературными нормами» [19].

Просторечие – «уникальное явление, которое, по мнению многих исследователей, почти не имеет аналогов в других странах <...>, это самостоятельная и самобытная структура, формирующаяся внутри всего национального языка и функционирующая по особым законам (хотя и отличающимся от общепринятых)» [14].

Просторечие не ощущается как отклонение от нормы читателем, который принадлежит к той же лингвокультуре, что и автор художественного текста. Но оно будет ощущаться как нечто «необычное» и не-носителем языка, хотя и знающим данный иностранный язык. Именно такие просторечные выражения могут вызывать трудности у переводчика, который часто пытается привести эти лексические единицы к литературной норме и дает их перевод, используя, соответственно, литературные аналоги.

Так, глагол *плестись / поплестись* в рассказе «Смерть чиновника» (*Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся...*) переведен на арабский язык фразой *وهو يجرر ساقيه*, означающей ‘эле-эле посеминить’. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о переводческой ошибке, которая хотя и не искажает общего смысла произведения, но нарушает восприятие образа. Глагол *плестись* имеет значение ‘идти медленно, устало, с трудом передвигая ноги’. Речь идет о манере передвижения человека, который устал или болен и не может идти в быстром темпе. Глагол же *семенить* имеет иное значение и отражает индивидуальную манеру передвижения человека – ‘идти быстро, делая частые мелкие шаги’. Переводчик, меняя глагол, изменяет характеристику действия, что полностью изменяет и восприятие читателем персонажа данного рассказа.

К разряду просторечных, как нам представляется, может быть отнесено и высказывание *Как бы чего не вышло*, используемое в рассказе «Человек в футляре». Здесь глагол *выходить* / *выйти* используется не в прямом значении ‘уйти откуда-то, оказаться за пределами чего-либо’, а в переносном значении ‘случиться / произойти’. Но именно форма, выбранная автором (*Как бы чего не вышло*), придает колорит тексту А. П. Чехова и оригинальность созданному автором образу. Переводчик же передает данную фразу, используя глагольную единицу *случаться* – *لكن أخشى أن يحدث شيء*. Таким образом, в обратном переводе на русский язык вышеприведенная фраза звучит следующим образом: *Я боюсь, чтобы ничего не случилось*, что, на наш взгляд, полностью меняет тональность оригинального произведения.

Для русской лингвокультуры довольно обычным является использование глагола *разводиться* в значении ‘образовываться, возникать’. Данная лексическая единица передает негативное отношение к описываемому явлению, процессу или факту (*много развелось желающих разбогатеть за чужой счет; много развелось людей, которые не имеют элементарных знаний о чем-то* и т.п.). В этом же рассказе «Человек в футляре» А. П. Чехов, говоря о чиновниках, пишет: *Много уже их нынче развелось!* Данную фразу переводчик заменяет эмоционально нейтральным высказыванием: *ما أكثر عددهم الآن!*, которое может быть переведено на русский язык как *Сколько их уже сейчас!*

Проведенное исследование позволило установить, что в процессе перевода рассказов А.П. Чехова на арабский язык переводчик игнорирует принцип историзма, который многие ученые считают главным при переводе художественных текстов, написанных в прошлом и отражающих черты исторической эпохи. Как следствие, при чтении текстов рассказов А.П. Чехова в переводе на арабский язык, а не в русскоязычном оригинале, мы видим, что сохраняется сюжетная линия, передаются тематика и основные моменты содержания оригинального текста, но при этом теряется индивидуальный авторский стиль, значительно сглаживается созданная автором эмоциональность, передающая отношение автора к ситуации и персонажам, а также почти полностью нивелируется историчность оригинальных произведений. На наш взгляд, проведенный анализ переводов рассказов А. П. Чехова на арабский язык и их сопоставление с оригинальными русскими текстами позволяет заключить, что переводчики не учитывают принципы историзма и адекватности перевода, что ведет к большому количеству переводческих ошибок. Кроме того, авторами перевода при трансформации исходного текста на арабский язык часто используется стратегия доместикации (т.е. замены названий малоизвестных иностранных реалий словами родного языка), что становится причиной практически полной утраты исходным текстом своей национальной специфики.

Перспективами проведенного исследования может стать типологизация допущенных авторами переводов ошибок и неточностей и выработка рекомендаций, учет которых позволит переводчикам произведений А. П. Чехова на арабский язык более точно доносить до арабской аудитории лингвокультурную специфику содержащихся в русскоязычных текстах реалий (в т.ч. исторических), создавая в сознании арабской аудитории верное представление о некоторых важных деталях русской культуры.

Список литературы

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общ. сред. образования РАО, 2001.
2. Винокур Г. О. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1991.
3. Войнич И. В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе: дис. ... канд. филол. наук: Пермский гос. ун-т. Пермь, 2010.
4. Габбасова С. Х. Переводы пьес А. П. Чехова на немецкий язык // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 4 (13). С. 19–24.
5. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2007.

6. Ду Синь. Типы лакуарности при переводе произведений А. П. Чехова на китайский язык современными китайскими переводчиками // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. Вып. 5. С. 1573–1578.
7. Зырянова М. В. История переводов пьес А. П. Чехова на французский язык // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2010. № 2. С. 200–203.
8. Емельянова Я. Б. Лингвокультурное переключение и схемы его функционирования в переводе // *Вестник ТГПУ*. 2015. № 10 (138). С. 153–157.
9. Ионова Т. А. Лингвокультурная адаптация кинотекста в свете интерпретативной теории перевода (на материале англоязычных сериалов) // *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки*. 2024. № 1 (05). С. 63–72.
10. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
11. Комиссаров В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. М.: Высш. шк., 1990.
12. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие по подгот. переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ Тезаурус, 2001.
13. Олицкая Д. А., Чертова В. В. Ольфакторный код в оригинале и переводах рассказов А. П. Чехова на английский язык // *Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота*, 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 289–294.
14. Просторечия // *Dialekt-sity*. URL: <https://di-ci.ru/info/prostorechiya/> (дата обращения: 15.01.2025).
15. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976.
16. Саламов Г. Где же «золотая середина»? Перевод классики: модернизация или стилизация? // *Художественный перевод: проблемы и суждения*. М.: Известия, 1986. С. 442–461.
17. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация: Монография. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2015.
18. Селезнева Е. В. Англоязычные переводы повести А. П. Чехова «Скучная история» начала XXI века в аспекте импрессионизма (на материале англоязычных переводов Р. Пивиа, Л. Волохонской и Р. Уилкса) // *Философия А. П. Чехова: мат-лы III Междунар. конф.* Иркутск, 2015. С. 224–237.
19. Словари и энциклопедии на Академике. Толковый словарь Ушакова // URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 15.01.2025).
20. Толковый словарь Ушакова онлайн // URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=82535> (дата обращения: 15.01.2025).
21. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983.
22. Фелькина О. А. Перевод непереводаемого: «пересоздание» Алесем Рязановым стихотворений Велимира Хлебникова // *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки*. 2023. № 2 (02). С. 43–48.
23. Шамова Н. В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2005. № 2. С. 171–180.
24. Шлепнёв Д. Н. Общая теория перевода: начала. Ч. I (продолжение). Ч. II: Учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2017.
25. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: В 2 т. / Под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. М.: Флинта, 2014. Т. I. С. 438.

* * *

1. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy). M.: Izd-vo Inta obshch. sred. obrazovaniya RAO, 2001.
2. Vinokur G. O. O yazyke hudozhestvennoj literatury: Ucheb. posobie dlya filol. spec. vuzov. M.: Vyssh. shk., 1991.
3. Vojnich I. V. Strategii lingvokul'turnoj adaptacii hudozhestvennogo teksta pri perevode: dis. kand. filol. nauk: Permskij gos. un-t. Perm', 2010.
4. Gabbasova S. H. Perevody p' es A. P. Chekhova na nemeckij yazyk // *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*. 2016. № 4 (13). S. 19–24.
5. Garbovskij N. K. Teoriya perevoda: Uchebnik. M.: Izd-vo MGU, 2007.

6. Du Sin'. Tipy lakunarnosti pri perevode proizvedenij A. P. Chekhova na kitajskij yazyk sovremennymi kitajskimi perevodchikami // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. Vyp. 5. S. 1573–1578.
7. Zyryanova M. V. Istoriya perevodov p'es A. P. Chekhova na francuzskij yazyk // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2010. № 2. S. 200–203.
8. Emel'yanova Ya. B. Lingvokul'turnoe pereklyuchenie i skhemy ego funkcionirovaniya v perevode // Vestnik TGPU. 2015. № 10 (138). S. 153–157.
9. Ionova T. A. Lingvokul'turnaya adaptaciya kinoteksta v svete interpretativnoj teorii perevoda (na materiale angloyazychnyh serialov) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 1 (05). S. 63–72.
10. Kazakova T. A. Hudozhestvennyj perevod: v poiskah istiny. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2006.
11. Komissarov V. N. Teoriya perevoda: lingvisticheskie aspekty. M.: Vyssh. shk., 1990.
12. Latyshev L. K. Tekhnologiya perevoda: Ucheb. posobie po podgot. perevodchikov (s nem. yaz.). M.: NVI Tezaurus, 2001.
13. Olickaya D. A., Chertkova V. V. Ol'faktornyj kod v originale i perevodah rasskazov A. P. Chekhova na anglijskij yazyk // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2020. T. 13. Vyp. 5. C. 289–294.
14. Prostorechiya // Dialekt-sity. URL: <https://di-ci.ru/info/prostorechiya/> (data obrashcheniya: 15.01.2025).
15. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlya uchitelej. M.: Prosveshchenie, 1976.
16. Salyamov G. Gde zhe «zolotaya seredina»? Perevod klassiki: modernizaciya ili stilizaciya? // Hudozhestvennyj perevod: problemy i suzhdeniya. M.: Izvestiya, 1986. S. 442–461.
17. Sdobnikov V. V. Perevod i kommunikativnaya situaciya: Monografiya. 2-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2015.
18. Selezneva E. V. Angloyazychnye perevody povesti A. P. Chekhova «Skuchnaya istoriya» nachala XXI veka v aspekte impressionizma (na materiale angloyazychnyh perevodov R. Pivia, L. Volohonskoj i R. Uilksa) // Filosofiya A. P. Chekhova: mat-ly III Mezhdunar. konf. Irkutsk, 2015. S. 224–237.
19. Slovarei i enciklopedii na Akademike. Tolkovyj slovar' Ushakova // URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (data obrashcheniya: 15.01.2025).
20. Tolkovyj slovar' Ushakova onlajn // URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=82535> (data obrashcheniya: 15.01.2025).
21. Fedorov A. V. Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy). 4-e izd., pererab. i dop. M.: Vyssh. shk., 1983.
22. Fel'kina O. A. Perevod neperevodimogo: «peresozdanie» Alesem Ryazanovym stihotvorenij Velimira Hlebnikova // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2 (02). S. 43–48.
23. Shamova N. V. Razgranichenie ponyatij «ekvivalentnost'» i «adekvatnost'» v perevode // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2005. № 2. S. 171–180.
24. Shlepnyov D. N. Obshchaya teoriya perevoda: nachala. Ch. I (prodolzhenie). Ch. II: Ucheb. posobie. N. Novgorod: Izd-vo NGLU, 2017.
25. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatij. Russkij yazyk: V 2 t. / Pod obshch. red. A. N. Tihonova, R. I. Hashimova. M.: Flinta, 2014. T. I. S. 438.

The ways of transfer of obsolete vocabulary in the process of translation of stories by A.P. Chekhov into the Arabic language

The peculiarities of translation of obsolete vocabulary, used in the stories of A.P. Chekhov, are considered. There are revealed the ways of transfer of the specific national and cultural lexical units and the units reflecting the realia of the past. The concrete strategies of their translation are analyzed. The reasons for translation mistakes leading to the corruption of the origin text are defined.

Key words: *stories of A.P. Chekhov, national and cultural specific features, historical stylization, obsolete vocabulary, historisms, archaisms, realia, translation strategy.*

(Статья поступила в редакцию 26.01.2025).

**О ПРИНЦИПАХ И ТАКТИКАХ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (на примере сказок Виталия Бианки)**

На примере произведений Виталия Бианки «Анюткина утка», «Где раки зимуют», «Лесные домишки», «Макс», «Сумасшедшая птица» проанализированы различные подходы к переводу русской детской литературы на китайский язык. Установлена релевантность передачи эмоционального компонента слова, его коннотации, стилистической окраски при переводе сказок.

Ключевые слова: перевод, детская литература, сказки, Виталий Бианки, китайский язык.

Виталий Валентинович Бианки – детский писатель, известный не только в России, но и за рубежом, автор около 300 произведений, переведенных на многие языки мира. Представители разных поколений читали в детстве его сказки, язык которых прост и в то же время ярок, экспрессивен, понятен и интересен детям. Произведения В. Бианки воплощают в себе правильное и глубокое отношение писателя к Родине, природе, жизни простых людей, оказывают серьезное влияние на интеллектуальное и психическое развитие детей.

При переводе с одного языка на другой, как известно, очень важно адекватно передать коммуникативный замысел автора, не исказив его [1, с. 4–12; 2, с. 63–72]. Данное требование актуально и для перевода на китайский язык сказок В. Бианки «Анюткина утка», «Где раки зимуют», «Лесные домишки», «Макс», «Сумасшедшая птица». Кроме того, при переводе необходимо сохранить национальный колорит оригинала, с одной стороны, а с другой – сделать доступными китайскому читателю все нюансы исходного текста, сохранить его образность и жанрово-стилистические особенности. Язык произведений для детей должен быть простым, ясным, живым и интересным, близким маленьким читателям, феномену детского мира.

Перевод детской литературы требует использования особых «техник» передачи ее содержания.

Наш анализ показал, что при переводе детских сказок В. Бианки эффективны следующие тактики перевода.

1. Комбинированное использование языковых средств художественного и разговорного функциональных стилей. Например, очень эффективно употребление эмоционально-экспрессивных частиц и междометий. Они применяются для того, чтобы автор наиболее полно мог выразить и передать читателю эмоции, чувства сказочных персонажей. Приведем примеры.

1) *Упал рак на дно и лежит. А крыса дальше поплыла с его клешней на хвосте. Спасибо еще – нехватила рака своими страшными зубами: не помог бы ему и крепкий панцирь.*

(小龙虾仰面朝天跌入了沟底。水田鼠尾巴上拖着小龙虾的钳子游走了。谢天谢地，水田鼠没有用恐怖的牙齿咬住小龙虾，否则再坚固的盔甲也救不了小龙虾)。

2) *И верно – было на что поглядеть: черный был весь в панцире – от кончиков усов до кончика хвоста*

(是啊，大家都很好奇这是什么东西。这个东西真奇怪，通体乌黑，从头到，连胡子和尾巴都裹在甲壳里)。

3) В другое время рак испугался бы, попятился от такого зверюги. Но голод – не тетка. Чем-нибудь надо брюхо набить.

(要是换作别的时候,小龙虾肯定被吓坏了,早就从这个怪兽身边逃走了。但是这会儿,小龙虾实在是太饿了,它只能去冒险。总得填饱肚子啊!)

4) А из дома вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с желтыми зубами. Да как зарычит страшилище: С каких это пор птахи по ночам стучат, ночевать просят к белкам в дом?

(真是活见鬼了!哪来的鸟儿啊,这么晚了,竟然来敲松鼠家的门,还敢要求过夜?)

Словосочетание 活见鬼 означает ‘черт возьми, что за чертовщина?’. Оно употребляется в функции междометия, означает ‘что-то странное, непонятное’, выражает насмешку, сомнение и изумление.

2. Употребление таких стилистических приемов, как параллелизм, антитеза, рифмовка. Приведем примеры.

1) Пруд был маленький, весь зарос травой и тиной. Жили в нем ленивые хвостатые тритоны, да карасики, да улитки. Житье у них было скучное – всегда все одно и то же. Тритоны плавали вверх и вниз, карасики плавали взад-вперед, улитки ползали по траве: один день наверх ползут, другой – вниз спускаются.

(池塘很小,四周长满了青草和绿苔。里面住着懒惰的长尾蝾螈、鲫鱼和蜗牛。它们的生活很无聊,每天都在重复做同样的事情。蝾螈从水面游到水下,再从水下游到水面;小鲫鱼在水里游来游去;蜗牛在草上爬上爬下:第一天爬上去,第二天爬下来)。

2) Вдруг всплеснула вода и чье-то черное тело, пуская пузыри, опустилось на дно. Сейчас же все собрались на него поглядеть: приплыли тритоны, прибежали карасики, поползли вниз улитки. (突然,水花四溅,一个黑色的东西掉进了水里,冒着泡泡,沉到了水底。大家立刻聚拢过来想看个究竟:蝾螈滑了过来,小鲫鱼游了过来,蜗牛也从草上爬了下来)。

3) Полз рак долго. Днем отдыхал, а ночью снова отправлялся в путь. (小龙虾爬了很久。白天休息,夜晚赶路)。

3. При переводе используются различные возможности словоупотребления, прямых и переносных значений слов. Имеет место отступление от дословного перевода, используются различного рода добавления. Приведем примеры.

1) Вылетела из лесу ворона. Летит, по сторонам поглядывает, – где бы чего на обед промыслить? Заметила у берега утенка – стрелой к нему. Раз, раз! – клювом по голове, убила, разорвала на куски и съела.

(这时,一只乌鸦从树林里飞了出来。它一边飞,一边东张西望地搜寻着猎物,它正愁午餐吃什么呢!它发现了岸边的小鸭子,就箭一般俯冲了过去。乌鸦用它的喙啄着小鸭子的头,三两下就杀死了小鸭子,然后把它撕成碎片吃掉了)。

В китайском языке есть устойчивое выражение 三两下, оно означает ‘легко сделать, не потрудиться’.

2) Полз рак долго. Днем отдыхал, а ночью снова отправлялся в путь. Первая канава свернула во вторую, вторая – в третью, третья – в четвертую, а он все пятился-пятился, полз-полз, – и все никак не мог никуда приползти, выбраться из ста канав.

(小龙虾爬了很久。白天休息,夜晚赶路。它从第一条沟爬到第二条沟,然后从第二条沟爬到第三条沟,再从第三条沟爬到第四条沟,它不停地向后退,向后退,不停地爬呀,爬呀—但怎么也爬不到尽头,小龙虾感到无论自己多么努力,都摆脱不了前面千千万万的沟渠)。

3) А Макс-то доволен: знай себе запускает хобот в воду, набирает воды и, как из пожарной кишки, поливает вправо, влево, во все стороны.

(马克斯很高兴:它把鼻子放入水中吸足了水,然后扬起鼻子,鼻子像消防水管一样,向左、向右、向各个方向喷水)。

4. Использование звукоподражательных слов, повторов слогов и слов или их вариантов, обладающих эмоциональным компонентом значения для выражения определенной эмоции или чувства. С их помощью можно живо описать звук, форму, чувство, состояние людей и вещей, что придает описанию живой экспрессивный характер. При переводе детских произведений, на наш взгляд, очень важно описать события и героев выразительно и ярко, т.к. ребенок воспринимает текст более эмоционально, чем взрослый человек. Приведем примеры.

1) *Обмерла Береговушка, – сердце камнем упало. Отшатнулась, взвилась над лесом да стремглав, без оглядки наутек!* (小灰沙燕被吓得一动不动 一心像块石头一样 噗通一声沉了下去, 它迅速向后躲闪, 径直飞到了树林上空, 然后头也不回地拼命逃离了这里).

2) *Это было так удивительно, что все опять полезли на рака, а один карасик даже наткнулся на его усы. Рраз! – рак схватил его клешней, и глупый карасик разлетелся пополам.*

(这画面太让人感到震惊了, 大家又爬向小龙虾, 一只小鲫鱼碰到了小龙虾的胡须。噗嗤! – 小鲫鱼被小龙虾的钳子夹住了, 只一瞬间, 这只愚蠢的小鲫鱼就被夹成了两半). Звукоподражательное слово 噗嗤 живо описывает звук, а значит, и чувство, состояние карасика.

3) *Зверь – а это была водяная крыса – как рванет, и легче птички вылетел рак изпод коряги. Метнула крыса хвостом в другую сторону – крак! – и переломилась рачья клешня пополам.* (可是, 这个怪物是一只水田鼠 一水田鼠感觉到尾巴被小龙虾夹住后, 猛地向前一冲, 轻而易举就把小龙虾从浮木下面甩了出来, 然后水田鼠的尾巴在空中划出一道美丽的弧线, 嗖地一下把小龙虾甩向了一侧, 紧接着, 哇的一声, 小龙虾的钳子被摔成了两半).

4) *Сторож вскочил с кровати. И шлеп! – обеими ногами в воду. Откуда здесь на полу вода? Москва-река выступила из берегов, затопила город? Но ведь зима.* (看门人从床上跳了下来。吧唧! 他的双脚踩到了水里。地板上的水是从哪儿来的?).

5) *Рак попятился. Котенок тронул его лапкой.* (小龙虾向后缩了缩。小猫伸出爪子碰了碰它).

6) *Тритоны и карасики боялись теперь рака и близко не подпускали к себе.* (蝾螈和小鲫鱼现在都怕小龙虾, 离它远远的).

Употребление повтора слова 缩了缩, 碰了碰 и 远远的 нацелено на то, чтобы выразить эмоции рака и котенка.

7) *И все звери – от крошечной, карманной собачки до громадного, неповоротливого Макса – охотно и весело исполняют его приказания.* (所有的动物们 从小小的口袋狗到体型庞大、笨拙的大象马克斯都心甘情愿、愉快地执行着主人的命令).

5. Трансформации порядка слов в тексте перевода с целью достижения его адекватности, точности передачи коммуникативного намерения адресанта. Приведем примеры.

1) *Анютка за ней на лодке. Гналась-гналась – уж из лесу выбралась. Тут Белое Зеркальце поднялась на крылья жива, здоровешенька – и назад в лес.* (阿纽特卡划船跟在它后面, 追着, 追着 – 她已经划出了树林。这时 “小白羽” – 一下子展翅腾空飞起, 在空中盘旋了一会儿后, 又飞回了树林。原来, 它根本没有受伤).

2) *Лежит Анютка в сене ни жива ни мертва. Думает: «Так и есть! Нашли охотники Белое Зеркальце с утятами. Как быть?»* (阿纽特卡躺在干草垛上一动不敢动, 她痛苦地想到: “到底是没逃过! “小白羽” 和它的小鸭子还是被猎人们发现了。我该怎么办呢? ”).

6. Для выражения эмоциональности используется членение или объединение предложений. Нередко текст оригинала включает в свой состав достаточно сложные синтаксические конструкции и структуры. Они вызывают недопонимание при прочтении их детьми. Поэтому целесообразно при переводе сложные предложения членить на несколько простых. Приведем примеры.

1) *Это он, это Макс скуки ради согнул и сломал хоботом водопроводную трубу, что проведена через конюшню у стены, над самым полом. И очень обрадовался, когда из нее фонтаном хлынула вода, затопила пол и прогнала всех этих ужасных крыс.* (就是它, 这个淘气的马克斯, 因为无聊, 用鼻子先是弄弯、然后弄断了水管。水管在地板上面, 靠墙, 穿过整个马厩。水管断了, 水像喷泉一样喷涌而出, 淹没了地板, 赶走了那些可怕的老鼠, 这让马克斯感到非常高兴)。

7. В детской художественной литературе крайне важно выразить идею, события, описать героев выразительно и ярко. Ребенок воспринимает и переживает все описываемое эмоционально, живо, поэтому в переводе произведения следует обращать внимание на эмоциональный компонент значения слова, его коннотацию. Следует использовать юмористический детский язык, помнить о детской психологии восприятия мира, природы, человека. Для этого целесообразно употреблять при переводе выразительные средства языка, передающие, в частности, национальную специфику национальной. Приведем пример.

– *Дура ты, дура, Анютка! Где ж это видано, чтобы дикая птица назад в неволю ворочалась? Как волка ни корми, он все в лес смотрит. Попадет теперь твоя утка ястребу в когти – и поминай как звали!* (你这个傻瓜, 你真是个小傻瓜呀, 阿纽特卡! 你见过飞走的野鸟又飞回鸟笼的吗? 这就是肉包子打狗 – 有去无回。狼不管你怎么喂, 它总是想着逃到森林中去, 这是动物的天性。你的鸭子早晚会落入鹰爪——你就再也见不到它了!)。

Подводя итоги, заметим, что при переводе детской литературы, в частности сказок, особое внимание следует обращать на выбор адекватных языковых средств для передачи эмоционального компонента слова, его коннотации. Соответствие языка норме является предпосылкой понимания переводного текста, но при этом релевантно и использование специальных тактик перевода, описанных в данной статье.

Список литературы

1. Ван Цзиньлин, Сюй Лэ, Чжан Цзысин. Метафорические выражения в древнекитайской поэзии и тактики перевода на русский язык (на примере стихотворений с образом «ветер» эпохи Тан) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3 (03). С. 4–12.
2. Ионов Т.А. Лингвокультурная адаптация кинотекста в свете интерпретативной теории перевода (на материале англоязычных сериалов) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 1 (05). С. 63–72.
3. Рассказы и сказки Виталия Бианки // Азбука.ру. URL: <https://azbyka.ru/fiction/rasskazy-i-skazki-vitalij-bianki/> (дата обращения: 04.12.2024).

* * *

1. Van Czzin`lin, Syuj Le`, Chzhan Czzy`sin. Metaforicheskie vy`razheniya v drevnekitajskoj poe`zii i taktiki perevoda na russkij yazy`k (na primere stixotvorenij s obrazom «veter» e`poxi Tan) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3 (03). S. 4–12.

2. Ionova T.A. Lingvokul`turnaya adaptaciya kinoteksta v svete interpretativnoj teorii perevoda (na materiale angloyazy`chny`x serialov) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 1 (05). S. 63–72.

3. Rasskazy` i skazki Vitaliya Bianki // Azbuka.ru. URL: <https://azbyka.ru/fiction/rasskazy-i-skazki-vitalij-bianki/> (data obrashheniya: 04.12.2024).

Considering the issue of principles and tactics of translation of the Russian children literature into the Chinese language (based on the fairy tales by Vitaliy Bianki)

On the basis of the works "Anyutkin's duck", "Where crayfish winter", "Forest tiny houses", "Max" and "Crazy bird" by Vitaliy Bianki the different approaches to the translation of the Russian children literature into the Chinese language are analyzed. The relevance of transfer of word emotional component, its connotations and the stylistic color in the process of translation of fairy tales are defined.

Key words: translation, children literature, fairy tales, Vitaliy Bianki, Chinese language.

(Статья поступила в редакцию 10.01.2025).

Л.Дж. КОКОВА

Б.Дж. КОКОВА

Нальчик

**О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В СЛАВЯНСКИХ И АДЫГСКИХ
МИФОНИМАХ ЧУР И ДЖОР**

Исследование посвящено сравнительному анализу мифонимов Чур и Джор в славянских и адыгских языках. Установлены особенности их использования и функционирования, связанные с тем, что в славянской мифологии Чур не только защищал род, семью и жилища, но и охранял земельные наделы, в то время как в адыгских мифах Джор был лишь хранителем полей.

Ключевые слова: мифоним, божество, Чур, Джор, граница, жилище, фольклор, игра.

Обращения к мифологическим покровителям с просьбами о защите рода, семьи, жилища, об охране земельных наделов, спасении от нечистой силы, неурожая и других несчастий известны с древнейших времен. Покровители земельных наделов и жилищ являются героями мифов многих народов мира и оставили свой след в их языках. Божества эти не входили в высший пантеон, но постоянно присутствовали в жизни людей, поэтому их имена представляют интерес для научного исследования.

Мифологию славян и адыгов исследовали многие ученые (И.И. Срезневский, И.Ф. Блаرامберг, М.А. Васильев, Д.О. Шеппинг, Л.И. Лавров, Л.Н. Виноградов, Н.И. Толстой, Е.С. Отин, М.Т. Шортанов, С.Х. Мафедзов, А.А. Ципинов и др.).

В нашей статье анализируются имена славянских и кабардино-черкесских божеств, охраняющих земельные наделы. В их функции входили не только охрана границ, но и забота о хорошем урожае, и защита от нечистой силы, а также покровительство семье, роду.

В древнерусских письменных памятниках упоминаний о Чуре не встречается. Именно поэтому некоторые исследователи сомневаются в существовании его культа в древности. В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона читаем: «Чур, славянск<ое> мифол<ологическое> божество пограничных знаков, покровительствовало приобретению и наживе. Символ – чурки и чурбаны, т.е. межевые знаки» [3, с. 125]. Автор популярных изданий по славянской мифологии Н.С. Шапарова пишет: «Чур – это одно из древнейших названий, какое давалось домовому пенату, т.е. пылающему на очаге огню, охранителю родового состояния» [16, с. 542].

От мифонима *Чур*, возможно, произошли слова *працур*, *чересчур*, *чураться*. Эти единицы имеют разное значение, но все они в какой-то степени связаны с понятиями *граница*, *предел*, *рубеж*», *межа*, *род*. В русском языке сохранилось междометие, означающее ‘запрет касаться чего-нибудь, переходить за какую-нибудь черту, за какой-нибудь предел (в заклинаниях против нечистой силы, в играх и т.п.)’. Д.Н. Ушаков отмечает следующие коммуникативные формулы: *Чур! здесь дом!* (в игре); *Чур! наше место свято!*; *Чур меня!* (условие в играх: произнесшего эти слова нельзя хватать, салить); *Чур, пополам!* (при находке чего-нибудь вдвоем). У глагола *чураться* было ныне вышедшее из активного употребления значение ‘произносить *чур*, *чур меня*, ограждая себя от кого-чего-н. (в играх, в заклинаниях против нечистой силы и т.п.)’ [13, стб. 1307], позже появилось новое значение ‘сторониться, избегать; чуждаться’. В различных источниках отмечены также выражения *Не ступай за чур!*, *По чур наше!*, *Через чур и конь не ступит*, *Чур, не меня!*, *Чур одному – не давать никому!*, *Чур, со счета не сбиваться!* и пр.

По мнению этнографов, *чурами* у восточных славян именовались вырубленные из дерева межевые столбы или камни. Они могли иметь и форму идолов в виде выдолбленного кругляша, иногда с руками. На чуре вырезалось грубое изображение божества и значки, указывающие владельца. Прежде чем установить такой межевой столб, в яму «в некоторых местах клали горячие угли, хлебные зерна, караваи, плоды, лили мед и вино» [16, с. 542]. Славяне считали Чура «хранителем межей, полей и пашен»; «его просили о сохранении межей на полях» [Там же]. Символическое изображение Чура на межевых знаках очертаниями напоминает человека, охраняющего границы.

В основе слова *чур* предположительно лежит индоевропейский корень **keur* ‘резать, рубить’ [15, с. 385]. Существует мнение, что в некоторых ситуациях слово *чур* является эвфемистической заменой лексемы *черт*. Славяне верили, что «онный больше всех прочих богов имел власти над чертями» [16, с. 542]. Отсюда и выражения *Чур меня от него*, *Чур мяне от цябе!* (белорус.), *Чур тебе на язык!* Последним выражением нужно было «зачурать» говорящего, чтобы его злое пожелание не сбылось [Там же].

После того как участок был выбран адыгами для земледелия, на нем в качестве оберега выставлялась палка в человеческий рост с развилками на конце. Историки описывают их как своеобразные кресты. Характеристики *джора* у разных авторов отличаются. Известный этнограф-кавказовед Л.И. Лавров (1909–1982) описывает его как «обыкновенную деревянную развилку иногда больше, а иногда меньше человеческого роста» или простую палку из дерева (в кабардинском варианте игры), а также антропоморфизированное существо, к которому можно обратиться с просьбой. «Адыги называли их “джор” или “джорэ”» [9, с. 26]. Джор в других произведениях фольклора представлен не в виде креста, а как деревянная чурка, похожая на славянского Чура: «Когда на полях еще лежал снег, старики аула выносили в поле, которое должно было быть занято под посевы, обыкновенные, без развилки, палки меньше человеческого роста, которые

назывались “джорэ”, т.е. “джор”. Их выставляли на различных участках. Джорэ не забивали, а втыкали в землю, обкладывали комьями земли, камнями» [9, с. 29].

Все функции джора сейчас определить уже невозможно, но охрана земельных наделов и урожая – его основная задача.

Неоценимый вклад в исследование мифонимов вносят произведения устного народного творчества славян и адыгов. У славян Чур чаще упоминается в отмеченных выше просьбах уберечь от опасности, пословицах и считалках, которые знакомы всем с детства.

Джоры в фольклоре адыгов были атрибутами игры *джор джэгу* (*джор* с адыгских языков переводится как ‘крест’, *джэгу* – ‘игра’). Время ее проведения обычно совпадало с празднованием Пасхи и, несомненно, связано с христианским периодом истории адыгов. Во время игры джора вытаскивали из земли молодые люди. Далее с ним проводилось множество обрядов (прыгание через огонь, поджигание пучков прошлогодней соломы, прикрепленной к джору, исполнение ритуальных песен). Одна из них была записана М.З. Азаматовой на территории Адыгеи:

Джор, джор, мы твои слепые, освети нам путь,
Джор, джор, сыпь нам по борозде,
Дай нам счастья видеть твой путь (цит. по: [8, с. 27]).

Песня называлась «Джор уэрэд» (песня Джора) и исполнялась на одном из адыгских языков.

Джор был, как и Чур, почитаем. Посмотреть на обряды с Джором выходили даже пожилые люди, которые непременно говорили: *Джорэ и нэфI тхэм кьытицихуэ!* (Да будет к нам благосклонен Джорэ!).

Само слово *джорэ*, по мнению В.И. Абаева, проникло в адыгейский, кабардинский, балкарский и абхазский языки из грузинского «в значении *джавари* ‘крест’ через осетинский *дзуар*» [1, с. 401]. Исходное значение термина *джавари* ученый связывает с древнеиранским *dzanvra* в значении ‘жертвоприношение’. Таким образом, истоки слов *джавари* – *дзуар* – *джор* относятся еще к языческой религии.

Палка в виде креста в адыгской бытовой жизни описана многими путешественниками, побывавшими в местах проживания адыгов. Вот как описывает участник Персидского похода 1722–1723 годов Петра I Петр Генри Брус (1694–1751) обряд жертвоприношения по случаю смерти ближайших друзей: «...при этих обстоятельствах мужчины и женщины встречаются в поле для присутствия при жертвоприношениях, для которых употребляют барана; его убивают, обдирают и натягивают шкуру вместе с головой и рогами на крест наверху длинного шеста, помещенного обычно в живой изгороди...» (цит. по: [2, с. 150]).

Приведем еще одно упоминание об охранной функции джора, описанное известным кавказоведом И.Ф. Бларамбергом (1800–1878): «Когда они (адыги) везут груженные арбы или перевозят домой собранную пшеницу и когда случается так, что они вынуждены в силу каких-то обстоятельств покинуть свои повозки или скирды и им некого оставить посторожить их, они укрепляют деревянный крест на повозке или на скирде в твердом убеждении, что их никто не посмеет тронуть и что их имущество таким образом останется неприкосновенным» (цит. по: [17, с. 99–100]).

Адыгский джор был более мобильным, чем славянский чур. Его можно было по мере необходимости перемещать. Не исключено, что адыгское слово *джор* стало обозначать несколько омонимических понятий: *джор* – палка на поле (языческий фетиш), *джор* – крест (христианский символ) и *джор* – святой Георгий. Слово *джор* и сейчас встречается в адыгской разговорной речи, особенно у мужчин старшего поколения.

С течением времени языческие традиции у адыгов стали заменяться христианскими и мусульманскими. Возможно, поэтому термин *джор* и название игры *джор джэгу* впоследствии стали связываться с именем христианского святого Георгия, что нашло

свое отражение в ономастике адыгов. В основе названия кабардинского селения Аушигер, по предположению Л.И. Лаврова, лежит имя святого Георгия. «Название унаследовано от христианского периода адыгской истории. По свидетельству Ногмова, предки современных адыгов почитали за пророка Аус Горга, т.е. “греческого Иисуса”. Это божество в нартских сказаниях фигурирует под именем Аушджэрдж:

*Аушджэрджыриц дэ ди адэр,
Дэ ди анэр Псытхэ Гуацэц
Аушджердж – наш отец,
Псытха Гуаша – наша мать* [9, с. 360].

Аушджер (Дыгъужыкъуей), Аушигер (Дугужукой) – селение на левом берегу реки Черек. Названо по горе Аушджер, возвышающейся над селением с северо-западной стороны [4, с. 36].

В кабардино-черкесской антропонимии есть две фамилии, связанные с языческим джором и христианским святым Георгием: Джэрыджэ (Гергов) и Джоурджий (Георгиев) [6, с. 89]. «Все это может подтверждать гипотезу о том, что адыгский “джор” стал иметь отношение к христианскому святому. Причем, надо полагать, что описанный Хан-Гиреем вариант военизированной игры “Диюр” посвящался Георгию Победоносцу, а земледельческая игра “джор джэгу” – Георгию-земледельцу» [7, с. 33].

Среди русских имен собственных также имеются онимы, связанные с Чуром. Патриарх отечественной ономастики В.А. Никонов в «Словаре русских фамилий» упоминает ряд фамилий, образованных от мифонима: «Чурин. Чуров, Чурсин. Фамилии связаны с древнерусским именем Чур, или Чура, которым восточные славяне называли детей, вероятно, в честь Чура – славянского языческого божества домашнего очага... Фамилия широко распространена в различных местностях» [10, с. 162].

Следует, однако, учитывать, что не все единицы с начальным *чур-* можно отнести к этому мифониму. В фундаментальном исследовании «Русские фамилии» Б.О. Унбегауна содержится несколько фамилий: Чуриков, Чурилин, Чурилкин, Чурилов, Чурин, Чуринов, Чуркин, Чурлин, Чурляев. Все перечисленные онимы Б.О. Унбегаун относит к «фамилиям, образованным от имени Кирилл (полной и уменьшительной форм)» [14, с. 83]. Как видим, среди перечисленных антропонимов встречаются и те, которые В.А. Никонов определил как образованные от мифонима. Фамилию Чураев Б.О. Унбегаун относит к единицам, в основе которых лежат «существительные с суффиксальным *j*, она означает ‘тот, кто избегает’» [14, с. 126], т.е. связана с глаголом *чураться*. Антропонимы Чурбанов и Чуркин по его же классификации относятся к «фамилиям, производными от названий деревянных полуфабрикатов, обнаруживающих типично русское происхождение» [14, с. 156].

Топоним Чур встречается в исследовании известного донецкого ономатолога В.С. Отина «Топонимия поля Куликова». Он вслед за К.В. Кудряшовым считает, что упоминаемый в летописи топоним Чуры Михайловы образован от старинного слова *чур* ‘рубеж’, в топониме содержится указание на «южную границу владений князя Михаила Пропского». Ученый сравнивает топоним с фразеологическим оборотом *не знать чуру* ‘не знать меры, границы, предела’, бытующим в речи донских казаков [11, с. 76]. Ср. также: *не знать чуру / чура* ‘не знать меры, правил’ [12, с. 210].

Из устного народного творчества *чур* вошел в произведения русской классической («Снегурочка» А.Н. Островского, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова, «Голубая змейка» П.П. Бажова и др.) и современной литературы («Прятки» Н. Носова «Белый квадрат» З. Прилепина, «Тень воина» А. Прозорова и др.).

Таким образом, в мифологии восточных славян и адыгов встречалось божество, охранявшее земельные наделы, семью, род. Различия в использовании и функционировании обозначающих его онимов связаны с тем, что славянский Чур не только защищал

род, семью и жилища, но и охранял земельные наделы, в то время как адыгский Джор был лишь хранителем полей. Оба божества, несомненно, оставили свой след в культуре народов, их наименования апеллятивизировались и используются в современном фольклоре и художественных текстах.

Перспективами работы может стать исследование других мифонимов, встречающихся в славянской и адыгской ономастике.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. Л.: Наука, 1989.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974.
3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2006.
4. Коков Дж. Н. Избранные труды. Т. I: Адыгская топонимия. Нальчик: Эльбрус, 2000.
5. Коков Дж. Н. Избранные труды. Т. II: Адыгская антропонимия. Нальчик: Эльбрус, 2001.
6. Коков Дж. Н., Кокова Л.Дж. Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик: Эльбрус, 1993.
7. Кокова Л. Дж. Кабардино-черкесская антропонимия в условиях многоязычного Предкавказья. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2011.
8. Мафедзев С.Х. Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1979.
9. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974.
10. Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М.: Школа–Пресс, 1993.
11. Отин В.С. Топонимия поля Куликова (окончание) // Русская речь. 1980. № 6. С. 73–77.
12. Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
13. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ГИИНС, 1940.
14. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.: Прогресс, 1973.
16. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: Астрель; Русские словари, 2003.
17. Шортанов А.Т. Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992.

* * *

1. Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka. T. 4. L.: Nauka, 1989.
2. Adygi, balkarcy i karacheavcy v izvestiyah evropejskikh avtorov XVIII–XIX vv. Nal'chik: El'brus, 1974.
3. Brokgauz F.A., Efron I.A. Illyustrirovannyj enciklopedicheskij slovar'. M.: Eksmo, 2006.
4. Kokov Dzh.N. Izbrannye trudy. T. I: Adygskaya toponimiya. Nal'chik: El'brus, 2000.
5. Kokov Dzh.N. Izbrannye trudy. T. II: Adygskaya antroponimiya. Nal'chik: El'brus, 2001.
6. Kokov Dzh.N., Kokova L.Dzh. Kabardino-cherkesskie familii. Nal'chik: El'brus, 1993.
7. Kokova L.Dzh. Kabardino-cherkesskaya antroponimiya v usloviyah mnogoyazychnogo Predkavkaz'ya. Nal'chik: Poligrafservis i T, 2011.
8. Mafedzev S.H. Obryady i obryadovye igry adygov v XIX – nachale XX veka. Nal'chik: El'brus, 1979.
9. Narty. Adygskij geroicheskij epos. M.: Nauka, 1974.
10. Nikonov V.A. Slovar' russkih familij. M.: Shkola–Press, 1993.
11. Otin V.S. Toponimiya polya Kulikova (okonchanie) // Russkaya rech'. 1980. № 6. S. 73–77.
12. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / Pod red. R.I. Kudryashovoj. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.
13. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N. Ushakova. M.: GIINS, 1940.
14. Unbegaun B.O. Russkie familii. M.: Progress, 1989.
15. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. IV. M.: Progress, 1973.
16. Shaparova N.S. Kratkaya enciklopediya slavyanskoj mifologii. M.: Astrel'; Russkie slovari, 2003.
17. Shortanov A.T. Adygskie kul'ty. Nal'chik: El'brus, 1992.

*Considering the issue of some parallels in the Slavic
and Adygei mythonyms Chur and Jor*

The study is devoted to the comparative analysis of mythonyms Chur and Jor in the Slavic and Adygei languages. There are identified the peculiarities of their use and functioning associated with the fact that in the Slavic mythology Chur didn't only defended the race, family and dwelling but also secured the lands while in the Adygei myths Jor was only the keeper of fields.

Key words: *mythonym, deity, Chur, Jor, boundary, dwelling, folklore, game.*

(Статья поступила в редакцию 15.02.2025).

Н.В. ТИТАРЕНКО
Волгоград

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ОРФОГРАФИИ

Рассматриваются основные тенденции современной испанской орфографии. Анализируются языковые явления, которые затрагивают изменения на грамматическом уровне языка, описываются некоторые лексические трансформации. Характеризуются особенности испанской орфографии и графической репрезентации новых явлений.

Ключевые слова: *испанский язык, орфография, графическая репрезентация, заимствование, инклюзивный язык.*

Глобализация как явление современного мира охватывает все сферы человеческой деятельности. Наряду с волнами внешних воздействий языки переживают и системные внутренние трансформации. Спектр внутриязыковых изменений обширен и разнообразен. Внимание лингвистов сосредоточено на изучении и анализе внутриязыковых системных процессов, происходящих вследствие глобализации.

Количество говорящих на испанском языке в 2024 г. впервые превысило 600 миллионов. По данным Института Сервантеса, только за пределами испаноязычных стран по-испански говорят более 100 миллионов. По числу людей, для которых испанский является родным, этот язык уступает только китайскому, оставляя позади английский, арабский и французский языки. Официальным языком он признан в 21 стране мира. При этом более 24 миллионов человек изучают испанский язык [5, с. 28].

Всеобщий переход на цифровое общение, развитие компьютерных технологий и программ, появление многочисленных функций искусственного интеллекта не прохо-

дят бесследно, оказывая колоссальное влияние на язык. В 2004 г. Google заявил о желании оцифровать все печатные книги в мире. Появляется так называемая культуромика *Culturomics*, которая рассматривает единицы языка с точки зрения количественного подхода [6, с. 40].

Институт Королевской Академии Испании, созданный под девизом «*Limpia, fija y da esplendor*», изменил основные направления своей деятельности. Как утверждает академик П. Альварес де Миранда, «*su actuación es cada vez más descriptiva que prescriptiva*» [4] (*его деятельность стала более описательной, чем предписывающей* – перевод здесь и далее наш. – Н. Т.).

Нормой (культурной, общепринятой для любого носителя испанского языка независимо от страны происхождения) признана письменная форма языка, закрепленная примерами из произведений известных авторов. Сегодня цель состоит не столько в том, чтобы нормировать язык, сколько в том, чтобы «*reconociendo la necesidad de adoptar extranjerismos, acomodarlos a los moldes del idioma*» [9, с. 397] (*признавая необходимость перенимать иностранные слова, приспособлять их к языковым особенностям*). Процессы глобализации повлияли на письменную форму общения в сети Интернет. В первую очередь трансформации коснулись заимствований из других языков. Но значительные изменения претерпевает и испанская орфография. Все основные наблюдаемые тенденции приводят к тому, что нивелируется эффект идентификации языка. По словам лингвиста М. Зорилья, «*Los mensajes arrutinan la cibernaxis y son símbolo de la pobreza léxica de nuestro mundo policultural con voluntad ostensiblemente masificadora, en el que pocos hacen gala de pertenecer a una lengua porque no son conscientes de que esa lengua los identifica, construye su identidad*» [11, с. 164] (*Текстовые сообщения искажены киберсинтаксисом и являются символом лексической бедности нашего поликультурного мира, в котором немногие демонстрируют себя как носители конкретного языка, потому что они не осознают, что этот язык идентифицирует их, формирует их идентичность*).

Произведения на испанском языке легко отличить от произведений на других языках, в том числе и романских, благодаря пунктуации. Прежде всего речь идет о двойных знаках оформления конца восклицательного ¡! и вопросительного предложений ¿?. В официальных текстах используются знаки в соответствии с нормой. При чтении текстов в сети Интернет можно легко заметить такую тенденцию, как сокращение знаков открытия. Например, в реакции на неожиданные заявления *Cómo puede ser?, Queeeeeee??????* обращает на себя внимание тот факт, что пишущий не ставит знак открытия вопросительного предложения. Возможно, что он делает это с целью сократить текст. При этом он ставит несколько вопросительных знаков, с тем чтобы придать высказыванию экспрессивность. В интернет-коммуникации, как заявляет М. Зорилья, «*la puntuación es víctima del ritmo desenfrenado o extremadamente lento de la música interior de cada persona que practica el sublime acto de la escritura*» [11, с. 156] (*пунктуация становится жертвой безудержного или чрезвычайно медленного ритма внутренней музыки каждого человека, практикующего возвышенный акт письма*). Пишущим важнее передать эмоциональный фон, сохранить атмосферу сообщения, пренебрегая пунктуацией.

Тенденция современной орфографии, присущая прежде всего интернет-коммуникации, – отсутствие знаков ударения, например, тильды: *Que dices!?, Pero quien dijo eso????* Требования постановки графического ударения появились в изданиях Королевской Академии в 1741 г. Они уточнялись и претерпевали незначительные изменения в изданиях последующих лет [7, с. 50]. В интернет-коммуникации отсутствие тильды связано прежде всего с невнимательностью пишущего. Однако есть и особые случаи постановки графического ударения. В последнюю четверть века дважды рассматривался случай со словом *solo*. Официальная позиция Академии, впервые обозначенная в 1870 г., обязывала ставить тильду в случае употребления наречия *Sólo me gusta leer*, но, когда речь шла об имени прилагательном или имени существительном, ударение не ста-

вилось: *Juan está muy solo*. С 2010 г. нормативным стало написание этого слова без тильды, которая должна была ставиться только в случае появления двусмысленности [8], однако вплоть до 2023 г. академики, лингвисты, эксперты языка спорили и публиковали замечания, возражения и протесты, пока не появилась новая редакция правила с замечанием о постановке ударения «a juicio del que escribe» [10]. Аналогично обстоит дело с указательными местоимениями *este, aquel*.

Остановимся далее на заимствованиях. Заимствования, полностью не ассимилированные, еще воспринимающиеся испаноязычным обществом как инородные, как правило, выделяются курсивом: *El parole humanitario es un estatus de inmigración temporal...*, le escribió en *WhatsApp* ayer por la tarde. В интернет-коммуникации выделение курсивом не всегда имеет место. Например, в одном и том же предложении можно встретить различные варианты написания: en la ceremonia tenía un *look* precioso, sobre todo a juego con su novio, un lookazo!! Курсивом выделено заимствование, и при этом производное от него с исконно испанским суффиксом, придающим существительному значение преувеличения, превосходной степени, написано обычным шрифтом. Другой пример показывает выделение курсивом заимствованного слова: Ella contrajo el virus *woke* muy grave» tuiteó, но при этом глагол написан в соответствии с испанской орфографической моделью. Как справедливо замечает Н.В. Зимина, в отношениях с неологизмами, заимствованиями язык «реагирует на изменения в социуме, обновляясь под воздействием внешних- и внутриязыковых факторов» [1, с. 85].

Часто встречающееся в интернет-коммуникации явление, уже ставшее тенденцией, которое можно заметить и в официальных текстах, отмечает в своей работе Х. Молина: «Los recursos más habituales de este tipo de lenguaje son el uso de abreviaturas, siglas y acrónimos» [7, с. 61] (*Наиболее привычные ресурсы такого типа языка – это использование сокращений, аббревиатур и акронимов*). Например, использование таких сокращений, как *profe, cole, insti, finde, porfa/porfis, reque* уже настолько прочно вошло в коммуникацию, что не воспринимается как использование усеченных форм слов. Но что касается английских заимствованных формул письменных сообщений, они претерпевают изменения, испанизируются в графическом образе *plis, lav, yeah, kises, luk*. Нередко имеет место трансформация буквосочетания *qu* в один графический знак *k*, который используется не только в письменной интернет-коммуникации, но и повсеместно для создания особого эффекта в названиях заведений, небольших магазинов, лавок: *kiosko, Pakita*.

Особого внимания заслуживает влияние так называемого инклюзивного языка на коммуникацию и правила орфографии и графики. Стремление говорящих построить политкорректное высказывание влечет за собой трансформации на всех уровнях языка. Области применения инклюзивного языка расширяются. Ведь, по мнению О.А. Леонтович, оно «динамично, постоянно эволюционирует, приобретая новые свойства в результате социальных, религиозных и политических изменений» [2, с. 86].

Вопрос влияния политкорректной позиции на лексический и грамматический аспекты испанского языка уже рассматривался лингвистами [3]. Естественно, что графическое оформление высказывания, правила орфографии отражают закрепленные трансформации. Инклюзивность в письменной речи проявляется во всех стилях и жанрах, начиная с языка СМИ и заканчивая официальными документами. Грамматически это выражается прежде всего в нивелировании окончаний рода у имен существительных и имен прилагательных. Способов для построения грамматически политкорректного высказывания, с точки зрения орфографии, на испанском языке можно выделить несколько.

Во-первых, наблюдается тенденция объединения родовых окончаний, используется нейтральная гласная *-e*, например: *les trabajadores de la empresa, ellos están muy descontentes*. Во-вторых, повсеместно используется знак *X* вместо окончания, напри-

мер: *lxs azafatxs de vuelo, lxs hermanxs tóxicxs*. В-третьих, можно встретить знак @ – значительно реже, чем X, но все же: *l@s trabajador@s tenemos un síndrome nuevo, y tan content@s estamos*. В последних двух случаях важно отметить тот факт, что замена грамматически верного окончания символом возможна исключительно в письменной речи. В случае продуцирования устного высказывания говорящие используют форму образования окончаний на -е.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, отметим прежде всего подвижность испанской орфографии. Посредством орфографии реализуется интенция пишущего эмоционально воздействовать на читателя. Пишущий влияет на сознание читателя при помощи избыточной пунктуации и мультипликации букв и символов. Орфографические колебания в оформлении заимствований подтверждает тот факт, что исторически сложившийся принцип главенствования фонетического аспекта над орфографическим актуален и на современном этапе, что находит выражение в использовании инклюзивных форм высказываний, создании особых графических символов для передачи грамматического значения в письменной речи.

Список литературы

1. Зими́на Н.В. Англоамериканские заимствования в корпусе немецких глагольных неологизмов // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3 (03). С. 84–88.
2. Леонтович О.А. Сенситивность, политическая корректность и новые коммуникативные практики // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 6 (848). 2021. С. 83–92.
3. Титаренко Н.В. Основные явления в грамматике современного испанского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки. 2022. № 9 (172). С. 151–153.
4. Álvarez de Miranda P. La evolución de la lengua española en el siglo XXI // I Curso de Verano del Instituto Cervantes: «La evolución de la lengua española en el mundo», 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Rq4mnKXdaMA> (дата обращения: 14.12.2024).
5. El español en el mundo 2024. Anuario del Instituto Cervantes // Instituto Cervantes, 2024. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_24/el_espanol_en_el_mundo_anuario_instituto_cervantes_2024.pdf (дата обращения: 16.01.2025).
6. García Barreno P. Culturómica I: Cultura y lenguaje // BILRAE. 2022. № 19. P. 21–56. URL: <https://revistas.rae.es/bilrae/article/download/505/991> (дата обращения: 16.01.2025).
7. Molina Barthe J. La evolución de la ortografía española desde los inicios hasta hoy // Girona: Universitat, 2016. URL: <http://hdl.handle.net/10256/13318> (дата обращения: 16.12.2024).
8. Nota informativa sobre la tilde en solo // REAL ACADEMIA ESPAÑOLA, 2023. URL: <https://www.rae.es/noticia/nota-informativa-sobre-la-tilde-en-solo> (дата обращения: 16.12.2024).
9. Seco M. Gramática esencial del español. Madrid: Espasa Calpe, 1994.
10. Tilde // Diccionario panhispánico de dudas, 2024. URL: <https://www.rae.es/dpd/tilde> (дата обращения: 16.12.2024).
11. Zorrilla A.M. El uso de la puntuación en español. Buenos Aires: Dunken, 2012.

* * *

1. Zimina N.V. Angloamerikanskije zaimstvovaniya v korpuse nemeczkix glagol'ny'x neologizmov // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3 (03). S. 84–88.
2. Leontovich O.A. Sensitivnost', politicheskaya korrektnost' i novy'e kommunikativny'e praktiki // Vestnik MGLU. Gumanitarny'e nauki. Vy'p. 6 (848). 2021. S. 83–92.
3. Titarenko N.V. Osnovny'e yavleniya v grammatike sovremennogo ispanskogo yazy'ka // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Pedagogicheskije nauki. Filologicheskie nauki. 2022. № 9 (172). S. 151–153.

The basic tendencies of modern Spanish orthography

The basic tendencies of modern Spanish orthography are considered. The linguistic phenomena, involving the changes at the grammatical level of language, are analyzed. The lexical transformations are described. The specific features of the Spanish orthography and the graphic representation of new phenomena are characterized.

Key words: Spanish language, orthography, graphic representation, borrowing, inclusive language.

(Статья поступила в редакцию 30.01.2025).

А. А. МОСЕЙКО

Волгоград

**НАРОЧИТАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ КАК ФОРМА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

Рассмотрен феномен нарочитой безграмотности как формы языковой игры в интернет-коммуникации. Установлено, что нарочитая безграмотность – это сознательное и стилистически оправданное отклонение от языковых норм, используемое для создания специфического коммуникативного эффекта.

Ключевые слова: нарочитая безграмотность, намеренная безграмотность, языковая игра, интернет-коммуникация, интеллектуальное хулиганство.

Сетевое общение прочнейшим образом закрепилось в жизни современного человека, став одним из способов речевого взаимодействия. Особенности современной интернет-коммуникации отражают актуальные языковые и семиотические процессы и активно исследуются учеными [1; 2; 3; 5].

Одной из особенностей сетевого общения является *нарочитая безграмотность*, которая становится в последние годы своеобразной данью моде или новой формой языковой игры. Этот термин описывает преднамеренное, сознательное использование неправильных форм языка, пропуск букв и знаков препинания, создание необычных конструкций и т.п., осуществляемые с целью привлечения внимания, создания комического эффекта, выражения своей индивидуальности либо принадлежности к определенной социальной группе.

В данной статье мы пытаемся ответить на вопрос: является ли нарочитая безграмотность данью моде или же представляет собой более сложную форму языковой игры в условиях цифровой эпохи?

Мы не связываем употребление неправильных форм языка с незрелостью, необразованностью или низким уровнем грамотности наиболее молодых и активных интернет-пользователей и рассматриваем феномен нарочитой безграмотности как сознательное и стилистически оправданное отклонение от языковых норм, используемое для создания специфического коммуникативного эффекта.

Нарочитая безграмотность – не просто небрежность или незнание правил, а сознательный выбор автора, языковая игра, активный инструмент, призванный привлечь внимание, вызвать улыбку, создать неформальную атмосферу или сформулировать определенный социальный код.

Такое поведение можно рассматривать как часть молодежной культуры, где экспериментирование с языком становится способом самовыражения. Например, осознанное использование неправильных форм слов может служить знаком принадлежности к определенной группе или субкультуре. В этом смысле нарочитая безграмотность становится не просто ошибкой, а элементом идентификации.

Виртуальное общение требует быстроты и легкости, что приводит к сокращению слов и упрощению грамматических структур. Как отмечает М.А. Кронгауз, «интернет-коммуникация <...> допускает и даже поощряет отступления от стандартной языковой нормы» [9, с. 54].

Эта «новая нормальность» онлайн-общения стирает границы между устной и письменной речью, привнося в последнюю элементы разговорности, спонтанности и экспрессивности, которые часто выражаются через нарочитую безграмотность. В онлайн-общении скорость и экспрессивность часто приоритетнее грамотности, а искажения письменной речи могут служить для передачи эмоций, иронии, сарказма. Отказ от традиционной грамотности, таким образом, становится элементом языковой игры путем самовыражения и идентификации.

Цифровая коммуникация характеризуется преобладанием стиля, имитирующего устную речь: фрагментарностью информации, «клиповым» мышлением, способствуя распространению нарочитой безграмотности. Интернет-дискурс подростков представляет собой сочетание стандартной орфографической неграмотности и специфического явления сетевой культуры – намеренного нарушения орфографических норм.

Зарождение нарочитой безграмотности можно отнести к периоду процветания «олбанского» языка как одного из средств провокации, своего рода «интеллектуального хулиганства». «Олбанский» язык – специфический письменный жаргон, распространенный среди пользователей живых журналов в середине 2000-х гг. [10]. Это в некоторой степени радикальная форма сетевого общения на форумах и сайтах, основанная на игре слов и бросающая вызов традиционной русской орфографии. Олбанский язык выполнял несколько функций: идентифицировал «своих» и «чужих» в переписке, помогал самовыражаться, позволял выразить эмоции и установить контакт с невидимым собеседником. Это популярное явление сетевого языка, связанное с использованием нарочитых искажений всех правил грамматики уже отошло в прошлое, но тенденция нарушения орфографических и синтаксических правил русского языка в сетевом общении сохранилась.

Безусловно, заведомо безграмотные выражения, конструкции в современном сетевом пространстве используются тоже в целях «интеллектуального хулиганства». Однако сама по себе намеренная безграмотность в языке не угрожает языковой норме или культуре общения. Напротив, игра с языковыми правилами, их преднамеренное нарушение, позволяет создавать яркие и многозначные образы, которые основываются именно на существовании этих правил.

Одна из самых известных цитат Л.В. Щербы посвящена желанию намеренного отступления от стандарта: «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то начинает он чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее» [14, с. 21].

В.И. Карасик объясняет намеренное искажение языка тем, что «сетевой дискурс сориентирован на общение молодежи и подростков. В сетевом дискурсе люди ведут себя подчеркнуто непринужденно и неофициально, порой форсируя эту неофициальность. Это соответствует духу нашего времени в эре постмодерна» [8, с. 50].

Л.П. Крысин, анализируя языковые процессы в интернете, указывает на игровую природу сетевого общения [11]. Нарочитая безграмотность вписывается в эту игровую парадигму, становясь способом создания комического эффекта, иронии, пародии. Она позволяет экспериментировать с языком, ломать стереотипы, выходить за рамки привычных норм и создавать новые формы выражения. Такие преднамеренные языковые ошибки в сетевом общении не воспринимаются как грубые нарушения языковой нормы, а являются некой формой языковой игры. Люди, играющие с этими стандартами, создают новые, необычные и порой абсурдные формы искажения языка. Интересно, что тот, кто занимается подобной игрой, должен быть весьма образованным, – хорошо зная основы языка, он ожидает от своих корреспондентов понимания логики своей преднамеренной безграмотности. Так, Пикассо, прежде чем начал «коверкать» анатомию, научился безупречно писать академические портреты. У его оригинальности есть база, вес, содержание.

Искажение форм слов без базовых навыков – это бессодержательность, создание мифа о себе самом, оригинальном и недопонятом. Девиации адресанта на фоне других ошибок могут быть восприняты как непреднамеренные и неосознанные, а автора текста сочтут безграмотным, и вместо одобрения и поддержки он может получить долю критики и хейта в свой адрес.

Языковая игра позволяет носителям языка отвлечься от стереотипного порождения и восприятия высказывания и в научной литературе нередко понимается как «сознательный эксперимент, имеющий установку на творчество» [5, с. 28]. Творческое переосмысление языкового стандарта может восприниматься как отклонение от норм или даже нарушение. «Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [12, с. 23], причем необходимо, чтобы реципиент мог понять, что данное нарушение языковой нормы сделано осознанно. Использование игровых приемов в социальных сетях сближает собеседников «приводит к взаимопониманию на более высоком уровне – уровне эмоционально-интеллектуальном» [6, с. 20].

Знаменитый британский лингвист Д. Крисл в своей фундаментальной работе «The Cambridge Encyclopedia of Language» определяет языковую игру (verbal game) как «international, rhythmical, phonetic, lexical, morphological et.al. modifications of language norms which use the same principle of deviating from language norms» [15, с. 54].

В интернет-сообществах сформировалась современная философия: гладкость, завершенность, доведение до безупречности – черты неискренности, фальши, зазнайства. Так пишут бездушные «граммар-наци», формалисты, которым гладкость строки важнее смысла. Искренность общения создается за счет игры с формой слова.

Нарочитая безграмотность зачастую выражает тонкий смысл высказывания, отличается чувством юмора, это своего рода стилистический прием, который снижает градус серьезности в тексте, помогает сделать его легким и веселым. Часто в таких высказываниях лексика стилистически «скачет», просторечие и сленг соседствуют с высокой лексикой. Автор может написать *щас/ща* (сейчас), *чесслово* (честное слово), *ваще* (вообще) не потому, что не знает, как правильно, а совершенно осознанно, с определенной целью. На этом и строится подобный юмор. Здесь мы говорим о стилистике безграмотности, а не о безграмотности в ее естественном виде.

Специфика интернет-пространства, отсутствие аудиовизуального контакта, стремление к самопрезентации заставляют пользователя искать нетривиальный, творческий подход к языку, экспериментировать, находить яркие формы для выражения своих идей.

Рассмотрим некоторые примеры орфографической игры, суть которой заключается в сознательном нарушении правил, хорошо знакомых говорящему (пишущему). Результатом подобной искусственной «безграмотности» становится эрратив, т.е. слово или выражение, «которое подверг осознанному искажению носитель языка, владеющий литературной нормой» [4].

Просматривая форумы, блоги, чаты, мы выделили несколько наиболее распространенных ситуаций обыгрывания намеренной безграмотности в интернет-текстах.

Фонетическая имитация

Мем: Картинка с грустным котом и подпись: *Пасиба, што живой.*

Продолжение обмена репликами под картинкой:

– *Кагдила?* – *Ниче так, привед передает!*

Искаженное «спасибо» (*пасиба*) создает комический эффект, подчеркивая уныние кота. Юмор строится на имитации разговорной речи, кот передает привет из прошлого, ностальгируя по раннему интернету.

Мем: Картинка, на которой изображен человек, пишущий рассказ: *...взяли мы с котом удилище и пошли на речку.* Кот, сидящий рядом, выражает мысли вслух: *...сам ты скотомудилище.* Фонетическое слияние слов фразы дает иную интерпретацию, и из совершенно безобидного текста получается оскорбительный посыл, что вызывает смех. Под постом можно прочесть множество похожих творений языковой игры, придуманных членами группы:

– *Ты колбасу купил?* – *Колбасуку? Нет, не пил;*

– *Ты квас допил?* – *Сам ты кваздопил!*

– *Девушка, вы могли бы стать женой радикала?* – *Ради чего, простите?*

Искажение норм орфографии и грамматики

Мем: Картинка с человеком, делающим что-то нелепое, с подписью: «Мастер фсех рабОт». Намеренные ошибки подчеркивают абсурдность ситуации. «Мастер всех работ» – устоявшееся выражение, которое обычно используется с ироническим подтекстом для обозначения человека, который берется за любые дела и всегда успешно их выполняет. Обыгрывается стереотипное сочетание «мастер на все руки».

Намеренное искаженное написание – типичный пример фонетической транскрипции, имитации разговорной речи – создает впечатление небрежности, неграмотности. Ирония заключается в контрасте между заявленным мастерством, а искаженное написание подчеркивает несоответствие между претензией на профессионализм и реальной некомпетентностью.

Мем: Картинка красивого витражного окна церкви. Под картинкой подпись: *Сейчас покажу вам окно в церкви, от которого вы просто АБАЛДЕЕТЕ.* Следующий слайд черный с надписью: *А вот то, что будет сейчас – это именно АБАЛДЕЕТЬ, когда эмоции бьют через край вашего сознания, и вы меняете «о» на «а». Еще и переходите на капслок.* На последнем слайде витражное окно, в котором изображен католик с котом. Подпись под изображением: *Ну, просто АБАЛДЕЕТЬ.* Под постом множество комментариев: *Для второго окна есть очень емкая дагестанская реакция – Ааашаааалееет!; Так вот он какой, истинный КОТолик; Этот котик может светиться! Доказательство, что коты священны!; Св. Котовий; Хоспаде, какое счастье!; А церковь-то истинно КОТолическая!; Скажите, а будет выложено окно АШАЛЕТЬ?*

Намеренные орфографические ошибки меняют смысл высказывания и «католик с котом» превращается в «котолика» – представителя католицизма, любящего котов, который запечатлен в витраже церкви с котом. Нарочитая безграмотность используется как стилистический прием для создания комического эффекта, демонстрируя, как языковые игры, основанные на нарушении орфографических норм, могут передавать смысл и эмоции.

Использование интернет-сленга, сокращений и аббревиатур

Рассмотрим пример, взятый с сайта форума для геймеров, под заголовком «Ппц, босс ваще имба!». Под постом комментарий: *Прошел вчера новый рейд. Босс – читер какой-то, у него хп как у танка. Щас буду фармить экспу, может, прокачаюсь и тогда его уложу. А то ваще обидно, до последнего моба не дошел....*

Здесь *имба* – *imbalanced* ‘несбалансированный, слишком сильный’; *ппц* – оценка ситуации как очень плохой, ‘провал, неудача’; *хп* – *health point* ‘очки здоровья’; *ваще* – вообще; транслитерация *читер* – *cheater* ‘мошенник’; *фармить* – *form* ‘формировать’; *экспу* – *experience* ‘вознаграждение или очки опыта’; *моб* – *mobile object* ‘любой подвижный объект’; *уложу* ‘покончу с ним’. Данные формы создают стиль небрежной, быстрой, эмоциональной речи, характерной для геймеров. Смешение русских и английских слов понятно только людям, объединенным в игровое сообщество, и подчеркивает единство группы за счет обособленного языкового кода, юмор строится на узнаваемости ситуации.

Рассмотрим еще один пример использования намеренного сленга, аббревиатур и сокращений. Под постом идет обмен репликами:

- *Я тут видосик выложила, зацени!*
- *Щас гляну. А что там?*
- *Ваще огонь!*
- *Лол, кек, омг, ваще поржал! Думал, будет скучно, а тут такой угар! Ничосебе, респект автору!*
- *Щас буду ваять новый шедевр. Надеюсь, получится ништяк. Все будет пушка! мб лайкните потом.*

Следует отметить, что жаргонные слова и выражения, заимствованные из разных групп, широко используются в неформальном общении. Небрежное отношение к языку, сокращение слов и использование жаргонизмов внутри одной группы воспринимаются положительно, подчеркивают принадлежность к этой группе, а неформальность общения и смайлики в конце предложений создают легкий, непринужденный тон. Эти примеры демонстрируют, как нарочитая безграмотность, используемая в сочетании с интернет-сленгом и аббревиатурами, создает эффект неформальности, юмора и быстроты коммуникации. Ключевым моментом является то, что эта «безграмотность» является сознательным стилистическим выбором, а не следствием незнания правил русского языка.

Игра с границами языка и контекста

Игры с границами языка в интернете, основанные на намеренной безграмотности, могут принимать различные формы. Приведем текст анекдота, в котором комический эффект обеспечивается намеренными орфографическими ошибками и контекстуальной игрой:

- *МарьИванна, как правильно писать: «Пациентка выздаровела» или «Пациентка выздравила»?*
- *Пиши «НИПАДОХЛА»!*

В данном примере мы имеем дело с игрой формы слова и его содержанием, значением. Вопрос о правильном написании *выздоровела* или *выздравила* создает ожидание, что собеседники будут обсуждать правила русского языка. Однако ответ *нипадохла* представляет собой неформальную, искаженную форму, которая не соответствует нормам языка. Это создает комический эффект, т.к. вместо ожидаемого грамматически правильного ответа звучит нечто абсурдное. В данном анекдоте есть контекст, связанный с медицинской терминологией и состоянием здоровья. Ожидание правильного ответа на вопрос о выздоровлении создает определенный фон, на котором абсурдный ответ звучит еще более комично. Слово *нипадохла* не имеет отношения к обсуждаемой теме. И, наконец, сама ситуация выглядит странно: ученик интересуется у учителя, как правильно-

но написать слово, приводит два неправильных варианта, а учитель в ответ предлагает третий вариант, который также неверен, при этом выражая свое раздражение и отношение к безграмотности стилистически окрашенным грубым словом, которое неуместно в педагогическом дискурсе.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы пришли к следующему выводу: нарочитая безграмотность в интернет-пространстве – это не просто игра с языком, а сложный социальный феномен, отражающий культурные и коммуникативные изменения в обществе. Пользователи, прибегая к этому приему, создают уникальные языковые формы, которые способствуют формированию сообществ и укреплению социальных связей. Языковая игра становится не только способом самовыражения, но и способом взаимодействия в условиях цифровой эпохи, где границы между формальным и неформальным общением стираются. Нарочитая безграмотность в интернете – это многогранный феномен, который используется для создания комического эффекта, иронии и привлечения внимания. Игры с языком и контекстом могут быть как простыми, так и сложными, и они часто зависят от культурного контекста аудитории. Намеренная безграмотность в интернете – это не просто ошибка, а осознанный выбор, который служит различным целям в рамках коммуникации.

Понимание типов этой игры и причин ее применения позволяет глубже понять динамику и тенденции развития современного русского языка в цифровой среде. Важно отличать сознательное использование таких приемов от фактической безграмотности и не воспринимать их как нарушение нормы.

Список литературы

1. Аношко Т.Н., Атоманова Н.В. Словообразовательные особенности современной молодежной неологии на примере социальной сети «ВКонтакте» // Современная научная мысль: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 8–19.
2. Арпентьева М.Р. Эрративы «интернетояза» // Языки и литература в поликультурном пространстве. Барнаул, 2018. № 4. С. 5–14.
3. Белинская Е.П. Язык интернет-коммуникации и социолингвистическая ситуация современности // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 1. С. 5–10.
4. Гусейнов Г.Ч. Берлога Веблога. [Введение в эрративную семантику] // Архивы форума «Говорим по-русски». URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения: 30 января 2025).
5. Захарова Е.С. Сленг в интернет-коммуникации (на примере англоязычной и русскоязычной сети Facebook и ВКонтакте) // Молодежь в науке и образовании: проблемы и перспективы развития: тезисы VI Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 38–42.
6. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов н/Д., 2002.
7. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2009.
8. Карасик В.И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55.
9. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, 2007.
10. Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М.: АСТ, 2013.
11. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 18–38.
12. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.
13. Сиротина О.Б. Русский язык в условиях языковых контактов // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 7–20.
14. Щерба Л.В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. 1939. № 1. С. 10–21.
15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. 2nd ed. Cambridge University Press, 2006.

1. Anopko T.N., Atomanova N.V. Slovoobrazovatel'ny'e osobennosti sovremennoj molodezhnoj neologii na primere social'noj seti «VKontakte» // *Sovremennaya nauchnaya my'sl': materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheboksary*, 2018. S. 8–19.
2. Arpent'eva M.R. E'rrativny' «internetoyaza» // *Yazy'ki i literatura v polikul'turnom prostranstve. Barnaul*, 2018. № 4. S. 5–14.
3. Belinskaya E.P. Yazy'k internet-kommunikacii i sociolingvisticheskaya situaciya sovremennosti // *Sovremennaya social'naya psixologiya: teoreticheskie podhody' i prikladny'e issledovaniya*. 2011. № 1. S. 5–10.
4. Gusejnov G.Ch. Berloga Vebloga. [Vvedenie v e'rrativnuyu semantiku] // *Arxivny' foruma «Govorim po-russki»*. URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (data obrashheniya: 30 yanvarya 2025).
5. Zaxarova E.S. Sleng v internet-kommunikacii (na primere angloyazy'chnoj i russkoyazy'chnoj seti Facebook i VKontakte) // *Molodezh' v nauke i obrazovanii: problemy' i perspektivy' razvitiya: tezisy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg*, 2016. S. 38–42.
6. Il'yasova S.V. Slovoobrazovatel'naya igra kak fenomen yazy'ka sovremenny'x SMI. Rostov n/D, 2002.
7. Il'yasova S.V., Amiri L.P. Yazy'kovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy'. M.: Flinta: Nauka, 2009.
8. Karasik V.I. Zhanry' setevogo diskursa // *Zhanry' rechi*. 2019. № 1 (21). S. 49–55.
9. Krongauz M.A. Russkij yazy'k na grani nervnogo sry'va. M.: Znak, 2007.
10. Krongauz M.A. Samouchitel' olbanskogo. M.: AST, 2013.
11. Kry'sin L.P. Yazy'kovaya norma i rechevaya praktika // *Russkij yazy'k koncza XX stoletiya (1985–1995)*. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1996. S. 18–38.
12. Sannikov V.Z. Russkij yazy'k v zerkale yazy'kovoj igry'. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1999.
13. Sirotinina O.B. Russkij yazy'k v usloviyax yazy'kovy'x kontaktov // *Russkij yazy'k v nauchnom osveshhenii*. 2005. № 1 (9). S. 7–20.
14. Shherba L.V. Sporny'e voprosy' russkoj grammatiki // *Russkij yazy'k v shkole*. 1939. № 1. S. 10–21.

Deliberate illiteracy as the form of language game in digital age

The phenomenon of deliberate illiteracy as a form of language game in Internet communication is considered. It is identified that deliberate illiteracy is consciously and stylistically taken variation from the language norms used for the creation of specifically communicative effect.

Key words: *deliberate illiteracy, intended illiteracy, language game, Internet communication, intellectual hooliganism.*

(Статья поступила в редакцию 17.01.2025).

В. П. МОСКВИН

Волгоград

**ЗАЛОГ И ВОЗВРАТНОСТЬ: ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ ОБРАЗОВАНИЯ
И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФОРМ**

Проанализированы трактовки категории залога, рассмотрены трудные случаи образования форм залога и разграничения форм возвратных глаголов страдательного и действительного залога, выявлены основные причины дефектности залоговых парадигм.

Ключевые слова: русский язык; морфология; залог; возвратный глагол; дефектная парадигма.

Залог (далее – З.) [ст.-сл. залогъ, калька греч. διάθεσις ‘залог’, букв. ‘расположение’] представляет собой глагольную категорию, образуемую дихотомическим противопоставлением морфологических форм, значения которых по-разному представляют отношение между субъектом, действием и объектом [27, с. 615]. Соответствие между указанными актантами и обозначающими их членами предложения, т.е. «семантическими и синтаксическими аргументами» глагола [25, с. 197], известно как диатеза (термин введен И. А. Мельчуком и А. А. Холодовичем в статье: [18]). С этой точки зрения, З. может быть определен как «грамматически маркированная в глаголе диатеза» [18, с. 114] или «изменение диатезы, маркированное формой глагола» [21, с. 51].

Действительный З. (или, в иной терминологии, актив, активный залог, прямая / базовая диатеза) определяется как морфологически / грамматически исходная (немаркированная) форма З., выражающая субъект действия подлежащим, прямой объект – прямым дополнением. При этом, по разъяснению И. А. Мельчука, «<...> именно базовая диатеза приписывается <глагольной> лексеме как таковой. Диатеза же “вообще” приписывается только словоформам (*разрядка наша. – В. М.*): разные лексы одной лексемы вполне могут иметь разные диатезы; более того, именно такая ситуация и должна иметь место в языках, обладающих грамматической категорией залога» [16, с. 163].

Страдательный З. (пассив, косвенная диатеза) может быть определен как морфологически / грамматически производная, т.е. морфологически маркированная* форма З., выражающая прямой объект подлежащим, субъект действия – косвенным дополнением (творительным падежом субъекта / агентивным дополнением). В этом случае обозначение субъекта становится факультативным, отсюда два структурных варианта пассива: *Сражение выиграно нами* (трехчленный пассив) ↔ *Сражение выиграно* (двучленный пассив).

В конструкции актива выступает переходный глагол в спрягаемой форме совершенного вида (далее – СВ) или несовершенного вида (далее – НСВ), например: *Мы выиграли / выигрываем сражение*; в конструкции пассива – четыре формы, причем каж-

* Т.е. залоговая оппозиция, где пассив более четко выражен, рассматривается (по методу Н. С. Трубецкого) как привативная, ср.: /б/ (маркированный по звонкости) – /п/ (немаркированный член оппозиции).

дая с определенными ограничениями, отражающими ту или иную степень дефектности глагольных парадигм*:

1. Для глаголов СВ – краткое страдательное причастие прошедшего времени, с возможностью следующей трансформации: *Сражение выиграно нами* (пассив) ↔ спрягаемый глагол СВ: *Мы выиграли сражение* (актив). Причины ограничений на формы пассива**: а) их двусмысленность: так, глаголы 3-го словоизменительного класса отторгают форму ед. муж. пассива – скорее всего, ввиду ее совпадения с формой 3 л. множ. спрягаемого глагола, ср.: *Полк двинут вперед; Кольнут отравленной иглой*; пассив от *уверить* совпадает с отглагольным прилагательным *уверен*: **Я был уверен им*; б) их неопознаваемость ввиду искажения чередованием и переакцентовкой (т.е. морфофонематических ограничений): *«Круг» был все-таки разгляжен* (А. И. Солженицын. Угодило зернышко промеж двух жерновов, 1974–1994), *Въ монастырьъ были застаты имъ старцы древние и достовѣрные* (Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский, 1892), *Толстой сказал: «Да, да, соблазн минован на этот раз»* (В. В. Вересаев. Художник жизни, 1921); в) неблагозвучие, например, столкновение слогов: *Доконана бысть сия книга у великомъ градѣ у Краковѣ* (Н. М. Карамзин. История государства Российского, 1; 1818); *речь краденая в дому его не была застата* (Литовский статут, 1529). Вместо ожидаемой для глагола 1-го словоизменительного класса, но неблагозвучной формы *запеленан* применяется асистемная *запеленат*; вместо ожидаемой для глагола 9-го словоизменительного класса, но неопознаваемой формы *застат* образована асистемная *застан*: *Застан плохо сказано, смешно даже* (А. Слаповский. Общедоступный песенник, 2009). Вместо грамматически корректных, но неопознаваемых форм, искаженных чередованием (*обезлешен, обезопашен, пропылесошен, пронжен*), применяются асистемные варианты без чередования (*обезлесен, обезопасен, пропылесосен, пронзен*).

2. Для глаголов НСВ –

2.1. Возвратные формы переходных глаголов НСВ с постфиксом *-ся* в страдательном / «страдательно-возвратном» / «возвратно-страдательном» [35, с. 119 и 197] значении: *Сражение выигрывается нами* (пассив) ↔ глагол НСВ: *Мы выигрываем сражение* (актив). Ограничения на форму пассива связаны здесь с возможной двусмысленностью, нередко близкой к каламбуру ввиду совпадения с возвратными глаголами действительного З. (*activa tantum*) [27, с. 615; 8, с. 361]: **Родина любитя нами* (пассив) при норме *Весною сердцу любитя* (актив); эффект усиливается в двучленном пассиве: *Деталь бросается в ванну; К встрече большой воды готовятся откачивающие механизмы; Четыре тысячи пальто отсюда ежедневно отправляются в магазины столицы; В помощь охотнику в сани впрягается собака; Поросята сразу после рождения обмываются и вытираются полотенцем* [7, с. 241].

2.2. Краткое страдательное причастие настоящего времени, синонимичное с (2.1): *Нами ты была любима И для милого хранима* (А. С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях, 1833) (пассив) ↔ глагол НСВ: *Мы тебя любили и для милого хранили* (актив). Причина узуальной периферийности таких причастий видится в том, что их формы: а) муж. ед. с суффиксами *-ем-, -им-* – двусмысленны, поскольку совпадают с формами 1 л. множ. спрягаемых глаголов, ср.: *Наш бедный дом храним ее заботой* (М. Ю. Лермонтов. Аул Бастунджи, 1834); *строим* (А. В. Исаченко отмечает: «нельзя сказать “Дом был строим”» [11, с. 360], но причины такого ограничения не называет); аналогично: *бреем* (< *бреемый*), *пишем* (< *пишемый*), *нашем* (< *нашемый*), *красим* (< *красимый*) и др.; б) с суффиксом *-ом-* – не опознаются: *сосом* (*-а, -о, -ы*), *трясом*,

* О дефектности / недостаточности парадигм и ее причинах, таких, в частности, как неблагозвучие (я затмлю, ощушу), двусмысленность (я соплю), неясность / неопознаваемость словоформ, искаженных чередованием (дужу ‘играю на дудке’) и др. см.: [6].

** В научной литературе находим лишь списки глаголов, от которых причастия не образуются или образуются несвободно (например: [1, с. 664–669]), но причины ограничений не указаны.

берегѡм, пекѡм; ср. также: *едѡм* (*совестью, ужасом*), например: *Терзается, совестью едом* (П. Иевлев. Хранители Мультиверсума, 6; 2020) и *Едѡм* (прозвище Исава): *И будет Едом ужасом; всякий, проходящий мимо, изумится и посвищит, смотря на все язвы его* (Иер. 49: 17). В. И. Чернышев оценивает такие причастия как «неуклюжие» [33, с. 343]. Причина видится в том, что суффикс *-ом-* искажает слово до неузнаваемости, в результате, например, форма *кладом(ый)* не сразу воспринимается как принадлежащая парадигме глагола *класть*, *зовом(ый)* – парадигме глагола *звать*, что, видимо, стимулирует замену суффикса глаголов 1-го спряжения *-ом-* суффиксом 2-го спряжения *-им-*: *За поклоном кладимый поклон* (Ек. Траубер. Твое счастье так свято, так право..., 1986); *Взлетал, как будто Им зовим, И снова падал под колеса* (Вл. Буркат. Пройди свой путь, 2016). От односложных глаголов *лечь, шить, пить, бить* анализируемые причастия не образуются по двум причинам: формы ед. муж. двусмысленны, ср.: *лѣшь* – **лѣм(ый)*, ср.: устар. ц.-слав. *лием(ый)*, остальные формы (**лѣма, *лѣмы, *лѣмо*) не опознаются. Сомнительные по рассмотренным двум причинам формы выходят из узуса, сохраняясь в составе устойчивых выражений: *Дома и солома едома* (Поговорка), крылатых слов: *Пшеница толкома, солома, пекома, нудима хлѣбъ чистъ является* (Пчела, XIII в.) и авторитетных текстов прошлого: *Тарана чудными ударами трясома Сь подставовъ сбита дверь валится съ страхомъ грома* [Вергилий. Энеида, 1: 728–729; перев. архиеп. Аполлоса (А. Д. Байбакова), 1774].

Причастия рассмотренного типа образуются от глаголов НСВ; нарушающие это правило формы асистемны, а потому: а) неупотребительны (*Лучшие быть мне в реке Утопимому, Чем на свете жить Нелюбимому*. – Вниз по Волге-реке. Рус. нар. песня в обраб. кн. А. А. Шаховского; *Все эти блага достижимы и сохранимы преимущественно торговлей*. – Е. В. Тарле. Общественные воззрения Томаса Мора, 1901); б) лексикализированы, т.е. перешли в разряд отглагольных прилагательных, но при этом допускают агентивное дополнение (*Неуязвимы ничем?* – Н. С. Лесков. На ножах, 1870; *Множество всех цепочек, воспринимаемых автоматом A^d , образует язык $L(A^d)$, представимый данным автоматом* – В. М. Глушков. Алгебра, языки, программирование, 1974; *И во сне, огнем неопалим, Я построю свой Ерусалим*. – И. Кучеров. Подари мне лезвие души..., 1994; *Правит страной эмир, власть его – неоспорима, никем и никак*. – И. Сенченко. Государство Катар, 2020; *Слово мое твердо, Водю неразмовимо, Никем непреодолимо!* – О. Крючкова. Славянские обряды, заговоры и ворожба, 2021) и др.

Асистемны и формы гл. 1-го спряжения *борим(ый), движим(ый), колышим(ый)*, принявшие суффикс глаголов 2-го спряжения, их грамматически корректные варианты – *колышем(ый)*, устар. *борем(ый)* и *движем(ый)*.

2.3. Краткое страдательное причастие прошедшего времени НСВ, синонимичное с (1), но применяемое в двучленном пассиве – «полном [...] семантическом корреляте» неопределенно-личного предложения [25, с. 201]: *Дуракам закон не писан* (пассив НСВ) ↔ *Дуракам закон не написан* (пассив СВ) ↔ *Дуракам закон не пишут* (актив). Причина периферийности, «редкости» [27, с. 613 и 664] причастий типа *писан, читан* состоит, видимо, в том, что они образованы от форм НСВ, а не СВ, т.е. в их асистемности*. Данная деривационная модель узуально мертва, отсюда обилие устарелых и архаичных словоформ: а) *Урок твержен* [4, с. 183]; б) *а даваны имъ вотчины по новымъ дозорнымъ книгамъ* (Указная книга Поместного приказа, XVII в.); в) *Убѣдительно прошу васъ требовать моей трагедіи отъ дирекціи обратно, не допуская, чтобы она была въ третій разъ играна* (М. И. Пыляев. Старый Петербург, 1889); г) *место-то и не пахано и не кошено* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Клад Кучума, 1897). Из списка С. П. Обнор-

* Ощущение асистемности / неправильности таких форм стоит, например, за их применением в следующем образце стилизации ломаной русской речи: О, Аллах! Камен делан, мирамор делан, гиранит делан, залатой букв писан верх кришка (Г. Рязский. Муж, жена и сатана, 2012).

ского: *сеяно, жато, полото, молочено, пивано, едано, дёвано* [20, с. 157–158]. Такие формы нередко лексикализованы (*шито-крыто, делано-переделано*) или фразеологически связаны с причастными предикативами: *Дело белыми нитками шито; Не думано, не гадаю; Не туда несено, да тут уронено* и др.

В случае (2.1) пассив выражен синтетически, в (1), (2.2) и (2.3) – аналитически, т.е. формой причастия с выраженной или нулевой связкой.

Как известно, члены словоизменительных морфологических категорий представлены формами одного слова, члены несловоизменительных (или классифицирующих) – разными словами, таковы: а) род и одушевленность / неодушевленность имени существительного; б) вид глагола (ср.: *выигрывать* и *выиграть*). Считается, что 3. в этом отношении представляет собой смешанный тип: если корреляция *выиграть* / *выигран* (трансформационный тип 1) представлена формами одного слова, то *выигрывать* / *выигрываться* (трансформационный тип 2.1) – разными словами [27, с. 454].

Диагностическими признаками форм страдательного 3., позволяющими отграничить их от возвратных глаголов *activa tantum*, представляются:

1. Соотносительность возвратных форм глаголов страдательного 3. НСВ с краткими формами страдательных причастий СВ (*Сражение выигрывается ↔ выиграно*), т.е. принадлежность парадигме, которая может быть задана формулой «НСВ-ся / крат. страд. прич. СВ».

2. Аномальность постфиксации глаголов СВ как альтернативы таким причастиям: *Мы выиграли сражение → *Сражение выигралось нами* *вм. было выиграно* – видимо, по аналогии с пассивом НСВ *Сражение выигрывается нами*. В научной литературе данное явление именуется перфективацией (по формуле: *выигрывать → выиграться*), но если трактовать данную пару как словообразовательную, то пришлось бы признать, что дериват *выиграться* образован посредством десуффиксации (как одного из приемов редеривации), термин же *перфективация sensu stricto* означает ‘образование глаголов СВ от глаголов НСВ посредством префиксов или суффикса -ну-’ (см., например: [10, с. 77–78]). Под перфективацией иногда понимается и тип трансформации, состоящий в преобразовании исходной фразы в конструкцию со спрягаемым глаголом СВ (см., например: [5, с. 160]), ниже данный термин будет применяться именно в этом значении. Перфективация в принятом нами смысле свидетельствует: а) об интенции категории 3. к синтетизму; б) о сдвиге в сторону категорий классифицирующего типа: словоизменительная корреляция *выиграть – выигран* сменилась классифицирующей *выиграть – выиграться*.

Как видим, совершенно прав был И. П. Мучник, констатируя, что в категории 3. «в чрезвычайно сложный узел связаны многочисленные явления лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса» [19, с. 4].

Появление возвратных глаголов СВ, т.е. форм возвратного перфективного пассива, на месте краткого страдательного причастия прошедшего времени считается «одним из казусов в грамматике русского языка», примеры употребления этих форм в русской классике расцениваются как архаические, например: *Закроются глаза мне чуждою рукой* (Ф. Вольтер. Танкред. Трагедия в пяти действиях / перев. Н. И. Гнедича, 1809) *вм. будут закрыты* [23, с. 43, с. 45, с. 50]. Модель образования таких форм асистемна, периферийна, но вместе с тем жива, поскольку эти формы встречаются и в современной речи: а) *Как мною выяснилось...* (В. И. Аннушкин, из выступления на защите докторской диссертации А. Д. Куриловой «Российские рукописные риторики XVIII в. на латинском языке», МГУ, 13.12.24); б) из списка Н. В. Перцова: *Такой оравой все это молоко выпьется за два дня* *вм. будет выпито; Суп сварился поваром* *вм. сварен; Вопрос рассмотрелся комиссией* *вм. был рассмотрен* и др. В этой связи назвать формы типа *закроются* в значении ‘будут закрыты’ архаичными трудно.

Добавим и подчеркнем: перфективация аномальна в трехчленном пассиве, ср.: «невозможно: “Дом построился каменщиками”» [22, с. 201], т.к., по разъяснению А. М. Пешковского, «собственно-возвратное значение» мешает здесь пониманию формы *построился* «как страдательной» [24, с. 126]. В двучленном же пассиве (типа *Дом построился*) перфективация еще более аномальна, поскольку формы СВ, ввиду отсутствия агентивного дополнения, полностью совпадают с возвратными глаголами *astiva tantum*, причем не с собственно-возвратными, имплицитными самостоятельными направленными на себя действия (ср.: *Моется сам, Бреется сам*, но не **Дом построился сам* или **Меч выковался сам*, что возможно, пожалуй, только в сказочном или фантастическом сюжете), а скорее – с характеризующе-качественными, т.к. в этом случае глагол становится адвербиально интенционален, т.е. при нем, в соответствии с семантикой глагола, актуализируется позиция характеризующего обстоятельства, ср.: а) *Дом построился быстро*, как в сказке (М. Пришвин. О двух крайностях, 1912); б) *Дом построился быстро: он был красив, удобен и скромн* (И. Глебова. Дом окнами на луг и звезды, 2013); в) *Не вдруг и не сразу поймется* (В. Коротаев. Солнечная сторона, 1975); г) *Я вот думаю, все уладится и... поймется... как-нибудь...* (К. Сенина, С. Суворов. Золотой ипподром, 2019); д) *По дороге в дом гончара припомнил надпись, что они с мастером на кольце разобрать не могли, а теперь Алим* **так ясно** *прочиталось слово «совесть»* (Б. Алмазов. Ангелы над городом. Петербургские сказки, 2024) и др. Ввиду отсутствия агентивного дополнения, выполняющего роль опорного контекста, двучленный пассив с перфективом становится грамматически двусмыслен и потому узально практически не востребован, ср.: «перфектив *дом построился* и т.д. в живой речи не существует» [12, с. 57].

Активные и пассивные конструкции не являются полными эквивалентами, поскольку различны: 1. Логико-грамматически: действительный З. представляет субъект как значимый компонент, страдательный – как менее значимый (в трехчленном пассиве) или иррелевантный (в двучленном пассиве); такая смена «синтаксического ранга» [16, с. 184] актанта свидетельствует об интерпретативном характере категории З.*, т.е. ее зависимости от точки зрения на ситуацию. Вместе с тем не следует рассматривать З. как средство «актуального членения» [32, с. 83] и тем самым ставить в один ряд с такими его ресурсами, как «интонация, порядок слов, различные лексико-грамматические средства (выделительные слова, частицы)» [2, с. 170]. Если исходить из того, что предложение имеет трехуровневую структуру [5, с. 125]: а) грамматическую (которую формируют члены предложения); б) семантическую (ее формируют предикат и его актанты); в) коммуникативную (ее формируют тема и рема), то тема-рематическая структура накладывается на логико-грамматическую и семантическую, но не совпадает с ними, ср.: *Рабочими* [дополнение, субъект, тема] *строится дом* [подлежащее, объект, рема] / *Дом* [подлежащее, объект, тема] *строится рабочими* [дополнение, субъект, рема] / *Строится* [сказуемое, предикат, тема] *дом* [подлежащее, объект, рема]. Актуальное членение является средством когезии, т.е. лексико-грамматической связности речи; З. средством когезии не является. Если же полагать, что «З. выражает коммуникативную структуру высказывания» [16, с. 173], то (по меньшей мере, терминологически) логико-грамматическое членение предложения отождествляется с тема-рематическим. 2. Стилистически: пассив тяготеет к книжным стилям, в частности к специальной (деловой и научной) речи. 3. Парадигматически: так, в дополнение к указанным выше типам недостаточности отметим, что форму пассива отторгают дееспричастия и императив, ср.: **ремонтруясь*, **ремонтруйся*; А. В. Исаченко называет формы типа *Будь проклят* «морфологическим курьезом» [11, с. 369].

* Ср.: З. — «это грамматическая категория, передающая языковую семантическую интерпретацию отношения понятия действия к логическому субъекту и логическому объекту» и определяемая наличием у субъектно-объектных отношений «двух фокусов» [20, с. 193 и 50].

Рассмотрим узкое понимание З. Трансформационный анализ, произведенный нами выше, лишний раз подчеркивает: 1) «ярко выраженный синтаксический характер» З. [25, с. 192]; 2) прикрепленность категории З. к переходным (транзитивным) глаголам, а значит, ее лексико-грамматический характер [9, с. 551]: «категория страдательного З. представлена только у переходных глаголов» [9, с. 378]; соответственно, все остальные глаголы «стоят – грамматически! [и, добавим, трансформационно. – В. М.] – вне категории залога» [17, с. 470], ср.: «Безличные и непереходные глаголы стоят вне категории залога, т.к. они обозначают действие, не предполагающее субъекта или объекта либо того и другого одновременно» [26, с. 79]. Непереходные (интранзитивные) глаголы иногда относят к среднему залогу, или медию (лат. *genus medium*, греч. *μεσότης*), ср.: в пояснении М. Смотрицкого: «Средний есть, иже ни действо знаменует ни страдание, и во страдательное не прелагается: яко *стою, здравствую, теплею* и проч.» [30, с. 236]. Данное понятие, равно как и само понятие залога, восходит к Античности. Так, в «Грамматике» Дионисия Фракийского (ок. 170–90 до н. э.) читаем: «Διάθεσις εἰς τρεῖς, ἐνέργεια, πάθος, μεσότης» – *Существует три залога: актив, пассив, медий*, например: *τύπτω* ‘бью’, *τύπτομαι* ‘я побит’, *ἐγραψάμην* ‘я написал (для себя)’ [37, с. 48–49].

При широком понимании категории З. к глаголам действительного З. в современной русистике принято относить не только переходные глаголы, способные принимать форму страдательного З., но и все непереходные глаголы, трактуемые в этой связи как однозалоговые [9, с. 554], или *activa tantum*, ср.: «К глаголам действительно З. относятся <...>: 1) переходные глаголы СВ и НСВ в спрягаемой форме, вступающие в залоговое противопоставление; 2) переходные глаголы СВ и НСВ, не вступающие в залоговое противопоставление; 3) все непереходные глаголы СВ и НСВ с формально не выраженной непереходностью <...>, например, <...> *сидеть* <...>; 4) и непереходные глаголы с формально выраженной непереходностью, т.е. возвратные глаголы с постфиксом *-ся* нестрадательного значения в активных оборотах (*Дети купаются в реке*); 5) безличные глаголы <...>. Все глаголы, которые не вступают в залоговое противопоставление (группы 2–5), являются несоотносительными глаголами действительного залога [27, с. 514].

Формы З. не образуются от непереходных глаголов. Формы (или дериваты, если, вслед за А. А. Потебней, В. В. Бабайцевой, Л. Д. Чесноковой и др., считать причастие отдельной частью речи), нарушающие это правило, асистемны, а потому малочисленны, стилистически отмечены либо архаичны: разг. *Он был «уйдён» с работы*, в народной речи: *Немало нами хожено*, из списка С. П. Обнорского: *идено, уехано, спано, быто, жито, бывано, гуливано, хаживано* [20, с. 157–158]. В «Русской грамматике» А. Х. Востокова читаем: «Причастія страдательныя для глаголовъ безличныхъ производятся и отъ залоговъ средняго и взаимнаго. Например, отъ глаголовъ *падать, ползать, бѣгать*, – *падано, ползано, бѣгано*; *плакать, бѣсѣдовать, крикнуть*, – *плакано, бѣсѣдовано, крикнуто*; *ходить, ѣздить*, – *хожено, ѣзжено*; *условиться, согласиться*, – *условѣнось, соглашенось*» [4, с. 92], ср.: *Но под-его совершенно и-точно подписанось Почеркъ* (В. К. Тредиаковский. Телемахида, 1766); *Соглашенось было послать нарочныхъ* (П. Колотов. Деяния Екатерины II, 1811); *Тако жъ условленось, что Россійскіе подданные могутъ покупать въ Смирнѣ, въ Александріи и въ другихъ мѣстахъ блистательной Порты <...> шелкъ, сорочинское пшено, Левантскую кофѣ и деревянное масло* (Договоры России с Востоком, 1869). С учетом существования форм типа *соглашенось, договоренось* (которые, вслед за В. М. Живовым и Б. А. Успенским, принято относить к XVIII в.) в корректировке нуждается следующий тезис: «Сочетание в рамках одной словоформы суффиксов страдательных причастий и постфикса *-ся* в русском литературном языке невозможно» [28, с. 362].

При широком понимании З. дихотомическим противопоставлением «страд. З. / действ. З.» охватываются все глаголы русского языка, т.е. «глаголов, стоящих вне З.,

не существует» [27, с. 612]: еще А. А. Шахматов отметил, что «формами залога выражается или только отношение субъекта к объекту действия, или же невозможность сочетать данный глагол с объектом» [35, с. 476]. С этой точки зрения оказывается, что З. (точнее, только актив, в отличие от пассива) существует и вне субъектно-объектных отношений.

В свое время А. И. Смирницкий указал на необходимость «отграничения залога от категории <...> переходности / непереходности, смешение с которой категории залога преимущественно и создает ту путаницу, которую мы находим в этой области» [29, с. 230], но если признать, что З. связан исключительно с переходными глаголами, то в процессе анализа придется решать, какие из глагольных форм принадлежат к числу переходных, а какие нет, что зачастую возможно только с опорой на контекст, поэтому легче договориться, что «все без исключения глагольные формы, не обладающие пассивным значением $V \rightarrow S$, относятся к активу» [11, с. 8]. Ввиду этого факта действительный З. в широком смысле следует понимать как конвенциональную категорию.

Рассмотрим соотношение возвратности и З. Возвратные глаголы членятся по значению на два типа: «С разделением глаголов на переходные и непереходные связано выделение возвратных глаголов. Возвратными называются непереходные глаголы с формально выраженной непереходностью: это глаголы с постфиксом -ся. В одних случаях они несут в себе значение страдательности – и тогда глагол с постфиксом -ся употребляется в конструкции пассива [тип 1]; в других случаях такого значения нет – и тогда возвратный глагол употребляется в активной конструкции [тип 2]» [27, с. 614].

Возвратные глаголы *activa tantum* (тип 2) распределяются по нескольким лексико-грамматическим разрядам: 1) собственно-возвратные / прямо-возвратные глаголы обозначают действие, направленное на себя: *мыться, одеваться*; 2) взаимно-возвратные – действие ряда субъектов: *целоваться, обниматься*; 3) косвенно-возвратные – действие, совершаемое для себя: *прибираться, укладываться*; 4) активно-безобъектные – характерное свойство субъекта: *корова бодается, собака кусается*; 5) характеризующе-качественные – склонность или способность подвергаться какому-либо воздействию: *машина хорошо заводится; фарфор легко бьется*; 6) общевозвратные – состояние субъекта: *сердиться, тревожиться, удивляться*; 7) побочно-возвратные – действие как соприкосновение с объектом: *держаться за перила, браться за ручку двери* [27, с. 615–617, ср.: 3, с. 511–518]. Выделяют и иные разряды, например: «Безличные предложения, выражающие действия таинственной силы или недостоверное восприятие действительности, обычно образуются из безлично-возвратных глаголов *чудится, мерещится, грезится, снится, видится, кажется* и др.» [32, с. 113] (разряд 8).

Диагностическим признаком возвратных глаголов *activa tantum* представляется корреляция «НСВ / СВ», а значит, возможность перфективации: *мыться* → *помыться* и, соотв., имперфективации: *помыться* → *мыться*, но не парадигма «НСВ-ся / крат. страд. прич. СВ», присущая страдательному З. Рассмотрим с этой позиции некоторые теоретические решения.

1. А. Б. Летучий оценивает конструкции типа *Машина не заводится* как «модальный пассив» [14], однако возможность перфективации (→ СВ: *Машина не завелась*) и ввода оценочного наречия (→ *Машина плохо заводится*) говорит о том, что перед нами скорее конструкция с возвратным глаголом характеризующе-качественного значения (разряд 5), чем пассив.

2. Некоторые указанные Н. В. Перцовым формы пассива, в частности «возвратного перфективного», близки: 1) к разряду (5), ср.: а) *Этот фильм раскупится фанатами <...> минимум в 10 миллионов копий* → *хорошо раскупится*; б) *Хорошо ли работает ваша программа бухгалтерского учета? – Ну как вам сказать? Обычная смета расходов составитс^я ею минуты за две* → *составится быстро*; с заменой на НСВ: *составляется быстро*; в) *Орех такой твердый – никак не раскусится* [23, с. 45] → НСВ: *пло-*

хо раскусывается; г) из доклада А. А. Зализняка: *Далее прочелся эпитет к слову «Александр»* [23, с. 46] → *наконец прочелся, хорошо прочелся*; с заменой на НСВ: *хорошо читается*; 2) к разряду (8): а) *Вере припомнился похожий случай из ее детства* → НСВ: *припоминается случай*; б) *Разговор слышится ребенку* [23, с. 59] → СВ: *послышался*; 3) к разряду (6): *Художник восхищается пейзажем* [23, с. 62] → СВ: *восхитился* (залоговой была бы корреляция *восхищается – восхищен*) др. Во всех этих примерах, в которых автор видит «страдательность» («пассив»), мы видим возвратность, подтверждаемую трансформационно.

3. В РГ 1980 как пример «страдательной конструкции» приводится присказка *Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается* [27, с. 615]. О том, что перед нами скорее конструкция с возвратными глаголами разряда (5), чем пассив, говорят: а) наличие характеризующего обстоятельства (*скоро*); б) возможность перфективации, ср.: *Скоро сказка сказалась, скоро сбылось дѣло* (И. П. Сахаров. Русские народные сказки, 1841); *море взболталось, сказка сказалась* (О. Назарова. По ту сторону сказки, 5; 2019).

Категория 3. трактуется неоднозначно*, в частности: а) М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755) различал 6 3.: «действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний, общий» [15, с. 481]; б) А. А. Шахматов, РГ 1952–54 [8, с. 412–425], Н. М. Шанский и А. Н. Тихонов [34, с. 180–181] и др. – 3: действительный, страдательный, возвратный (трехзалоговая теория); в) Ф. Ф. Фортунатов, Р. О. Якобсон – 2: невозвратный и возвратный (по отсутствию / наличию постфикса *-ся*, тем самым «оставляя в стороне вопрос о залоговых значениях причастий» [11, с. 347]); г) РГ 1980, А. В. Бондарко, Е. А. Падучева, В. А. Плунгян и др. – 2: действительный и страдательный (двухзалоговая теория). Н. А. Янко-Триницкая констатирует: «Ни одно из <...> применений термина “возвратный залог” не получило всеобщего признания» [36, с. 4]. В современной филологии принято говорить об однореферентности (кореферентности) возвратных глаголов *activa tantum*, ср.: «Формы на *-ся* во всех случаях, кроме собственно-возвратного 3. (*я моюсь*), указывают на безобъективность глагола» [35, с. 476]. Признание «градуального характера» такой кореферентности (см., например: [10, с. 78–91]) ведет к широкому пониманию 3. и, соответственно, размыванию этой категории.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005.
2. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол: Пособие для студентов и учителей / Под ред. Ю. С. Маслова. Л.: Просвещение, 1967.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001.
4. Востоковъ А. Русская грамматика. 6-е изд., испр. СПб.: Изд-во тип. Имп. Рос. акад., 1844.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
6. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Синтаксис: Учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Учпедгиз, 1958.
7. Голуб И. Б. Литературное редактирование. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018.
8. Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология / Ред. коллегия: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. М.: Ин-т яз-я, 1952 (РГ 1952–54).
9. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970.

* См. обзоры: [9, с. 345–354; 31, с. 491–51; 34, с. 160–161].

10. Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
11. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I–II. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2003.
12. Карцевский С. И. К вопросу о залогах в русском языке // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия / Сост. И. И. Фужерон. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 53–59.
13. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
14. Летучий А. Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2014. № 3. С. 365–395.
15. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.
16. Мельчук И. А. Курс общей морфологии / Пер. с франц. В. А. Плунгяна / Общ. ред. Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. Т. II. М. – Вена: Языки русской культуры, 1998.
17. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М.–Вена: Языки русской культуры, 1995.
18. Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога (Определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111–124.
19. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971.
20. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
21. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004.
22. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / Под ред. Е. А. Земской и С. М. Кузьминой. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2004.
23. Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 43–71.
24. Пешковский А. М. Наш язык: Ч. 3. Заключительный курс. Книга для учителя. М.–Л.: Госиздат, 1927.
25. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003.
26. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд. М.: Просвещение, 1985.
27. Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980 (РГ 1980).
28. Сай С. С. Причастие // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол / Отв. ред. В. А. Плунгян. Ч. I. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 341–388.
29. Смирницкий А. И. Морфология английского языка / Ред. В. В. Пассек. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.
30. Смотрицкий М. Грамматика славенская правильное Синтагма. Евье: Тип. Братская, 1619.
31. Храковский В. С. Залог // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 160–161.
32. Храковский В. С. Проблемы синонимии и конверсивности пассивных и активных конструкций // Универсалии и типологические исследования. Мещаниновские чтения / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1974. С. 80–91.
33. Чернышев В. Правильность и чистота русской рѣчи. Опыт русской стилистической грамматики. 2-е изд., испр. и доп. Вып. 2. Части рѣчи. Петроградъ: Тип. М. Меркушева, 1914.
34. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. II. Словообразование. Морфология. 2-е изд. М.: Просвещение, 1987.
35. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Вступ. ст. Е. В. Клобукова; ред. и комментарии Е. С. Истриной. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
36. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.
37. Dionysii Thracis Ars grammatical / Ed. G. Uhlig. Lipsiae, 1883.
38. Moskvina V. P. Defective verbs: towards a terminological clarification // Russian Linguistics. Vol. 39. 2015. No. 2. P. 209–232.

1. Bondarko A.V. Teoriya morfologicheskikh kategorij i aspektologicheskie issledovaniya. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2005.
2. Bondarko A.V., Bulanin L.L. Russkij glagol: Posobie dlya studentov i uchitelej / Pod red. Yu.S. Maslova. L.: Prosveshchenie, 1967.
3. Vinogradov V.V. Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) / Pod. red. G.A. Zolotovoj. 4-e izd. M.: Russkij yazyk, 2001.
4. Vostokov A. Russkaya grammatika. 6-e izd., ispr. SPb.: Izd-vo tip. Imp. Ros. akad., 1844.
5. Gak V.G. Yazykovye preobrazovaniya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998.
6. Galkina-Fedoruk E.M., Gorshkova K.V., SHanskij N.M. Sovremennyy russkij yazyk. Sintaksis: Ucheb. posobie dlya ped. in-tov. M.: Uchpedgiz, 1958.
7. Golub I.B. Literaturnoe redaktirovanie. 2-e izd., ispr. i dop. M.: YUrajt, 2018.
8. Grammatika russkogo yazyka. T. I. Fonetika i morfologiya / Red. kollegiya: V.V. Vinogradov, E. S. Istrina, S.G. Barhudarov. M.: In-t yaz-ya, 1952 (RG 1952–54).
9. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Otv. red. N.Yu. Shvedova. M.: Nauka, 1970.
10. Zaliznyak Anna. A., SHmelev A.D. Vvedenie v russkuyu aspektologiyu. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000.
11. Isachenko A.V. Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii s slovackim. Morfologiya. I–II. 2-e izd. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2003.
12. Karcevskij S.I. K voprosu o zalogah v russkom yazyke // Karcevskij S.I. Iz lingvisticheskogo naslediya / Sost. I. I. Fuzheron. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 53–59.
13. Knyazev Yu.P. Grammaticheskaya semantika. Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007.
14. Letuchij A.B. Mezhdru passivom i dekauzativom: russkie modal'nye passivy // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. 2014. № 3. S. 365–395.
15. Lomonosov M.V. Rossijskaya grammatika // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 7: Trudy po filologii. 1739–1758. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 389–578.
16. Mel'chuk I.A. Kurs obshchej morfologii / Per. s franc. V.A. Plungyana / Obshch. red. N.V. Percova i E.N. Savvinov. T. II. M.–Vena: Yazyki russkoj kul'tury, 1998.
17. Mel'chuk I.A. Russkij yazyk v modeli «Smysl – Tekst». M.–Vena: Yazyki russkoj kul'tury, 1995.
18. Mel'chuk I.A., Holodovich A.A. K teorii grammaticheskogo zaloga (Opredelenie, ischislenie) // Narody Azii i Afriki. 1970. № 4. S. 111–124.
19. Muchnik I.P. Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke. M.: Nauka, 1971.
20. Obnorskij S.P. Ocherki po morfologii russkogo glagola. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953.
21. Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2004.
22. Panov M.V. Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku / Pod red. E.A. Zemskoj i S.M. Kuz'minov. T. 1. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2004.
23. Percov N.V. Vozvratnye stradatel'nye formy russkogo glagola v svyazi s problemoj sushchestvovaniya v morfologii // Voprosy yazykoznaniya. 2003. № 4. S. 43–71.
24. Peshkovskij A.M. Nash yazyk: Ch. 3. Zaklyuchitel'nyj kurs. Kniga dlya uchitelya. M.–L.: Gosizdat, 1927.
25. Plungyan V.A. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku: Ucheb. posobie. 2-e izd. M.: Editorial URSS, 2003.
26. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlya uchitelya. 3-e izd. M.: Prosveshchenie, 1985.
27. Russkaya grammatika: V 2-h t. / Gl. red. N.Yu. SHvedova. T. 1. M.: Nauka, 1980 (RG 1980).
28. Saj S.S. Prichastie // Materialy k Korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Glagol / Otv. red. V.A. Plungyan. Ch. I. SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. C. 341–388.
29. Smirnickij A.I. Morfologiya anglijskogo yazyka / Red. V.V. Passek. M.: Izd-vo lit. na inostr. yaz., 1959.
30. Smotrickij M. Grammatiki slavenskiya pravilnoe Sintagma. Ev'e: Tip. Bratskaya, 1619.

31. Hrakovskij V.S. Zalog //Yazykoznanie: Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. YArceva. 2-e izd. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 1998. С. 160–161.
32. Hrakovskij V.S. Problemy sinonimii i konversivnosti passivnyh i aktivnyh konstrukcij // Universalii i tipologicheskie issledovaniya. Meshchaninovskie chteniya /Otv. red. V.N. YArceva. M.: Nauka, 1974. S. 80–91.
33. Chernyshev V. Pravil'nost' i chistota russkoj rĕchi. Opyt russkoj stilisticheskoy grammatiki. 2-e izd., ispr. i dop. Vyp. 2. Chasti rĕchi. Petrograd: Tip. M. Merkusheva, 1914.
34. Shanskij N.M., Tihonov A.N. Sovremennyy russkij yazyk: V 3 ch. Ch. II. Slovoobrazovanie. Morfologiya. 2-e izd. M.: Prosveshchenie, 1987.
35. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka / Vstup. st. E.V. Klobukova; red. i kommentarii E.S. Istrinoy. 3-e izd. M.: Editorial URSS, 2001.
36. Yanko-Trinickaya N.A. Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962.
37. Dionysii Thrakis Ars grammatical /Ed. G. Uhlig. Lipsiae, 1883.
38. Moskvina V.P. Defective verbs: towards a terminological clarification// Russian Linguistics. Vol. 39. 2015. No. 2. P. 209–232.

***Voice and reflexiveness: the complicated cases of formation
and differentiation of forms***

The interpretations of voice categories are analyzed. The complicated cases of development of voice forms and the differentiation of forms of reflexive verbs of passive and active voices are considered.

There are revealed the basic reasons for defectiveness of voice paradigms.

Key words: *Russian language, morphology, voice, reflexive verb, defective paradigm.*

(Статья поступила в редакцию 26.12.2024).

И.И. НАУМЦЕВ

Волгоград

ОСОБЕННОСТИ НЕБЕСНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ
Е. БЛАЖЕЕВСКОГО

Рассматриваются образы небесного пространства в поэзии Е. Блажеевского, значимого поэта второй половины XX в. Выделяются три типа небесного хронотопа: локальное небо, небо страны и космическое небо. Анализируются эпитеты, используемые для описания каждого из этих уровней. Делаются выводы о преемственности традиций русской поэзии и индивидуальных особенностях художественного мира Е. Блажеевского.

Ключевые слова: Евгений Блажеевский, небесное пространство, хронотоп, поэтический мир, лирика.

Творчество Е. Блажеевского, значимого поэта второй половины XX в., только предстоит открыть широкой массе читателей и исследователей литературы. Существенное место среди образов природы, к которым обращается Е. Блажеевский, занимают образы небесного пространства. Их анализ позволяет последовательно проследить преемственность поэтических традиций, а также выявить индивидуальные художественные особенности его творчества.

Проблема пространственной структуры природы в художественном произведении интересовала таких ученых, как М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман и др. Небесное пространство как одна из составляющих природного пространства также неоднократно привлекало внимание исследователей литературы в различных контекстах. А. Белый в статье «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы», сравнивая образы неба в поэтических произведениях трех поэтов, делает вывод: «Изучение трех “природ” трех поэтов по трем зрительным образам способно ввести нас в глубочайшие ходы и их душ и в тончайшие нервы творчеств» [1, с. 485]. Внимательное изучение образов «поэтического» неба позволяет А. Белому выявить особенности воплощения природного начала в творчестве каждого из указанных писателей, индивидуальность поэтического «самосознания поэтов». А. Белый пишет: «Как поэты видят природу? Краски зрения их – изобразительность слова: эпитет, метафора и т.д. Необходимо их знать; необходима статистика; необходим словарь слов: Баратынского, Пушкина, Тютчева» [1, с. 480].

П.Н. Сакулин, исследуя антитезу *небо – земля* в творчестве М.Ю. Лермонтова, стремится «уловить твердую сердцевину лирической поэзии с ее капризным перебоем чувств и настроений» [5, с. 2]. В.Н. Топоров рассматривает концепт «Небо» в контексте мифопоэтического сознания человека и социума [7]. Все это подтверждает необходимость последовательного и разностороннего изучения художественной семантики пространства неба в поэзии Е. Блажеевского.

Для исследования образов небесного пространства в творчестве Е. Блажеевского мы отобрали наиболее частотные эпитеты, характеризующие небо в его поэзии. На ос-

нове анализа рассмотренного материала в текстах лирических произведений Е. Блажеевского установлено три типа небесного пространства: локальное небо (1), небо страны (2), космическое небо (2). На каждом уровне поэт использует характерные эпитеты, поразному осмысляя небесный хронотоп.

1. *Локальное небо* – конкретный локус, осмысляемый поэтом в рамках ограниченного пространства. В этом случае небо как бы привязано к лирическому герою, его взгляду и к конкретной местности. Небесное пространство, наиболее приближенное к реальным обстоятельствам и явно ощущаемое лирическим героем, выступает в двух вариациях: городское и загородное. Небесному пространству вне города, как правило, соответствуют эпитеты *пустое, безоблачное, холодное*. Ограниченность этого локуса обозначается названиями конкретной местности, городов, вблизи которых происходит действие стихотворения (Ростов, Торжок, Загорск, Кагарла, Калуга и т.д.) [2, с. 24, 137, 240, 372]. Тем не менее такое небо окружает лирического героя, демонстрируя непреодолимость пространства: *И если поглядеть, то с четырех сторон / Свинчаткою небес окружены просторы...* [2, с. 98]; *И повернулся, / И побрел по полю, / Которому, казалось, / Нет конца. / Будь проклято безоблачное небо!* [2, с. 137]; *Нет, пожалуй, печальней небес, / Чем над нашей осенней равниной* [2, с. 153]; *Пустые небеса. / Туманом, словно войлоком, / Укутаны поля и облетевший лес...* [2, с. 224]; *Детеныш, не стремящийся к подобию, / Обороти прощальный взгляд на лес, – / За этот выбор платят только дробью / Да одичалой пустотой небес...* [2, с. 372]. Любая попытка выйти за границу видимого небесного пространства изначально обречена на провал. Как правило, в этом случае автор использует дихотомию *небо – земля*, обращаясь к образам равнины, поля или пустыря («Шмелев», «Калужские стихи», «Урал», «Любитель ножа и кинжала» и др.), которые в его творчестве, помимо традиционной характеристики ‘широта’, ‘необъятность’, приобретают негативные коннотации ‘непреодолимость’, ‘пустыньность’, ‘одиночество’ [4, с. 95]. Небесное пространство над городом, напротив, ‘густое’ и ‘наполненное», даже в холодную погоду через психологический параллелизм уточняет положительные эмоции лирического героя: *Крестится дождь, уныл и бесконечен, / Толпится небо в прорези гардин, / Но все-таки приятны этот вечер...* [2, с. 224]. Кроме того, часто «наполненное» небо изображается Е. Блажеевским в моменты, когда умиротворенное состояние лирического героя располагает к созерцанию, поэтому такие стихотворения отличаются высокой частотностью не только визуальных, но и таких тактильных, ольфакторных и аудиальных образов, как в стихотворении «Первая любовь»:

И пространство синело, и небо густело, и ночью / На бульваре шумели чинары, стоящие в ряд, / И рука твою легкую руку искала на ощупь, / И стучали сердца, / и, казалось, что пальцы горят! [2, с. 283]. Или в стихотворении «Майская ночь»: *Ночные облака / Аляповатой формы, / Как войско ангелов... / Я провалился в сон...<...> И кто-то небеса / Рванул незримой ниткой, / И голубая пыль / Зависла у виска, / И понеслись во тьму / Небесные войска, / Но пахло в городе / Сиренью и калиткой...* [2, с. 335].

Чтобы усилить связь между пространством неба и пространством земли в стихотворениях могут появляться образы-медиаторы: высокие здания, деревья, птицы. В таких случаях традиционно антонимичные *небо* и *земля* становятся единым пространством, разнородные части которого уподобляются друг другу. Это отчетливо заметно в стихотворениях «Калужские стихи», «Шмелев», «Урал» и др., где, как было показано выше, пустота и непреодолимость равнины, степи и поля усиливаются подобием небес (курсив наш. – И. Н.): *Воронье над развалом помойки... / И такая вокруг пустота, / Словно ты на заброшенной стройке, / Что уперлась в небесную твердь...* [2, с. 98]; *И побрел по полю, / Которому, казалось, / Нет конца. / Будь проклято безоблачное небо! / И рыжая резвящаяся лошадь, / И птица, / Пролетающая косо* [2, с. 137]; *Вороны прославляют Каргалу, / Вороны каркают, последний слог глотая. / Исщипан воздух весь, похожий на золу, / Бежит волчицей степь, петляя и плутая. <...> И если поглядеть, то с четырех*

сторон / Свинчаткою небес окружены просторы... [2, с. 372]. В последнем примере эффект слияния разнородных элементов пространства в единое целое усиливается за счет сравнения неба со свинчаткой (степным цветком) по цветовому признаку. Однако лексема *свинчатка*, имеющая несколько значений ('рыболовецкая сеть', 'свинцовый кастет, популярный в дворовых драках'), актуализирует в сознании читателя ассоциативный ряд, в рамках которого небо как бы накрывает пространство над полем, ограничивая мнимую свободу лирического героя.

2. *Небо над страной* – второй тип небесного пространства в творчестве Е. Блажеевского. В работе «Модель мира (мифопоэтическая)» В.Н. Топоров, рассуждая о важности небесных образов, пишет: «...все причастно космосу, связано с ним, выводимо из него и проверяется и подтверждается через соотнесение с космосом» [7, с. 162]. Небо в этой связи и в контексте творчества Е. Блажеевского интересно потому, что автор проводит четкую границу между «русским» небом и «заграничным» небом. В той же работе В.Н. Топоров отмечает: «В недрах мифопоэтического сознания вырабатывается система бинарных (двоичных) различительных признаков. Это противопоставления, связанные с характеристикой структуры пространства (верх-низ, небо-земля...), обнаруживающие отчетливо социальный характер: свой-чужой, близкий-далекий, внутренний-внешний...» [Там же]. Именно так пространство неба России противопоставляется земле вне страны в творчестве Е. Блажеевского. Изучив наиболее частотные эпитеты в данном контексте, мы установили, что небесному пространству над Россией соответствуют прилагательные *родное, светлое*, а земле вне страны – *чужая, грязная*: *Башкой пробившие дыру / и зло, / и слепо / Бодают лбами на юру / родное / небо...* [2, с. 35]; *Поколение это другого не знало исхода: / Голос – в русское небо, а тело – в заморский песок* [2, с. 71]; *Где этот мальчик, в солнечном окне... <...> И римскую пятерка перелета, / Скользящую по небесам на юг?.. <...> Где эти люди, родина и мать?..* [2, с. 384]. Заметим, что Е. Блажеевский, родившийся и выросший в Азербайджанской ССР, говоря о «своей» стране, подразумевает не родную республику, не даже СССР, а именно Россию в поэтическом надвременном понимании: «русское небо», «московское небо» [2, с. 35, 380]. В стихотворении «Когда-нибудь настанет крайний срок...» поэт поэтапно низводит всю свою жизнь в небытие, выстраивая градацию, в которой выше России находится только желание жить: *...Уйдет во тьму покатошь женских плеч, / Тех самых, согревавших не однажды, / Уйдут Россия и прямая речь, / И вечная неутоленность жажды* [2, с. 424].

Наконец, к уже перечисленному списку бинарных оппозиций в контексте *небо России – земля за границей (родной – чужой, близкий – далекий, чистый – грязный)*, следует добавить главную: *жизнь – смерть*. Эта антиномия актуализируется в большинстве стихотворений (в т.ч. и в примерах, приведенных выше), где представлен обозначенный нами тип небесного пространства. Для подтверждения этого тезиса приведем еще один яркий пример: *Родившись между небом и землей, / Жить в облаках, не зная про порядки, / И, скажем, в Ниццу прилетать зимой, / Как проститутки и аристократки. / Парить над парапетами моста / И, уходя воронкой уже, / Растаять без дубового креста / В осенней дымке, в придорожной луже...* [2, с. 372].

Оппозиция *небо–земля*, представленная в данном отрывке, осложняется дополнительными семантическими компонентами: *жизнь в родном небе противопоставлена смерти в земле Ниццы*. Это усиливает образ дубового креста, отсутствие которого в контексте стихотворения становится символической поэтической репрезентацией концептов «Безвестная смерть», «Забытость».

3. *Небо как космос* – третий тип небесного пространства в творчестве Е. Блажеевского. Поэт обычно обращается к нему, когда описывает ночь, поэтому использует эпитеты *темное, звездное, страшное*. Говоря об общей любви поэтов к ночному небу, Г.Ф. Ковалев пишет, что оно всегда «...манило, оно таило в себе загадку вечности: на

Земле все меняется с течением времени, и только небо остается всегда неизменным» [3, с. 109]. Е. Блажеевский с особым интересом описывает ночное небо. Придавая большое значение этому времени суток, он, как свидетельствует его дочь, мог подолгу сидеть у окна, всматриваясь в небо (сообщено в личной беседе дочерью поэта Марией Евгеньевной Блажеевской – И. Н.). Больше всего взгляд поэта привлекали глубокая тьма и звезды. Однако, в отличие от большинства своих коллег по перу, Е. Блажеевский не склонен романтизировать их. Как правило, именно ночью его лирический герой сильнее всего озабочен экзистенциальными вопросами, которые в состоянии сознания, где пространство реальное граничит с пространством онейрическим, могут приводить к неожиданной рецепции ночного неба, как в стихотворении «Зимняя ночь» (1972): *На небе звезды – не прострелы пуль. / На небе звезды – не кристаллы соли. / На небе звезды – не серебряные блохи. / На небе звезды – это лишь толпа, / Которая глядит, как мы летим / Вниз головами на тяжелом шаре. / Я это ощутил однажды ночью. / Я осознал, / Что я могу упасть / На этих обывателей, / Во мрак, / Сверкающий зрачками и зубами. / Я испугался неба, / Как ребенок / Боится глубины подвала, / Ибо / Подвал и есть напоминание о ночи / Или, точней, / О страхе человека, / Которому внезапно показалось, / Что на его ступнях уже утрачен / Столярный клей земного притяженья. / А ночь была январская, / Глухая, / Повизгивали каблуки / И я / Боялся улететь* [2, с. 262].

Ночное небо напоминает лирическому герою о бездонной пустоте, в которой человек находится постоянно. Ее непостижимость и необъятность низводит к нулю привычную уверенность в силе земного притяжения и значимости человека как такового. Вместо восхищения космосом, Е. Блажеевский пишет о страхе, обесценивающем любые сходства звезд с чем-то, что человек способен понять и контролировать, – отсюда отрицательные сравнения. При этом его определение не только лишает звезды привычного поэтического налета, но и одушевляет их, добавляя к первобытному страху темноты и неизвестности констатацию того, что из этого мрака за нами кто-то, «сверкающий зрачками и зубами», наблюдает [Там же]. Пространство космического неба, как и другие типы небесного пространства в поэзии Е. Блажеевского, находится в оппозиции земле, однако на этот раз уместно говорить о земле в планетарном масштабе. Притяжение неба становится сильнее в ночное время, но до определенного момента, о чем будет сказано ниже, не может побороть гравитацию Земли, что актуализирует бинарную оппозицию *душа – тело* в новом контексте. Говоря о космическом уровне небесного пространства, нельзя не заметить, что именно в эти моменты автор чаще всего обращается к теме жизни после смерти. Т.А. Таянова, изучая феномен небесной рецепции религиозных авторов, пишет: «Религиозно настроенный писатель, намечая подступы к осмыслению «мистического» в искусстве, задумываясь над формами и способами выражения сакрального содержания, переживания, откровения, опыта, так или иначе, обращается к осмыслению концепта «Небо» с целью его художественной и надхудожественной реализации» [5, с. 1]. Е. Блажеевский не стал исключением. Так, в его творчестве можно выделить устойчивое сравнение души с облаком: *Пустые небеса. / И в дождь волокся волоком, / Уже сошел на нет / И в сумерках исчез. <...> хорошо, / Что облаком владею. / Мирская власть – обман* [2, с. 154]; *Ночные облака / Аляповатой формы, / Как войско ангелов...* [2, с. 335]; *Родившись между небом и землей, / Жить в облаках, не зная про порядки...* [2, с. 372]. Во всех подобных случаях небесное пространство интересует поэта именно ночью, поэтому наиболее частотны такие эпитеты: *ночное, легкое, бледное* [2, с. 154, 271, 289, 335, 364]. Интересно, что душа, покинувшая тело, не способна сразу обрести покой и некоторое время находится между небом и землей: *И остался твой дух – скорбный вихрь иудейской пустыни, / Что летает по свету в худых небесах октября* [2, с. 35]; *На дальних перекрестках неба / Души не умиротворить...* [2, с. 142]; *И души одинокий исход / Обрывает и мысли, и песни / И в тебе поселяется он – / Твой последний посредник в юдоли... <...> Он... влечущий в московский подъезд...* [2, с. 179];

Душа – сиротка, беженка, простушка – / Потерянная на большом вокзале, / Не знает, где приткнуться... Лишь 41-й день смиряет душу... и т.д. [2, с. 183]. Спустя время душа, по мысли поэта, входит «в холодные потемки мироздания» и как бы возвышается в космическое небо. Так появляются новые контекстуальные синонимы *душа – звезда*. В этом случае наиболее частотны такие эпитеты звезды: *чудесная, вечная, загадочная* [2, с. 53, 65, 92, 265, 419]. При этом Е. Блажеевский, за редким исключением, не использует конкретные астронимы, говоря об условных звездах. Важным элементом в ночном пространстве космического неба является луна. Она в лирике поэта тоже напрямую взаимодействует с душой, покинувшей тело. Но, если звезды становятся конечным воплощением души, то луна (*кладбищенская, высокая, слепая*) представляет некий перевалочный пункт (при этом до живых ей нет дела), а ее свет (*нестерпимый, серебристый, слепящий*) ассоциируется со смертью: *Но мне все чудится, что ты / Под нестерпимо-лунным светом / Стоишь в провале немоты... <...> Кладбищенский зрачок луны...* [2, с. 178]; *Говорят, что души умерших лежат на луне* [2, с. 192]; *Под ослепительной луной* [2, с. 206]; *Не надо надеяться втайне / На лунный серебряный след* [2, с. 230]; *Высокая луна, / Слепя, плывет по кругу* [2, с. 304]; *При медленной луне...* [2, с. 415] и т.д.

А. Белый писал: «Пушкинская «луна» – в облаках (статистика нам ее рисует такою); то она «невидимка», а – то «отуманена»: «бледное пятно» ее «струистого круга» тревожит нас своими «мутными играми» (все слова Пушкина!), ее движения – коварны, летучи, стремительны» [1, с. 482].

У Е. Блажеевского, напротив, появление луны возможно только в безоблачном ясном небе. Она «медленная», ей нет ни до чего дела, поэтому на восхищенные взгляды живых она смотрит равнодушно или не видит их вовсе. При этом у Е. Блажеевского отсутствует образ месяца, что тоже является характерной чертой его поэзии. Отметим, что Е. Блажеевский так же редко обращается к образу солнца. При нечастых появлениях оно обозначает время года и состояние погоды: *С весенним солнцем перемешан* [2, с. 119]; *Сверкает на июльском солнцепеке* [2, с. 13]; *...разглядел, как покрыла слюда / Осеннего солнца резные подробности клена...* [2, с. 398].

Таким образом, для каждого типа небесного пространства, выделенного нами, установлены определенные способы его поэтического наполнения, а также индивидуальные эпитеты. Так, локальное небо описывается как *пустое, безоблачное, холодное* – за городом и *густое, наполненное* – в городе. При этом частотными на этом уровне небесного пространства являются орнитологические образы, выступающие в качестве медиаторов, объединяющих небо и землю в единый хронотоп с общими характеристиками. Небо России актуализируется в противопоставлении земле за границей через бинарные оппозиции *родной – чужой, близкий – далекий, чистый – грязный, жизнь – смерть*. Наконец, на уровне космического неба поэт наиболее часто обращается к теме жизни после смерти. Синонимом души, покинувшей тело, становится сначала облако (*ночное, легкое, бледное*), а после того, как душа входит «в холодные потемки мироздания», – звезда (*чудесная, вечная, загадочная*). Луна (*кладбищенская, высокая, слепая*) становится перевалочным пунктом души (при этом до живых ей нет дела), а ее свет (*нестерпимый, серебристый, слепящий*) ассоциируется со смертью. Наконец, характерной чертой поэзии Е. Блажеевского становится отсутствие образа месяца и редкое обращение к образу солнца. Последнее, как правило, обозначает время года и состояние погоды.

Список литературы

1. Белый А. Из книги «Поэзия слова»: Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 480–485.
2. Блажеевский Е.И. Письмо: по праву памяти / Под ред. Е.Л. Бершина. М.: Арт-Хаус Медиа, 2015.

3. Ковалев Г.Ф. Небеса поэтов. Астрономы в русской литературе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 109–132.
4. Наумцев И.И. Образная дихотомия «Поле» и «Ветер» в поэзии Е. Блажеевского // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3 (03). С. 94–98.
5. Сакулин П.Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Издание Т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 1–55.
6. Таянова Т.А. Концепт «Небо» в творчестве религиозных писателей (к антологии русских художественных концептов) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-nebo-v-tvorchestve-religioznyh-pisateley-k-antologii-russkih-hudozhestvennyh-kontseptov> (дата обращения: 05.02.2025).
7. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 161–166.
8. Федюкина Е. И звезда с звездой говорит... // Elpis. 2014. Т. 16. С. 221–225.
9. Шаталова О.В. Смысловая структура символа небо в поэзии Серебряного века // Актуальные проблемы культуры речи: сб. науч. ст. по мат-лам Всероссийской научн.-практ. конф., Москва, 26 апреля 2019 года / Отв. ред. И.С. Папуша. М.: Московский государственный областной университет, 2019. С. 11–18.

* * *

1. Bely'j A. Iz knigi «Poe'ziya slova»: Pushkin, Tyutchev i Baraty'nskiy v zritel'nom vospriyatii prirody // Semiotika: Antologiya / Sost. Yu.S. Stepanov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. S. 480–485.
2. Blazheevskij E.I. Pis'mo: po pravu pamyati / Pod red. E.L. Bershina. M.: Art-Xaus Media, 2015.
3. Kovalev G.F. Nebesa poe'tov. Astronimy' v russkoj literature // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e nauki. 2003. № 1. S. 109–132.
4. Naumcev I.I. Obraznaya dixotomiya «Pole» i «Veter» v poe'zii E. Blazheevskogo // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 3 (03). S. 94–97.
5. Sakulin P.N. Zemlya i nebo v poe'zii Lermontova // Venok M.Yu. Lermontovu: Yubilejny'j sbornik. M.; Pg.: Izdanie T-va «V.V. Dumnov, nasledniki br. Salaevy'x», 1914. S. 1–55.
6. Tayanova T.A. Koncept «Nebo» v tvorchestve religiozny'x pisatelej (k antologii russkix xudozhestvenny'x konceptov) // Problemy' istorii, filologii, kul'tury'. 2011. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-nebo-v-tvorchestve-religioznyh-pisateley-k-antologii-russkih-hudozhestvennyh-kontseptov> (data obrasheniya: 05.02.2025).
7. Toporov V.N. Model' mira (mifopoe'ticheskaya) // Mify' narodov mira: E'nciklopediya. M.: Sov. e'nciklopediya, 1980. T. 2. S. 161–166.
8. Fedukina E. I zvezda s zvezdoyu govorit... // Elpis. 2014. T. 16. S. 221–225.
9. Shatalova O.V. Smy'slovaya struktura simvola nebo v poe'zii Serebryanogo veka // Aktual'ny'e problemy' kul'tury' rechi: sbornik nauchny'x statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 26 aprelya 2019 goda / Otв. red. I.S. Papusha. M.: Moskovskij gosudarstvenny'j oblastnoj universitet, 2019. S. 11–18.

The specific features of the space of Heaven in the poetry by E. Blazheevsky

The images of the space of Heaven in the poetry of the significant poet of the second half of the XXth century – E. Blazheevsky are considered. There are revealed three types of the Heaven chronotopes: local sky, country sky and cosmic sky. The epithets used for the description of these levels are analyzed. It is concluded about the succession of the traditions of Russian poetry and the individual characteristics of the fictional world of E. Blazheevsky.

Key words: *Evgeniy Blazheevsky, space of Heaven, chronotope, poetic world, lyric poetry.*

(Статья поступила в редакцию 01.03.2025).

Д.С. ПОГА

Волгоград

СМЫСЛОВАЯ РОЛЬ ЭПИЗОДИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ В. ТОКАРЕВОЙ «ВСЕ НОРМАЛЬНО, ВСЕ ХОРОШО...»

Рассматриваются особенности образной системы повести В. Токаревой «Все нормально, все хорошо...» (1995), где на первый план выходят не главные, а эпизодические персонажи, воплощающие, по мысли автора, нормы человеческого общежития и непреходящие нравственные ценности, в которых особенно нуждается современное общество, переживающее смену эпох.

Ключевые слова: авторская позиция, образная система, эпизодические персонажи, «женская» проза, научное творчество.

Современная российская писательница В. Токарева особое внимание уделяет созданию образа «человека, несущего на себе интеллектуальные и нравственные приметы своего времени» [16, с. 109]. Представительница «женской» прозы чутко реагирует на трансформацию морального климата в обществе, пережившем в 1990 гг. потрясение из-за распада государства, повлекшего за собой разрушение сложившихся на протяжении советской истории системы идеологических ориентиров. Социологи фиксируют сдвиги в сознании россиян, после 1994 г. сменивших отношение к таким суждениям, как «комфорт для себя, своей семьи» и «быть яркой индивидуальностью». Из категории отрицаемых эти суждения перешли в категорию одобряемых, и, наоборот, суждение «жить как все» из одобряемого стало отрицаемым, по сравнению с результатами опроса 1990 г. [14, с. 10]. Безусловно, писательница не остается безучастной к происходящему, давая ему приправленную горечью оценку: «Перестройка испортила нацию. Русские стали практичными, как американцы. А где же широкая бескорыстная русская душа?» [21, с. 14].

Примечательно, что в этот период В. Токарева создает повесть «Все нормально, все хорошо...» (1995), будто стремясь «успокаивающим» названием снизить градус общественного напряжения. Однако на самом деле произведение пронизано свойственной этому автору «тоской по идеалу», связанному не с советским прошлым, а с образом дореволюционной «России, которую мы потеряли». Несмотря на жизнеутверждающий тон заглавия, которое, как и любое заглавие художественного произведения, «не столько ориентирует читателя на постижение авторской концепции, сколько приглашает его к творческому воссозданию смысла произведения» [13, с. 91], в голосе писательницы уже с первых строк слышится сожаление, связанное с констатацией духовного «измельчания» современников.

По мере развития сюжета произведения оно усиливается, несмотря на то, что в центре повести – образ сорокалетнего преуспевающего мужчины, довольно редкого «гостя» в русской «женской» прозе последних десятилетий. Это Алексей Бочаров, журналист-международник АПН, внешне вполне соответствующий «нормам» благополучного человека конца минувшего столетия. Его материальная обеспеченность,граничные командировки, семья, не требующая ежедневных обременительных забот, и любимая женщина, терпеливо внимающая его «мыслям вслух» (как сказал бы В.С. Макашин, «он хороший (о себе) рассказчик»), – та «норма», которая постепенно и необрати-

мо приживается в обществе массового потребления, отодвигая на второй план моральные регуляторы жизни.

Именно утрата духовно-нравственных идеалов в обществе настораживает писательницу и читателей повести, обнаруживающих пренебрежительное отношение Бочарова к отцу, ветерану Великой Отечественной войны. Он не добился ни высоких чинов, ни званий, так что в старости ему остается только «загорать летом на балкончике» [20, с. 334], что с чувством превосходства и отмечает успешно выстраивающий карьеру сын.

В. Токарева не отрицает необходимости материального благополучия и бытового комфорта, но ее беспокоит забвение идеалов общественного служения, любви и сострадания «ближнему».

В этой повести писательница словно продолжает начатый режиссером Станиславом Говорухиным (Токарева называет его своим «любимым режиссером» [22, с. 178]) разговор о «России, которую мы потеряли». Так называется документальный фильм (1992) и публицистическое эссе (1991) С. Говорухина, где он прямо высказывает свои опасения за судьбу нашего постсоветского государства, пишет, что возрождения никогда не обрести «людям без роду, без племени, без корней и без родителей, без истории и исторического опыта» [5, с. 3].

Вынося в заглавие, часто подразумевающее «не разгаданный читателем намек» [9, с. 205], любимую Бочаровым фразу «все нормально, все хорошо», которую он, стремясь к самооправданию, твердит в сложных жизненных ситуациях, писательница не включает ее в кавычки. Очевидно, она не стремится «цитировать» своего персонажа, а предлагает читателям вдуматься в смысл этой привычной фразы: «Все нормально, все хорошо...». Ученые полагают, что каждый «субъект рассматривает и интерпретирует поступки человека по признакам «хорошего» и «плохого», сравнивая их в процессе формирования аксиологического суждения. В этом случае учитывается сходство каких-либо поступков, совершаемых человеком, с образцами нравственного поведения, устанавливается их соответствие или несоответствие нормативной деятельности, делается вывод о позитивно или отрицательно оцениваемом поступке» [10, с. 51]. Однако событийные ряды данной повести позволяют сделать вывод, что у Бочарова нет «нормы-прототипа»: «нормально» все то, что «хорошо» для него, – материальное благополучие, отсутствие обязательств перед теми, кому обязан жизнью, и теми, кто рядом.

В. Токарева, следуя традициям реалистического письма, запечатлевает появившийся после развала СССР духовный вакуум, который, как пишут историки, «предлагалось заполнить из двух источников: так называемого “возвращения к истокам”, к ценностям России, “которую мы потеряли”, либо восполнить отсутствие национальной идеи неким аморфным и неопределенным “опытом цивилизованных стран”» [3, с. 39], строящимся на усредненных стандартах потребительской философии Запада. В повести «Все нормально, все хорошо...» образом Бочарова В. Токарева показывает, к чему приводит пленяющая персонажа «американская мечта»: человек, внешне вполне состоявшийся, отталкивает окружающих эгоистической сосредоточенностью. Это проявляется не только в презрительном равнодушии к «неудачнику» отцу, но и в стремлении сохранить «теплое место под солнцем» даже ценой страданий самых близких людей. Правда, Бочарову временами приходится переживать за «другого», вернее – за «другую»: его жена Нина, загнанная в «золотую клетку» материального благополучия, приучается к алкоголю. При этом Бочарова страшит не судьба супруги, а утрата привычного комфорта. Он не собирается лечить спутницу жизни: ее «приходится прятать», а то сверху «узнают – в двадцать четыре часа выселят» [20, с. 351], придется покинуть сказочную Индию, где обосновались Бочаровы.

Индия, традиционно воспринимаемая в России как «воплощение мечты» [6, с. 248], для главы семейства становится лишь способом материального обогащения: в Индии

конца 1980-начала 1990 гг. он работает заведующим бюро Агентства печати «Новости» «с зарплатой триста шестьдесят рублей в месяц», что позволяет облегчить и украсить свой быт «японской техникой и антикварной мебелью» [20, с. 334]. Ничего значительного в сфере международной политики, укрепления политических и культурных связей между Россией и Индией он не замечает, сожалея лишь о том, что «просидел семь с половиной лет в Мадрасе» [Там же, с. 339], «просидел», мечтая об одном: стать «заведующим пресс-центром» и найти новую жену, которая «бы доллары копила» [Там же, с. 356].

А между тем сам Бочаров оказывается за границей именно в тот отрезок времени, когда Россия и Индия значительно сблизилась, чему способствовал официальный дружественный визит М.С. Горбачева, Генерального секретаря ЦК КПСС, посетившего Индию в 1986 г. Помимо подписания документов относительно экономического сотрудничества стран, был совершен большой шаг и в области культурного обмена, результатом чего стало проведение продлившегося более двух лет фестиваля советско-индийской дружбы. К сожалению, Индия переживала и потрясения: всего лишь через семь лет после убийства премьер-министра Индиры Ганди, в 1991 г., в результате террористического акта погибает ее сын, Раджив Ганди, продолжавший дело матери. Эти события всколыхнули весь мир, но, видимо, не взволновали Бочарова, не интересующегося ни древней культурой, ни историей, ни политической обстановкой в стране, где он живет и работает. Все, что занимает журналиста, – это «зарплата министра, челночная жизнь и возможность побыть ТАМ, почувствовать себя белым господином» [Там же, с. 341].

Судя по всему, В. Токарева, заметно «снижая» образ мысленно «встраивающегося» в «тот» мир «господина» Бочарова, устраняется от позиции судьи, не стремится морализаторски «припечатать» его к стенке, словно перенимая у своего творческого учителя А.П. Чехова прием «нейтрализации категоричности» [15, с. 473]. «Неуловимую» авторскую позицию в анализируемой повести позволяет выявить система персонажей, под которой теоретики литературы понимают «множество художественных образов, находящихся в определенных отношениях и связях друг с другом и образующих целостное единство художественного произведения» [19, с. 219]. В рассматриваемом произведении точка зрения автора явно близка не центральным персонажам, а эпизодическим действующим лицам. Речь идет о супружеской паре Поповых: это их сюжетная линия приводит к тому, что Бочаров приобретает свойства «антигероя», т.е. персонажа, «подчеркнуто лишенного героических черт, но занимающего центральное место в произведении» [17, с. 35].

Поповы, в отличие от вымышленного Бочарова, – реальные исторические лица, снискавшие заслуженное уважение своих современников в XIX столетии, навсегда запечатленные в многовековой истории России. Бочаров узнает о них случайно, навестив свою университетскую преподавательницу Розалию Галесник, в образе которой угадывается Розалия Осиповна Шор, первая женщина в отечественной лингвистике, доктор наук, специализировавшаяся на санскритологии и изучении древнеиндийских языков и культур, чья «деятельность является значительным и неотъемлемым звеном в цепи развития филологической науки в нашей стране» [12, с. 148]. Профессор, запомнивший Бочарова подающим надежды студентом, решает передать ему свои материалы об истории и культуре Индии: «четыре папки по пятьсот страниц в каждой» [20, с. 339], которые могут составить основу «документальной прозы» или «советско-индийского кино» [Там же, с. 343]. Связанная с Индией «история генерала Попова во второй папке у Розалии Ефимовны» [Там же, с. 338], «сделавшей советско-индийскую дружбу действительно дружбой, а не мероприятием» [Там же, с. 337].

Бочаров, равнодушно принимающий такое «наследство», не задумывается над тем, почему профессор Галесник долгие годы увлеченно собирала материалы о рус-

ском генерал-лейтенанте Якове Кузьмиче Попове, который руководил Ижевским сталелитейным заводом, прослыл либералом, «введя для рабочих девятичасовой рабочий день, возглавив Общество трезвости, добившись отчислений на народное просвещение» [18, с. 19]. Под стать благородному генералу его супруга, тоже оказавшаяся способной духовные ценности предпочесть материальной выгоде, собственному благополучию и самой жизни.

В. Токарева, создавая красивую легенду о светлой чете Поповых на страницах своей повести, конечно, сама внимательно познакомилась с документальными материалами и историческими свидетельствами, собранными во второй папке профессора Галесник. Она описывает знакомство генерала с будущей супругой: «встречает в Петербурге благородную девицу, она только что окончила Бестужевские курсы, – красавица, умница, увлечена химией». Это Вера Евстафьевна Богдановская. Окончив в России Высшие женские (Бестужевские) курсы, в дальнейшем она глубоко изучала химию в Женевском университете, где в 1892 г. получила степень доктора химии, затем читала лекции по стереохимии на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге» [8, с. 147–148]. При этом Верина жизнь не ограничивалась пребыванием в учебных аудиториях: она была искусственной театралкой и вдумчивым читателем, высоко ценила живопись. По словам В.В. Вересаева, «завидно было слушать, сколько у нее было знания, остроумия и находчивости. <...> Вера Евстафьевна была человек выдающийся» [2, с. 221].

Стоит обратить внимание на то, что В. Токарева пишет экономно, как правило, не давая развернутых характеристик и описаний, что является следствием ее работы сценаристом: как сценарист она известна по фильмам «Джентльмены удачи» (1971), «Мимино» (1977) и др. В одном из интервью писательница с сожалением упоминала о том, что сценарий задает «конкретную форму. Сценарий – это текст от 60 страниц примерно. После того, как начала писать сценарии, у меня стали появляться и повести, тоже около 60 страниц» [1]. Но и те немногие штрихи, что «экономный» автор повести «Все нормально, все хорошо...» использует для создания образов эпизодических персонажей, ярки и значимы, поскольку восстанавливают в читательском сознании большой пласт отечественной культуры.

Само упоминание о Вере Богдановской вызывает в памяти имя талантливого художника Николая Александровича Ярошенко, одного из руководителей Товарищества передвижных выставок, с семьей которого была дружна Вера. Картины художника, например, его «Курсистка» (1883), словно «срисованная» с Богдановской, вызывали самый живой отклик у современников, особенно у молодежи. Чета Ярошенко жила открыто; на их знаменитые «субботы» собирался весь «цвет» петербургского общества, там произошло знакомство Веры с будущим супругом, генералом Поповым, подарившим своей молодой жене специально оборудованную лабораторию для химических опытов. К сожалению, счастливая любовь Поповых была прервана трагической гибелью «генеральши Веры» в результате неудачного научного эксперимента. В память о жене Я.К. Попов издает написанный ею учебник химии (весь доход от этого издания поступает на Бестужевские курсы) и учреждает специальный капитал в помощь нуждающимся бестужевкам.

Генерал Попов знал, какой значительный вклад Вера Богдановская внесла в историю женского образования в России. Ведь «она была не только “ученою женщиною”, но женщиною-ученым в самом точном значении этого слова. С той минуты, как она ясно поняла свое призвание, и до последней минуты жизни она неуклонно шла по раз избранному пути, ставя науку, служение ей своею главною целью» [11, с. 10]. Благодарные потомки нового тысячелетия тоже это осознают: появление в 2021 г. первой в России национальной премии «Колба» для женщин-ученых, реализующих себя в сфере естественных наук, связано с памятной датой – 125-летием со дня гибели В.Е. Богдановской.

Профессора Галесник из повести В. Токаревой «Все нормально, все хорошо...» заволаживает не только история светлой любви генерала Попова, но и его стремление познать мир, ощущая себя его органической частью. Не в силах смириться с потерей жены, в поисках душевного равновесия генерал направляется в Индию. Здесь его вниманием завладевает Свами Вивекананда, индийский философ, противопоставляющий безнравственной западной теории с ее приоритетами («добывание пищи и поиск подруги») этическое учение Патанджали, в основе которого – идея совершенствования личности через «образование и культуру, через концентрацию и медитацию и, прежде всего, через самопожертвование» [24, с. 153]. Известно, что генерал Попов, вдохновившись учением Свами, стал первым популяризатором базовых текстов йогической философии в Российской империи, посвятив этой работе больше десяти лет жизни. До сих пор его труды остаются значимыми для культурно-религиозного обогащения тех, кто хочет прикоснуться к концепции Вивекананды. Так, уже в 2020 г. в Москве вышла книга Свами Вивекананда «Раджа-Йога. Курс лекций» в переводе Я.К. Попова.

Поповы, которые были искренни в своей любви друг к другу и стремились не к личному преуспеянию, а к укреплению авторитета России в экономике, науке и просвещении, автором повести «Все нормально, все хорошо...» противопоставлены чете Бочаровых, из душ которых ушла любовь, потому что ушла любовь к своей стране, уступив желанию приобретения материальных благ. Для жены важнейшее значение играет «фирма»: яркие краски уйдут из жизни, если она перестанет «выжимать соки в соковыжималке «Мулинекс», перекручивать мясо в мясорубке «Мулинекс» [20, с. 351], а муж предается грезам о том, чтобы уехать в Америку, «за долларом – твердой валютой, как к себе на дачу» [Там же, с. 358]. Все это противоречит мировоззрению писательницы, много путешествовавшей по миру, но пришедшей к выводу: «Я могу жить только там, где звучит мой родной язык, где люди вокруг говорят по-русски» [7].

Можно сделать вывод о том, что в повести В. Токаревой читатель сталкивается с двойной аксиологией, когда ценности автора не совпадают «с его заложенными в произведение оценками и теми ценностями, носителями которых, по воле автора, являются его герои» [4, с. 217].

Нравственные константы, обнаруживаемые писательницей в характерах эпизодических персонажей Поповых, полностью отсутствуют у супругов Бочаровых, что не вызывает симпатий ни у автора произведения, ни у читателей. Именно судьбы Поповых представляются «нормой» взаимоотношений личности и общества, «воспитывающим образцом» для наших современников. Солидаризируясь с мнением ученых о том, что «без опоры на ценностную основу духовной жизни народа нормы будут противоречить характеру его жизни» [23], В. Токарева подводит читателей к выводу: формирование поведенческих норм должно основываться на преобладающей в обществе системе ценностей, поэтому «хорошо» должно являться нормой, а не «по норме» следует судить о том, «что такое хорошо и что такое плохо».

Список литературы

1. Артамонов В. Интервью с В. Токаревой «Смешно, но я мечтаю о Нобелевской премии» // Литературная газета. 2016. 4 февраля. URL: <https://lgz.ru/article/smeshno-no-ya-mechtayuo-nobelevskoy-premii/> (дата обращения: 10.02.2025).
2. Вересаев В.В. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Воспоминания / Подготовка текста и примеч. В.М. Нольде и Ю.У. Бабушкина. М.: Правда, 1961.
3. Вольвач В.Г. К вопросу о кризисе национального самосознания на рубеже 90-х годов // Омский научный вестник. 2001. № 14. С. 37–41.
4. Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.
5. Говорухин С. Россия, которую мы потеряли. М.: Ротация, 1991.
6. Гордин Я. Паломничество в Страну Севера: Север в русской поэзии как историческое и метафизическое зеркало // Знамя. 2018. № 7. С. 231–264.

7. Грачев С. Интервью с В. Токаревой. О деградации и многоженстве // Аргументы и факты. 2012. 28 ноября. URL: https://aif.by/social/persona/viktoriya_tokareva___o_degradacii_yazyke_i_mnogozhenstve (дата обращения: 10.02.2025).
8. Густавсон Г. Несколько слов о Вере Евстафьевне Богдановской-Поповой // Журнал Русского физико-химического общества. 1897. Т. 29. Вып. 3. С. 147–151.
9. Джанджакова Е.В. Стилистика художественного прозаического текста (Структурно-семантический аспект): Учеб. пособие. М.: МГПИ ИЯ, 1990.
10. Досанова А.Ж., Нурмаханова Ж.Б. Оценочная категоризация нравственных понятий на основе оценочных предикатов «Хорошо – плохо» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 50–54.
11. Карасевич С.С. Вера Евстафьевна Богдановская // Женское дело. 1900. Кн. X–X. С. 154–161.
12. Кочергина В.А. Розалия Осиповна Шор и санскритология // Вестник Московского Университета. Серия 9: Филология. 2008. № 1. С. 144–149.
13. Ламзина А.В. Заглавие // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк., 1999.
14. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
15. Манн Ю.В. Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 431–480.
16. Миронова М.В. Стилиевая доминанта рассказов Виктории Токаревой // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. С. 106–110.
17. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001.
18. Русинова А.Л., Востриков А.В. Светлая легенда: Вера Евстафьевна Богдановская // Санкт-Петербургский университет. 2012. № 3. С. 17–20.
19. Русова Н.Ю. От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению: словарь. М.: Флинта: Наука, 2004.
20. Токарева В.С. Все нормально, все хорошо: Повести и рассказы. М.: АСТ, 2004.
21. Токарева В.С. Между прочим... М.: Колибри, 2023.
22. Токарева В.С. Мои мужчины. М.: Азбука, 2015.
23. Устименко Е. «Неистребимые фикции» // Литературная газета. 2014. 02 июля. URL: <https://lgz.ru/article/neistrebyimye-fiksii/> (дата обращения: 10.02.2025).
24. Swami Vivekananda. Understanding Vedanta, a contemporary approach: a collection of essays to introduce Vedanta. Calcuta. 1964.

* * *

1. Artamonov V. Interv'y u s V. Tokarevoj «Smeshno, no ya mechtayu o Nobelevskoj premii» // Literaturnaya gazeta. 2016. 4 fevralya. URL: <https://lgz.ru/article/smeshno-no-ya-mechtay-u-o-nobelevskoy-premii/> (data obrashheniya: 10.02.2025).
2. Veresaev V. Sobranie sochinenij v 5 tomax. T. 5: Vospominaniya // Podgotovka teksta i primech. V.M. Nol'de i Yu.U. Babushkina. M.: Pravda, 1961.
3. Vol'vach V.G. K voprosu o krizise nacional'nogo samosoznaniya na rubezhe 90-x godov // Omskij nauchnyj vestnik. 2001. № 14. S. 37–41.
4. Ginzburg L. O literaturnom geroe. L.: Sovetskij pisatel', 1979.
5. Govoruxin S. Rossiya, kotoruyu my` poteryali. M.: Rotaciya, 1991.
6. Gordin Ya. Palomnichestvo v Stranu Severa: Sever v russkoj poe'zii kak istoricheskoe i metafizicheskoe zerkalo // Znamya. 2018. № 7. S. 231–264.
7. Grachev S. Interv'y u s V. Tokarevoj. O degradacii i mnogozhenstve // Argumenty` i fakty`. 2012. 28 noyabrya. URL: https://aif.by/social/persona/viktoriya_tokareva___o_degradacii_yazyke_i_mnogozhenstve (data obrashheniya: 10.02.2025).
8. Gustavson G. Neskol'ko slov o Vere Evstaf'evne Bogdanovskoj-Popovoj // Zhurnal Russkogo fiziko-ximicheskogo obshhestva. 1897. T. 29. Vy'p. 3. S. 147–151.
9. Dzhandzhakova E.V. Stilistika xudozhestvennogo prozaicheskogo teksta (Strukturno-semanticheskij aspekt): Ucheb. posobie. M.: MGPI IYa, 1990.

10. Dosanova A.Zh., Nurmaxanova Zh.B. Ocenchnaya kategorizaciya npravstvenny`x ponyatij na osnove ocenchny`x predikativ «Xoroshu – ploxo» // Voprosy` kognitivnoj lingvistiki. 2015. № 1. S. 50–54.
11. Karaskevich S.S. Vera Evstaf`evna Bogdanovskaya // Zhenskoe delo. 1900. Kn. X–X. S. 154–161.
12. Kochergina V.A. Rozaliya Osipovna Shor i sanskritologiya // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2008. № 1. S. 144–149.
13. Lamzina A.V. Zaglavie // Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovny`e ponyatiya i terminy` / Pod red. L.V. Chernecz. M.: Vy`sshaya shkola, 1999.
14. Lapin N.I. Modernizaciya bazovy`x cennostej rossijan // Sociologicheskie issledovaniya. 1996. № 5. S. 3–23.
15. Mann Yu.V. Avtor i povestvovanie // Istoricheskaya poe`tika. Literaturny`e e`poxi i tipy` xudozhestvennogo soznaniya. M.: Nasledie, 1994. S. 431–480.
16. Mironova M.V. Stilevaya dominanta rasskazov Viktorii Tokarevoj // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2008. S. 106–110.
17. Nikolyukin A.N. Literaturnaya e`nciklopediya terminov i ponyatij. M.: Intelvak, 2001.
18. Rusinova A.L., Vostrikov A.V. Svetlaja legenda: Vera Evstaf`evna Bogdanovskaya // Sankt-Peterburgskij universitet. 2012. № 3. S. 17–20.
19. Rusova N.Yu. Ot allegorii do yamba: terminologicheskij slovar`-tezaurus po literaturovedeniyu: slovar`. M.: Flinta: Nauka, 2004.
20. Tokareva V.S. Vse normal`no, vse xoroshu: Povesti i rasskazy`. M.: AST, 2004.
21. Tokareva V.S. Mezhdru prochim... M.: Kolibri, 2023.
22. Tokareva V.S. Moi muzhchiny`. M.: Azbuka, 2015.
23. Ustimenko E. «Neistrebimy`e fikcii» // Literaturnaya gazeta. 2014. 02 iyulya. URL: <https://lgz.ru/article/neistrebimye-fikcii/> (data obrashheniya: 10.02.2025).

The notional role of episodic characters in the story “Everything is all right, everything is fine...” by V. Tokareva

The specific features of the image system of the story “Everything is fine, everything is fine...” (1995) by V. Tokareva are considered where not main characters prevail but episodic ones, implementing, in the author’s opinion, the norms of man’s community and persistent moral values that the modern society requires, experiencing the change of the times.

Key words: *author’s position, image system, episodic characters, “women” prose, scientific creativity.*

(Статья поступила в редакцию 15.02.2025).

**КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТЬ В ПОЭТИКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ
РАССКАЗОВ А. ГРИНА**

На материале рассказов А. Грина «Отравленный остров» и «Жизнь Гнора» рассматривается использование в них кинематографического языка, указывающего на синтез визуальных приемов художественной литературы и немого кино в поэтике писателя. Предпринята попытка выявить своеобразие идиостиля А. Грина в аспекте «литературной кинематографичности», что определяет новизну и актуальность проведенного исследования.

Ключевые слова: А. Грин, «Отравленный остров», «Жизнь Гнора», кинематографичность, композиционная структура, монтаж, точка зрения.

В XVIII и XIX вв. словесное творчество было главным фактором развития мирового художественного процесса. Начало XX в. ознаменовалось изобретением и широким распространением кинематографа, и, как следствие, влиянием на словесное искусство его художественного языка. Принципы и приемы изображения мира и человека в кино нашли свое отражение в формах визуализации литературного текста. Говоря об этом, уместно будет обратиться к работам философа Ханса-Георга Гадамера. В основе его концепции взаимодействия писателя и читателя лежало чтение как постижение смысла, т.е. процесс взаимодействия трех сторон (автор ↔ текст ↔ читатель). По «герменевтическому треугольнику» [3, с. 48] читатель выступал как соавтор, его восприятие и толкование были субъективными и могли расходиться с замыслом писателя. Сопутствующая чтению визуализация слова превращала текст в новое произведение, пусть и в голове только одного человека. Тем не менее автор мог повлиять на ожидания читателя, приблизив его видение к своему, заложив в тексте сигналы и выстроив определенную композицию, – потому что читательская рецепция строится не на отдельных образах, а на переменных, подвижных изображениях, созданных из огромного количества фрагментов-кадров, которые изменяются, дополняются, преобразуются в процессе чтения. Таким образом, читатель становится «режиссером»: он представляет декорации, интерьеры, ландшафты, самостоятельно выставляет на «сцене» «актеров», додумывая детали их внешности.

Однако должны быть границы этой субъективности, читателю важно не увязнуть в собственных представлениях и обратиться к автору как первой и последней инстанции при анализе текста. Оттого экранизации часто вызывают негативную реакцию зрителей, поскольку далеки от авторского замысла. Это свойственно не только сегодняшнему дню, но и началу XX в., когда кинематограф только начинал свое шествие по планете. Так, например, в 1922 г. режиссер В.Р. Гардин без ведома автора поставил на Ялтинской киностудии фильм по мотивам рассказа А. Грина «Жизнь Гнора» (1912). Содержание рассказа было вульгаризировано до неузнаваемости, по воспоминаниям жены писателя, фильм вызвал сильнейшее его возмущение [2, с. 334]. Тема обязательной победы добра над злом, облеченная в четкие социальные формы, никак не противоречила идее победы революции, но требовала совершенно иных эстетических решений – оттого и были в корне разрушены гриновские мотивировки характеров.

Тем не менее эстетика немого кино активно проникала в произведения А. Грина этого периода. Чтобы показать «литературную кинематографичность» писателя, который «кино очень любил» [1, с. 194], обратимся к анализу приемов кинематографического языка в нарративной структуре двух его рассказов.

С первых строк «Отравленного острова» (1916) задается тон, создается определенная атмосфера самого повествования: «По рассказу капитана Тарта, прибывшего из Новой Зеландии в Ахуан-Скап, и согласно заявлению его местным властям, заявлению, подтвержденному свидетельством паровой команды, в южной части Тихого океана, на маленьком острове Фарфонте, произошел случай повального и единовременно, по соглашению, самоубийства всего населения, за исключением двух детей в возрасте трех и семи лет» [6, VI, с. 362]. В первом предложении, построенном как монолог с обращением к зрителю/читателю, сразу же обозначаются ключевые моменты: кто свидетель (капитан Тарт, владеющий важной информацией); что случилось (самоубийство всего населения, нуждающееся в расследовании); где случилось (на острове Фарфонт).

В немом кино надписи и картины чередовались друг с другом. Для детективов и авантюрных кино постановок были характерны преамбулы, которые появлялись до движущейся картинки. В рассказе А. Грина, следуя этой кинематографической традиции, «всезнающий» рассказчик нарушает хронологическую последовательность событий, преподнося всю важную информацию в самом начале, до появления в «кадре» судна во время шторма – для того, чтобы заинтриговать зрителя, вовлечь его в действие, не отвечая при этом на главный вопрос: «Почему это произошло?». На это направлено и большое количество псевдодокументальных деталей, пронизывающих повествование: название порта Ахуан-Скап, точное местоположение острова Фарфонт, вплоть до градусов широты и истории его открытия, приведение хроники судового журнала с указанием не только на год, но и на день происшествия и др.

Рассказ «Отравленный остров» был впервые опубликован в журнале «Огонек» под названием «Сказка далекого океана». Интересен тот факт, что в первоначальной редакции год происшествия указывался как 1915 [5, с. 4]. Другими словами, рассказ был не только создан во время Первой мировой войны, но и напрямую отражал ее ужасы, придавая «сказке» характер документа. Однако параллели с 1915 годом на этом не заканчиваются, поскольку именно в 1915 году А. Грин написал миниатюру «Остров», в которой видны черты очевидного сходства с «Отравленным островом». Пацифисты осуждают любую войну – этой мыслью проникнуты оба произведения, но именно в рассказе 1916 г. идея достигает кульминации: для того, чтобы показать в нем ужас войны, сама война не нужна. Плачущие мальчик и девочка, плавучая мина, прибитая к берегу, визуальные галлюцинации жителей острова, вызванные страхом неизвестности, – все это лишь малая часть наглядных маркеров, сигнализирующих о том, что за пределами Фарфонта, замкнутой эмигрантской общины, утопического варианта земного рая, идет Первая мировая война.

Максим Горький утверждал, что «надо писать, чтоб человек <...> вставал со страниц рассказа о нем с тою силой физической осязательности его бытия, с тою убедительностью его полуфантастической реальности» [4, с. 98], с какой видит его сам автор. По мнению писателя, по-настоящему живые эмоции можно вызвать с помощью языковых выразительных средств. Это утверждение можно, как нам кажется, дополнить с учетом опыта использования языка кино в литературе: не только с помощью особых средств языка, но и благодаря возможностям монтажа сцен, позволяющего читателю/зрителю пройти тот же путь, что и сам автор. Под *монтажом* в нашем исследовании понимается нарушение хронологической последовательности повествования/изображения в рассказе или фильме, чтобы заинтриговать читателя/зрителя и вызвать определенный интеллектуальный и эмоциональный отклик. В этом отношении рассказ «Отравленный остров» очень кинематографичен. Помимо открывающего его монолога с обращением

к зрителю/читателю, есть и финальная сцена с цитированием строки журнального отчета о событиях на Фарфонте, будто специально созданная для закадрового голоса: «Это были самые счастливые люди на всей земле, убитые эхом далеких залпов, беспримерных в истории» [6, VI, с. 376].

Важно заметить, что сам рассказ построен на приеме параллельного монтажа, что является разновидностью межкадрового монтажа, т.е. чередования сюжетно-незавершенных действий, предполагающих возможность их мысленного сочетания в восприятии человека. Автор преподносит историю в парадигме двух основных хронотопов, где первым выступает порт Ахуан-Скап, куда привозят с острова выживших детей и полубезумного старика Скоррея и где проводится расследование причин коллективного самоубийства в настоящем времени, а вторым – остров Фарфонт, фигурирующий в основном в воспоминаниях (капитана Тарта, детей, Скоррея, капитана Брамса). Примечательно, что чередование картин прошлого и настоящего происходит в каждой из четырех частей рассказа. Тем самым смена точки зрения дает читателю возможность не только сохранить фокус, неустанно следить за расследованием, но и испытывать разные эмоции в зависимости от ритма, созданного А. Грином. Так, например, поездка психиатра Де-Местра на остров Фарфонт в третьей части заканчивается тем, что он обнаруживает сорок четыре бутылки из-под вина (продукт, чуждый острову), белую пружинную булавку и полуистлевший номер газеты «Стационар». Все это убеждает его в том, что на острове до капитана Тарта было еще одно судно. Однако вместо продолжения дальнейшего расследования психиатра читатель переносится обратно в порт, куда «тем временем, благодаря публикации и вообще широкой огласке дела» [6, VI, с. 369] приходит письмо из Бомбея с новой информацией, оставляя нас в напряжении и волнении. В.Б. Шкловский в своих работах о кино писал, что суть данного приема заключается в том, что персонажа одной части параллельного построения оставляют в самый критический момент и обращаются к другому параллельному действию с целью замедления показа развития событий [7, с. 64].

Приведем другой пример смены ритма, чтобы подтвердить кинематографичность монтажа литературных сцен. В письме капитана Брамса, который, как выясняется в рассказе, был на острове до Тарта, дается подробное описание свадебного обряда, вплоть до деталей костюма и описания церемонии. Эти, казалось бы, ненужные для расследования самоубийства детали, важны для визуализации быта жителей острова. Если до этого мы знали о них только то, что они совершили коллективное самоубийство, то в письме раскрываются особенности их жизни: они были счастливыми людьми, дорожили семейными узами, влюблялись и веселились. Значимой деталью является описание внешности и мимики жениха на свадьбе: «Жених в довольно удачно скроенной одежде и огромной соломенной шляпе не оставлял двух мнений о своей наружности: это был стройный коричневый молодец, с немного глуповатой улыбкой и серьезными большими глазами, в которых читалось сознание важности и торжественности момента» [6, VI, с. 370]. Оттого, что мы знаем, как закончится история жениха, невесты и остальных жителей острова, мнимое удлинение времени за счет описаний обряда воспринимается еще тяжелее, сменяясь быстрым перечислением тем, поднятых Брамсом за праздничным столом: «Я нарисовал им возможно полную картину гигантской борьбы девяти государств, представив все ее крупнейшие события, ее план, ход, темп, технические и моральные средства, пущенные в ход противниками» [6, VI, с. 371], рассказал об исследованиях «в области воздухоплавания, радио, химии, морской и артиллерийской техники» [Там же]. Здесь важна точка зрения: капитану Брамсу не так интересны детали событий, известных каждому во внешнем мире, для него потрясением является именно быт «полуробинзонов», как он сам их называет, – оттого и разница в ритме. В то время как именно история о Первой мировой войне и открытиях, использованных человечеством для войны, буквально сводит жителей острова с ума. Но, как читатели, мы узнаем об этом толь-

ко в четвертой части из рассказа пришедшего в сознание Скоррея, старейшего жителя острова, которому было поручено похоронить покончивших с собой соплеменников.

С топосом острова связан и более ранний рассказ А. Грина «Жизнь Гнора» (1912), ставший одним из первых опытов экранизации прозы писателя. В основе его сюжета лежит любовный треугольник – двое мужчин влюблены в одну женщину. Повествовательная структура рассказа построена на смене ритма. Сначала дается краткая предыстория конфликта. Чтобы расправиться с Гнором, главным героем, Энниок высаживает соперника на необитаемом острове. Однако через восемь лет Гнор возвращается и навещает Энниока.

Повествование начинается от имени Энниока: нам показывают его быт, место и образ жизни, посвящают в его мысли. Пятая часть – единственная в рассказе – написана от имени соперника главного героя. Снова происходит та самая смена точки зрения. Только здесь она необходима не для интриги, характерной для детективов, а для психологического анализа другой стороны конфликта. Энниок – тоже человек, со своими чувствами и принципами. Если глазами Гнора мы смотрели на него как на злодея, который хочет отбить Кармен, оставляя его на острове без надежды на выживание, то в сцене их встречи мы видим, как Энниока все-таки мучает совесть, а главное – он держит слово («Я мог бы обмануть его, <...> но не привык бегать и прятаться» [6, I, с. 483]). Оттого так сильно воздействует на читателя немая сцена: «Два человека, стоя друг напротив друга, тоскливо бледнели, улыбаясь улыбкой стиснутых ртов» [6, I, с. 483]. Поэтика этой сцены являет собой показательный пример кинематографического языка писателя.

Размеренное повествование о жизни Энниока прерывается внезапным вторжением Гнора. Когда соперники увидели друг друга, мир будто бы остановился. Акцент на позах и мимике, характерный кинематографический «наплыв» камеры сначала на лицо Гнора, потом Энниока – все это необходимо для пробуждения по-настоящему живых эмоций у читателя/зрителя. Теперь мы переживаем не за судьбу Гнора, а за судьбу Энниока, задаемся вопросом, будет ли совершена месть или, подобно Сильвио, герою повести А.С. Пушкина «Выстрел», он вернулся лишь для того, чтобы предать человека суду его совести.

Таким образом, можно утверждать, что кинематографические приемы в повествовательной структуре дореволюционных рассказов А. Грина «Отравленный остров» и «Жизнь Гнора» являются важным компонентом гриновской поэтики, а их анализ способствует более глубокому пониманию специфики визуального аспекта его произведений.

Список литературы

1. Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2005.
2. Воспоминания об Александре Грине / Сост., вступление, примеч. В. Сандлера. Л: Лениздат, 1972.
3. Герменевтика: история и современность: критические очерки / Редкол.: Бессонов Б.Н. и др. М.: Мысль, 1986.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 15: Письма: июнь 1924–февраль 1926 / Глав. ред. Ф.Ф. Кузнецов. М.: Наука, 2012.
5. Грин А.С. Сказка далекого океана // Огонек. 1916. № 36. С. 2–8.
6. Грин А.С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Правда, 1980.
7. Шкловский В.Б. За 40 лет: статьи о кино. М.: Искусство, 1965.

1. Varlamov A.N. Aleksandr Grin. M.: Molodaya gvardiya, 2005.
2. Vospominaniya ob Aleksandre Grine / Sost., vstuplenie, primech. V. Sandlera. L: Lenizdat, 1972.
3. Germenevtika: istoriya i sovremennost': kriticheskie ocherki / Redkol.: Bessonov B.N. i dr. M.: My'sl', 1986.
4. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma v 24 t. T. 15: Pis'ma: iyun' 1924—fevral' 1926 / Glav. red. F.F. Kuznecov. M.: Nauka, 2012.
5. Grin A.S. Skazka dalekogo okeana // Ogonek. 1916. № 36. S. 2–8.
6. Grin A.S. Sobranie sochinenij: V 6 t. M.: Pravda, 1980.
7. Shklovskij V.B. Za 40 let: stat'i o kino. M.: Iskustvo, 1965.

Cinematography in the poetics of pre-revolutionary stories by A. Grin

On the basis of the stories “Poisoned Island” and “The Life of Gnor” by A. Grin the use of cinematography language in them pointing at the synthesis of visual techniques of fictional literature and silent cinema in the poetics of the writer is considered. There is made the attempt to reveal the specific features of the individual style of A. Grin in the aspect of “literary cinematography” defining the novelty and urgency of the conducted study.

Key words: A. Grin, “Poisoned Island”, “The Life of Gnor”, cinematography, compositional structure, assemble, point of view.

(Статья поступила в редакцию 03.04.2025).

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

В. М. МОКИЕНКО

Санкт-Петербург

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М. А. МАРУСЕНКО, Н. М. МАРУСЕНКО
«ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»:
МОНОГРАФИЯ: В 2-Х Т. Т. 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ. М.: ИНФРА-М, 2024. 387 С. Т. 2.
ДВУЯЗЫЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ. М.: ИНФРА-М, 2024. 330 С.***

Языковая политика – одна из основ политики государственной. В современных условиях эта истина обострена оппозицией, рожденной интеграцией и глобализацией мультинациональных мировых сообществ. С одной стороны, такие объединения, как Европейский союз, созданы естественным стремлением к экономической и политической интеграции, желаемым результатом которой является и интеграция языковая. С другой стороны, на наших глазах из самых недр объединенного и всё более расширяющегося Европейского союза растет сопротивление глобализации, вызванное не менее естественным желанием народов сохранить свою самобытную многовековую культуру, а следовательно, и собственный язык.

В конце XX и начале XXI в. окружающий мир претерпел глубокие изменения вследствие современной стадии глобализации. Национальные системы образования подверглись влиянию глобальных изменений, которые выразились в росте напряженности в использовании языков, отмирании локальных культур, изменении идентичности школьников и студентов разных стран. Национальные сообщества пытаются сбалансировать локальные потребности с глобальными реалиями. Система обучения языкам в школах вынуждена постоянно взаимодействовать с глобальными идеями, внедряющими новые культурные практики, ценности и религии. Такое взаимодействие вызывает изменения самой системы.

Авторы рецензируемой монографии уже давно тщательно анализируют тенденции и результаты образовательной языковой политики в современном мире, ставя ей объективный социолингвистический диагноз [1; 2]. Новая двухтомная монография – многоаспектный анализ мирового опыта в сфере изучения и преподавания языков, «реализуемых в тех странах, которые представляют собой “точки роста” этой неравномерно развивающейся глобальной системы» (с. 3). И вполне закономерно, что авторы этой книги сразу же после ее выхода в свет получили дипломы за 1 место на VII Международном конкурсе на лучшую научную и учебную публикацию «АКАДЕМУС».

Процесс изучения языков – не только дидактическая и интеллектуальная сфера человеческой деятельности, но и сфера потребления значительных материальных и кадровых ресурсов, которая тесно связана с такими важными понятиями, как национальная идентичность, национальное единство, национальное строительство и территориальная целостность. В эпоху глобализации, ставящей целью ослабление национальных государств, построение новых или перестройку существующих культурных и языковых

* Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

идентичностей, взаимосвязь таких понятий становится важным фактором как языковой, так и государственной (resp. межгосударственной) политики. Русскому читателю область исследований на эту актуальную тему недостаточно известна, а накопленный мировой опыт почти не используется, причину чего авторы книги видят в «головокружении от успехов» языкового строительства в советскую эпоху, служившем моделью для новых независимых государств после Второй мировой войны и до 1980-х гг. XX в. Результатом этого оказалась несвоевременная и неадекватная реакция на смену парадигмы языковой политики и языкового строительства с этнокультурной на национально-функциональную, произошедшую в конце XX в.

Образовательная языковая политика (ОЯП) – это междисциплинарная сфера деятельности и научных исследований, лежащая на пересечении критической теории, наук об образовании, социологии и антропологии. При этом она владеет и собственным теоретическим и практическим аппаратом, раскрывающим связи между языковой политикой государств, строительством национальных систем обучения языкам и языковым поведением сообществ и отдельных личностей. Приоритетными для нее являются политическая и идеологическая диагностика языкового строительства, поощряющего обычно создание языковых иерархий, действующих в интересах мажоритарных и колониальных языков. Для ОЯП характерны три концептуальных подхода к изучению языков: язык как проблема, язык как право и язык как ресурс.

А. М. Марусенко и Н. М. Марусенко в двух томах монографии предлагают объективный, построенный на достоверных фактах и наблюдениях своих предшественников анализ современной языковой ситуации в мире. В 5 главах 1-го тома, именуемого «Политические и идеологические измерения образовательной языковой политики», освещены общие проблемы образовательной языковой политики: Глобализация и изучение языков (гл. 1); Языковые права человека (гл. 2); Изучение языков и формирование идентичности (гл. 3); Моноязычие vs. многоязычие (гл. 4); Распространение английского языка (гл. 5). Во втором томе двуязычное обучение рассматривается как в историческом, так и в территориально-социальном аспекте, что, по мысли авторов, позволяет создать типологию двуязычного обучения в разных странах и регионах земного шара. Данным аспектам посвящены следующие 5 глав: Двуязычие в современном мире (гл. 1); Двуязычие в языковом строительстве (гл. 2); Формирование двуязычия (гл. 3); Двуязычие как языковая политика (гл. 4); Глобализация и региональные модели двуязычного обучения (гл. 5).

Рассматриваемые проблемы опираются на скрупулезное исследование обширного количества зарубежных источников (в библиографическом списке к обоим томам их 837) и их критический анализ авторами монографии.

В 1-м томе, как уже отмечалось, обозначен широкий спектр проблем обучения языкам в эпоху глобализации. Уже само название 1-й главы этого тома – «Глобализация и изучение языков» – подчеркивает зависимость дидактической практики от современной фазы глобализации, вызвавшей радикальные изменения границ социальной жизни, интенсификации образов и смыслов через национальные границы. Глава открывается разделом «Образовательная языковая политика и глобализация», где подчеркивается, что основной мотивацией современных практик обучения языкам в эпоху постмодерна является растущая экономическая мощь носителей целевого языка и глобальных СМИ, а также медиапродуктов на этом языке. Такая инвестиция в языковую политику открывает путь к *социальной мобильности*, ослабляя традиционные связи между языком и местом проживания и одновременно укрепляя социальные иерархии и социальное расслоение. Эта мобильность заставляет теоретиков и практиков лингводидактики вносить коррективы или даже принципиально пересматривать такие понятия, как язык, свободное им владение, языковое сообщество, языковая ситуация и т. д. Отделение языка от культуры оказывает влияние и на другие цели изучения языков – напри-

мер, на этнокультурные связи между «наследственными» этническими языками и их носителями. Кроме английского на статус мирового языка претендуют также испанский, французский, китайский и арабский языки.

Анализируя в этой главе языковую ситуацию в ЮАР, Замбии, Танзании и Республике Малави, авторы книги определяют цели ОЯП (с. 35):

- облегчение элитам доступа к престижному иностранному языку (чаще всего английскому);
- создание образовательных систем для национальных меньшинств или мигрантов, облегчающих переход на доминирующий язык;
- поддержка материнского языка и обучения грамотности в системе дополнительного образования;
- развитие двуязычных программ для разнородных обучающихся и достижение двуязычия для всех обучающихся.

Образовательная языковая политика любого национального государства в обязательном порядке должна учитывать роль английского языка как *lingua franca*. Будучи официальным языком более чем 70 государств, английский язык как первый иностранный язык изучается в школах многих стран. Число носителей английского языка от рождения превышает 300 млн. человек, а вдвое больше используют его как второй язык. В образовательные программы многих государств вводится обучение на английском языке. Распространение английского языка связывается с экстралингвистическими факторами, подпадающими под понятие *языкового империализма*: капитализмом, наукой, технологией, модернизацией, американизацией и гомогенизацией культуры.

Проблемы создания грамматик, систем письменности и словарей для автохтонных языков возникли в 1960-е гг. XX в. связи с возникновением новых развивающихся и постколониальных наций. Образовательная языковая политика этого периода связана с так называемым языковым строительством (*language planning*), деятельность которого связана с 4 факторами:

- выбором нормы, т.е. варианта языка для конкретного использования;
- кодификацией, т.е. выработкой подробной, обычно письменной нормы;
- реализацией, т.е. мерами по распространению языковой формы;
- разработкой, т.е. постоянным совершенствованием варианта языка для придания ему функций в современном мире.

Тем самым ОЯП может реализовываться по разным направлениям, порождая множественные политики на низовых уровнях, осуществляемые независимо от официальной политики и дающие разные результаты.

В разделе «Уровни образовательной языковой политики» предлагается критический обзор соответствующих уровней: Законодательного политического уровня; Государственного и надгосударственного уровня; Институционального уровня и Уровня государственной практики. Авторы книги подчеркивают, что все эти уровни находятся под сильным влиянием идеологии культуры и этничности. Дифференцируется и констелляция структуры ОЯП в каждой стране. Так, в Южно-Африканской республике выделяются следующие уровни ОЯП: 1-й уровень: национальная политика; 2-й уровень: языковая политика; 3-й уровень: образовательная языковая политика; 4-й уровень: язык как предмет и язык обучения; 5-й уровень: реализация ОЯП. При этом залогом успеха такой политики признается высокий уровень языковой подготовки учителей, особенно таких, которые способны учитывать специфику многоязычного обучения.

2-я глава «Языковые права человека» открывается внушительной статистикой. В современном мире, население которого составляет 7,8 млрд., насчитывается более 7000 языков, 96% которых используется 4% населения. Поэтому большинство наций на земле являются многоязычными, а большинство существующих языков относятся к языкам меньшинств. В ближайшие 100 лет половина из существующих языков обречена на

исчезновение, причем этот процесс происходит со скоростью один язык в течение двух недель.

Пессимистическая, но реальная оценка ЮНЕСКО предрекает, что к 2100 г. лишь 300 языков (в основном, имеющих более миллиона носителей) не будут под угрозой исчезновения. Причем все языки, обреченные на исчезновение, относятся к автохтонным. Главным фактором, от которого сейчас зависит сохранение языка или его смена и, в конце концов, исчезновение, является языковая политика, проводимая отдельными нациями. При ее анализе одной из основных проблем становятся *языковые права человека и языковая справедливость*. Они формулируются в наднациональных и национальных документах разных уровней. Из 7 тысяч учтенных языков лишь несколько сотен живых языков изучаются в системах образования как *предметы*, еще меньше – как *языки обучения*.

Особый раздел этой главы посвящен обучению на материнском языке, который является базовым понятием ОЯП. При этом существует альтернативная точка зрения на целесообразность обучения на материнском языке. Сторонники этнокультурной парадигмы считают ее заблуждением на основе восьми ключевых принципов преподавания доминирующих языков (прежде всего английского): ребенок выучивает свой первый язык до поступления в начальную школу; когда говорят, что ребенок может говорить по-английски, считается, что он может обучаться на английском языке; чем раньше начинается обучение на втором языке, тем выше результаты, поскольку дети обучаются языку быстрее, чем взрослые; если в обучении используются другие языки (первые языки детей), уровень английского понижается и др.

В разделе «Наднациональные документы о языковых правах» предлагается анализ соответствующих документов таких организаций, как ООН, ЮНЕСКО, ЕС, Всемирный банк и Международный валютный фонд. В них признаются *право на образование и право обучения*, в частности на материнском языке ребенка. Современный подход основывается на идее, что реализация *права на образование* зависит от его доступности, элементом которой является идентификация и устранение дискриминационных препятствий к доступу к нему. Однако международное законодательство нередко лишь довольно ограниченно влияет на положение меньшинств. Игнорирование языковых прав человека происходит по политическим или экономическим причинам.

Реализация языковых прав в образовании зависима от идеологических установок в конкретных странах. В двуязычном обучении она обычно сводится к гарантиям права детей на обучение на *материнском языке*, с параллельным изучением доминирующего языка страны проживания как *второго языка*. Обобщив основные руководящие принципы наднациональных документов о языковых правах, ЮНЕСКО сформулировала три основных принципа:

1. ЮНЕСКО поддерживает обучение на *материнском языке* как одно из средств повышения качества образования на основе использования знаний и опыта обучающихся и учителей.

2. ЮНЕСКО поддерживает *двуязычное* и (или) *многоязычное образование* на всех ступенях образования как одно из средств содействия обеспечению не только социального равенства, но и равенства полов и как один из ключевых элементов многоязычных обществ.

3. ЮНЕСКО поддерживает язык как один из важнейших компонентов *межкультурного образования* с целью поощрения взаимопонимания между различными группами населения и обеспечения основных прав.

Авторы анализируют общие и различные подходы к реализации этих принципов в ЕС (особенно Франции и Германии), Великобритании и РФ. Здесь заслуживает внимания такая констатация: «Необходимость знания русского языка носит в Российской Федерации обязательный характер. Без него невозможны получение образования, социаль-

ная мобильность, трудовая мобильность в пределах страны. Свободное владение русским языком рассматривается как критерий образованности» (с. 116).

Языковые права человека претерпели изменения в эпоху глобализации, когда рынок заменил нацию, поставил себя выше государства и сам стал законом. Причем в условиях рынка и сам закон стал рыночным товаром. В таких условиях *двуязычие* часто не рассматривается как *реальная ценность*, поэтому, по мнению некоторых исследователей, люди часто выбирают обучение на *доминирующем языке*.

Проблематика **3-й главы** – «Изучение языков и формирование идентичности». Связь коллективной идентичности с языком, запечатленная с 1806 г. формулировкой Иоганна Фихте о том, что *язык* естественным образом определяет *нацию*, сейчас подвергается переоценке. Распространение цифровых технологий и рост транснациональных связей приводят к изменению идентичности в процессе языкового обучения. Изменение идентичности определяется несколькими факторами: глобализацией и неолиберализмом; инвестированием и идентичностью; шкалированием; постструктурализмом и свободой выбора. В теории языка проблемы идентичности не являются центральными, но имеют большое значение в тематическом пространстве изучения *вторых* и *иностранных* языков. Особый интерес с точки зрения идентичностных характеристик представляют носители *lingua franca*, на роль которых на глобальной арене претендуют несколько языков (испанский, арабский, китайский и др.), доминирующим из которых, естественно, является английский. Они оказывают все более сильное влияние на идентичности носителей из *периферийных сообществ*.

Отношения между формированием идентичности и проблемами мобильности, участия в социальных сетях и доступа к ним различаются по типам, влияющим на понимание и ощущение индивидуумами своей идентичности: 1) природной; 2) институциональной; 3) дискурсивной; 4) идентичности по интересам.

В разделе «Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии» авторы предлагают исторический экскурс эволюции отношения к многоязычию в США. Изначальное отсутствие языковых вопросов совпало здесь некогда с периодом относительной толерантности к языковому многообразию, когда главным маркером различий была раса, определяемая цветом кожи. Когда американская идентичность начала связываться с английским языком, доминирующей идеологией стала идеология *моноязычной англоязычной нации*, где другие языки представляются как угроза национальной идентичности и как средство социальной изоляции и индивидуальной ответственности.

В разделе «Идентичность и идеология» анализируется взаимозависимость этих важных социальных понятий. Когда идентичность считается постоянным, ментальным и индивидуальным конструктом, принципы ее изучения отличаются от того, когда ее рассматривают как результат динамичного, социального процесса взаимодействия. Современные эмпирические исследования подтверждают гибкую, динамическую и множественную природу идентичности, разрушая эссенциалистическую парадигму, которая игнорирует ключевые элементы социальной и дискурсивной обусловленности идентичности.

Изучение *вторых* и *иностранных* языков в современном глобальном мире дает людям возможность формировать и использовать новые идентичности, которые не обязательно относятся к традиционным этноязыковым, национальным или культурным. По теории глобализации главным отличием нового тысячелетия является *гибридность*. Идентичность изучающих вторые языки определяется современными тенденциями глобализации и имеет транснациональный и транскультурный характер.

Для формирования новой идентичности при изучении языка большое значение имеет *социализация*, т.е. процесс расширения компетенций в сфере интернационализации, ситуативного использования языка и знаний о социальных сигналах, идентичностях, обычаях, парадигматических формах, социальных и культурных нормах. Социа-

лизация на втором языке имеет много общего с межкультурной прагматикой, хотя при этом она не сводится к перечню речевых актов. Многие школы, в том числе и государственные, требуют обязательного использования *второго языка*, запрещая говорить на *первом языке* и даже наказывая за его употребление. Тем самым у детей культивируется представление о *низкой ценности* своего языка и стимулируется повышение ценности мажоритарного языка. Поэтому проблема потери или сохранения *первого языка* в процессе обучения тесно связана с проблемой *идентичности*.

Раздел «Мотивация и инвестирование в изучении вторых языков» посвящен взаимообусловленности соответствующих понятий. Мотивация стимулирует *инвестирование*, которое подразумевает, что изучающий язык обладает сложными, множественными идентичностями, меняющимися во времени и пространстве и воспроизводимыми в социальном взаимодействии. В современных условиях теоретической моделью инвестирования становится космополитизм, признающий разнообразие культурного капитала и призывающего к диалогу и взаимоуважению, несмотря на культурно-исторические различия. При этом исследования отношений между идентичностью и изучением второго языка, проводимые в условиях контактов постколониальных и автохтонных языков, показывают, что условия изучения языков в западных странах значительно отличаются от всего остального мира. Основным отличием при этом признается *многоязычие*.

Дихотомии «Моноязычие vs. многоязычие» посвящена **4-я глава** книги. На обучение языкам особое влияние оказали две языковые идеологии: *стандартизация* и *многоязычие*, имеющие общеисторические корни и действующие совместно. Во Франции, например, потребность в едином языке возникла после Французской революции 1789 г. *Моноязычным* обычно считается человек, знающий и использующий только *один* язык. При этом, – справедливо замечают авторы книги, – возникает ряд вопросов (с. 193): «Можно ли считать моноязычным человека, который говорит на стандартном и региональном вариантах одного языка? Насколько сильными должны быть отличия регионального варианта, чтобы человек мог считаться двуязычным? Как в этой ситуации рассматривать социальные диалекты?» На эти вопросы в книге предлагаются диалектические ответы. Моноязычие является в каком-то смысле ограничением *человеческого потенциала*, а принятие моноязычия ведет к *гегемонии* определенных политических и социальных групп. Одним из парадоксов вышеназванной дихотомии является то, что на европейском уровне многоязычие и языковое разнообразие считается *богатством*, а внутри национальных государств-членов ЕС они рассматриваются как *угроза* национальному единству, особенно если речь идет о языках иммигрантов. Динамика этой ситуации демонстрируется в монографии на примере внедрения английского языка в странах Скандинавии. При этом также анализируется шестиступенчатая шкала классификации различных подходов к обучению детей из иммигрантских меньшинств в разных странах. Достижение шестой ступени – равенства языков (примером которого является Канада с равным статусом английского и французского языков) является скорее исключением, чем правилом.

Языковые иерархии отражают иерархическое положение различных общественных групп, отчего языки в многоязычном обществе находятся в состоянии конфликта. При этом конфликт относится не к языкам, а к их носителям. В случае групп иммигрантов конфликт возникает между иммигрантской этнической группой и национальным большинством принимающей стороны, находящимся у власти. В современной Европе около трети городского населения в возрасте до 35 лет имеет иммигрантское происхождение, что порождает языковые конфликты. При этом адаптация языковых меньшинств различна. Так, небольшое (50 000 жителей) датское меньшинство в Германии имеет больше прав и финансовой поддержки, чем турецкое меньшинство с более чем 2 млн. носителей языка. Как видим, языковой капитал распределяется неравномерно.

Раздел «Мировые английские» посвящен глобальному доминированию английского языка, идея которого была сформулирована еще до того, как США закончили свою борьбу за независимость (с. 211–247).

Исторически процесс распространения английского языка прошел 5 этапов (с. 224–225): 1) начальную стадию его внедрения на новой территории (*основание*); 2) *экзонормативную стабилизацию*, сопровождавшуюся стабилизацией поселенческих обществ по британским законам; 3) переходный период, когда британское поселенческое население начинает осознавать свою новую идентичность (*нативизацию*); 4) принятие местных норм при поддержке местного языкового самосознания (*эндонормативную стабилизацию*); 5) динамические изменения идентичности особенно у молодого поколения (*дифференциацию*). В какой-то мере эти этапы накладывают отпечаток на различия 5 типов англоязычных стран. В книге предлагается характеристика языковой глобализации на основе экспансии английского в Восточной, Западной и Южной Африке, Австралии и Азии, интерпретация которой различна: от теории языкового империализма к теории языкового капитала. Если сторонники первой теории оценивают распространение английского как *лингвоцид*, то вторые оценивают его как часть всемирного *глобализма*, ведущего к формированию *Нового языкового порядка*.

Одним из постулатов глобализма служит возникновение *международного вспомогательного языка*. Социологический анализ распространения английского как *глобального языка* выявил две противоположные точки зрения: 1) англизация как подавляющая сила несет *опасность*; 2) англизация – *креативный ресурс* для бывших колониальных, сегодня независимых, а в будущем глобальных сообществ.

Проблеме влияния глобализации на экспансию английского языка посвящен раздел «Изучение английского языка и глобализация» (с. 247–256). Авторы показывают, как американская идея прогресса оказывает мощное влияние на *TESOL* (Преподавание английского носителям других языков), сменившего *TEFL* (Преподавание английского как иностранного): каждые несколько лет *новые методы* заменяют *прежние модели обучения*. Социолингвистические проблемы мировых английских при этом постоянно вызывают дискуссии. Так, Р. Филлипсон считает, что связь изучения английского с экономической успешностью является мифом, а там, где одни видят в *TESOL* экономическое неравенство, другие усматривают расширение возможностей. Подчеркивается и необходимость учета внутренней неоднородности *глобального английского*, приведшую к появлению *мировых английских* – новых развивающихся норм для вариантов языка у двуязычных людей в разных регионах мира (Индии, Японии, Сингапуре, Южной Корее и др.). Уточняется и само понятие *языковая картина мира*, неоднородное и различное для носителей языков разных регионов и поколений говорящих. Так, в азиатских странах (Китае, Гонконге, Индии, Малайзии, Сингапуре) все больше молодых людей часть образования получают на родине, а затем продолжают обучение в заокеанских старших школах и университетах.

Изучение языков, как видим, во многом связано с идеологическими проблемами. И авторы уделяют им заслуженное внимание (с. 271–280). Главным положением идеологии изучения английского языка при этом оказывается идея, что его распространение оказывает *благодетельное влияние* на весь мир. При этом преимущества английского языка постулируются как его *собственными* (природа языка), так и внешними (его функции) качествами, якобы выделяющими его из других языков. Ясно, что эта идеология – пережиток колониальной эпохи. Вторая идея – инструментальный подход, рассматривающий английский язык как допуск к *модернизации* и *экономическому престижу* для индивидуумов. Английский язык тем самым якобы становится основой *языкового капитала*.

Третья идея – распространение английского языка естественно, нейтрально и благотворно и не мешает существованию других языков, позволяя *свободу выбора*. Сейчас

в сфере языковой идеологии доминируют две идеологии: целью первой является *всемирное распространение английского языка (English Only Worldwide)*, целью второй – *экология языков*.

Название **5-й главы** 1-го тома – «Распространение английского языка». В ней представлены результаты языковой политики в разных странах мира. В США в отношении к двуязычию такая политика противоречива и дуалистична. Первая политика своим объектом считает учащихся, принадлежащих к *языковым меньшинствам*, и ведет в перспективе к потере *первых языков*. Объектом второй являются *моноязычные англофоны*, в отношении которых должно развиваться изучение *иностранных языков*. Доминирующей стала идеология стандартного английского, ибо она укрепляет национальное единство, выполняет важную роль в социальной мобильности и представляет отдельные типы классово и культурно связанных письменных практик как универсальные, дискриминируя тех, кто в этих практиках участвует в наименьшей степени.

Нужно отметить, что такая идеология не принимается в мире как некая идеологическая парадигма. Так, как это ни парадоксально, активное сопротивление этой парадигме распространения английского языка оказывается в Пуэрто-Рико – на острове, оккупированном США в 1898 г. и относящемся к территории, находящейся под управлением США, но не являющейся ее частью. Авторы детально и объективно характеризуют языковую ситуацию в этой стране (с. 299–302).

Экспансия английского языка в Европе (с. 303–305) проходит весьма интенсивно. Некоторые европейские страны (Норвегия, Швеция, Нидерланды, Финляндия) находятся в стадии перехода от английского как *иностранного* (расширяющийся круг) к английскому как *второму языку* (внешний круг). Такие страны, как Нидерланды и Дания, находятся практически в ситуации *диглоссии*. Франция и Германия пытаются сохранить свои национальные языки в высшем образовании и научном дискурсе, но им приходится постепенно сдавать свои позиции. Многие транснациональные корпорации в Европе сделали английский язык своим *корпоративным языком*, т.е. обязательным в любой форме коммуникации между многоязычными сотрудниками этих компаний.

Самые значительные изменения языковой политики происходят на территориях, где английский используется как *иностранный язык* – особенно в Китае и странах Юго-Восточной Азии, чему в монографии посвящается особый раздел (с. 307–352). Центральной проблемой для всех стран, где английский используется как *lingua franca*, являются отношения между языком и культурой. Однако в ситуации *lingua franca* отношения между отдельным языком и культурой складываются иначе, чем между *целевым языком* и *целевой культурой*. Они нарушают неизбежную связь между культурами и языками, постулируемую *гипотезой языковой относительности Сепира-Уорфа*.

В Китае английский стал завоевывать популярность в 1970-е гг., когда китайский язык (известный также как путунхуа, мандаринский, современный китайский, китайский национальный *lingua franca*) подвергся сильной англизации. Вариант английского, который используется большинством носителей китайских языков от рождения, получил название *Chinglish* и характеризуется недостаточными компетенциями в английском языке и дословными переводами с китайского. Более 350 млн. китайцев одновременно изучают английский язык на всех уровнях образования. При этом англизация китайского имеет два последствия. Первое – это нативизация английского, в результате чего появляется китайский вариант английского. Второе – это англизация путунхуа.

В то же время усиление влияния Китая в экономической, военной и политической сферах привело к росту популярности путунхуа в мире. Более 40 млн. человек в мире изучают китайский язык, и это привело к тому, что некоторые специалисты прогнозируют, что вскоре он станет конкурировать с английским в функции *lingua franca*. Но такие прогнозы не учитывают количественную динамику изучающих языки. Так, английский изучают более 500 млн. в мире, а китайский – от 40 до 100 млн. человек.

Проблемы региональных вариантов английского языка раскрываются в монографии на примере языковой ситуации в Сингапуре (с. 334–352), где движущей силой распространения английского (как, впрочем, и китайского) языка стало достижение главных экономических целей развития в возможно кратчайшее время. Опыт Сингапура при этом показывает, что понятия *двуязычие* и *бикультурализм* не обязательно связаны между собой. Сингапурцы приняли *английский язык*, но не западные *культурные ценности*.

Во **2-м томе** монографии М. А. и Н. М. Марусенко («Двуязычие в современном мире») предлагается социолингвистический анализ систем двуязычного обучения, сложившихся в мире. Именно социолингвистическая перспектива позволяет, по мнению авторов, выявить общие тенденции и региональные особенности такого обучения.

В **1-й главе** дается развернутая характеристика двуязычия в современном мире. Феномен двуязычия изучается с разных точек зрения: возраст и способ изучения, частота использования, эмоциональная привязанность или аффилиация, уровень компетенций, области использования модели выбора языка и т.д. При этом большинство исследователей трактует двуязычие как психологическое состояние человека, имеющего доступ к более чем одному языковому коду как средству коммуникации. Владение двумя языками становится сейчас минимальной необходимостью в мире, где коммуникация является важнейшим фактором развития. Многие страны проводят политику изучения вторых (и последующих) языков ради их видимых преимуществ: 1) роста культурного капитала и многократно доказанных преимуществ; 2) экономических выгод (профессиональной подготовки и внешней торговли); 3) равенства (социальной справедливости и преодоления бедности); 4) внешнеполитических (повышение роли своей страны в мире).

Профессиональное двуязычие, двуязычие и туризм, субтрактивное двуязычие, двуязычие и информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), двуязычие и экономика (resp. экономическое неравенство) – вот спектр вопросов, которые освещаются в этой главе. Исторически возникшая иерархия торговых языков (английский, французский, немецкий, японский, испанский и португальский) сегодня расширяется, включая арабский, малайский, мандаринский и кантонский китайские, суахили, хауса, бенгальский и хинди/урду. При этом английский язык усиленно продвигается в разных регионах, и авторы рассматривают конкретные зоны и проблемы этого продвижения (например, в Шри-Ланке). Специальное внимание авторы уделяют определению численности двуязычного населения, самооценке языковых компетенций и типологии ситуаций диглоссии, различиям автохтонных и иммигрантских языков. Демонстрируется и зависимость двуязычного обучения от языковой политики.

2-я глава – «Двуязычие в языковом строительстве» (с. 56–89). Двуязычное обучение на мажоритарных языках предполагает, что некоторые дисциплины изучаются на *втором языке* учащегося. Считается, что коммуникативный подход к изучению второго языка способствует развитию реальной коммуникации, при которой целью использования языка является выражение, интерпретация и обсуждение понятий. *Критический подход к обучению языкам* концентрируется на изучении личности учащегося второму языку методами *критической этнографии*.

Специальные разделы посвящены образовательному языковому строительству и оценке отношений затраты/прибыли и возврата инвестиций, а также нематериальным последствиям языковых программ для целей развития.

В **3-й главе** «Формирование двуязычия» (с. 81–138) детально анализируется языковое разнообразие, порождаемое разными типами двуязычия. Отдельно рассматриваются типы детского двуязычия, стадии развития двуязычия, потеря одного языка у двуязычных детей, формирование последовательного двуязычия и формы многоязычия. Поскольку, как показано в 1-м томе монографии, доминирующим мировым языком стал английский, многоязычное сообщество допускает сосуществование двух языков, но не

более. Во многих странах языковое разнообразие является одним из условий существования. Однако в развитых странах социетальное многоязычие менее распространено, хотя они в сильной степени затронуты глобальной миграцией.

Изучение второго языка связано со многими аспектами, которые не остаются вне поля зрения авторов монографии. Известно много психологических, социально-психологических и педагогических теорий о том, как стать *двухязычным* посредством изучения *второго языка*. Все они основаны на анализе шести главных компонентов: 1) оснований для изучения второго языка; 2) условий, влияющих на результаты изучения; 3) стартового уровня обучающегося и его роста; 4) индивидуальных особенностей; 5) процесса обучения; 6) результатов изучения второго языка.

Особое внимание в монографии уделено таким проблемам двуязычия, как аддитивное и субтрактивное двуязычное обучение, индивидуальным различиям восприятия второго языка обучающимся, функциональному двуязычию и языковым компетенциям и когнитивным аспектам двуязычия. Характеризуя эффективность двуязычного обучения (оценкой которого особо интенсивно занимаются в США), авторы замечают, что она «не есть простое и автоматическое следствие использования в школе *домашнего* языка обучающегося или *второго* языка. Большая или меньшая эффективность двуязычного обучения определяется сложным взаимодействием многих факторов (обстановка в семье и в сообществе, отношение учителей, школы и общества), относительная значимость которых в разных школьных и культурных контекстах еще недостаточно изучена» (с. 121).

Эффективность двуязычного обучения зависит также от распределения языков и их совместного использования на уроках. На нее оказывают влияние как взаимосвязь успеваемости с грамотностью, так и проблемы академической неуспеваемости двуязычных обучающихся. Эффективное обучение приносит свой главный плод – *знание*, которое «рассматривается как динамическое, постоянно изменяющееся, всегда относительное и побуждающее к действию» (с. 138).

Двуязычие как языковая политика обстоятельно интерпретируется в **4-й главе**. В основе языковой политики в отношении двуязычия и двуязычного обучения лежат три базовых концепции языка, вокруг которых концентрируются все остальные: 1) язык как проблема; 2) язык как право; 3) язык как ресурс. Взгляд на язык как на проблему включает в себя и трактовку языка как сопутствующего фактора национальной идентичности. В связи с этим авторы книги ссылаются на концепцию И. А. Бодуэна де Куртене, который уже в 1913 г. ратовал за предоставление свободы выбора в принадлежности к национальной идентичности по языковому критерию (с. 143–144). Убедительным аргументом в пользу отделения языка от идентичности авторы считают экономическую целесообразность, «которая играет большую роль в выборе человеком языка, особенно, если этот человек извлекает выгоду от перехода на более *«современный»* язык» (с. 144). Идентичность тем самым считается динамичной и *изменчивой*. Поддержка некоторых вторых языков (испанского, немецкого, французского и китайского) в США при этом рассматривается как *ресурс*.

Особый раздел в русле проблемы «Язык и неравенство» посвящен социальным аспектам образовательной языковой политики в странах Субсахарской Африки (с. 152–159). Авторы приходят к выводу, что использование английского языка в постколониальных странах является следствием политики *языкового империализма* и навязывания *нелиберальных* моделей развития.

Задачи, стоящие в рамках программы ЮНЕСКО «Образование для всех», делают выбор языка обучения политической проблемой. Она и рассматривается в монографии на примере языковой ситуации в африканских странах. Здесь неравенство между языками, устанавливаемое официальной языковой политикой, может привести к *смене* или даже *потере* языка. Во многих регионах Азии и Африки английский язык стал регио-

нальным *lingua franca*, хотя там существуют и свои региональные языки. Главные проблемы, которые приходится решать при внедрении обучения английскому языку, непосредственно связаны с *идентичностью*.

При определении понятия «материнский язык» возникают трудности, поскольку социолингвистический дискурс может не только объяснить реальность, но и затемнить ее. Даже сам термин «*материнский язык*» в англоязычной литературе имеет множество обозначений (с. 184–187) и в какой-то мере служит этой цели, выполняя, кроме рефлексивной и оценочной функции, и функцию *изменения идентичности*. *Материнский язык* – это язык, на котором происходит *социализация* человека в малом сообществе, прежде всего в семье. В отличие от этого термина, термин *родной язык*, принятый в России, удовлетворяет совсем другим критериям – например, должен служить символом национального единства и идентичности.

Демонстрация того, как по-разному используются материнские языки в обучении, предлагается в соответствующем разделе на примере ситуации в Папуа-Новой Гвинее, Эфиопии, ЮАР, Швейцарии, Канаде, Стране Басков, Вьетнаме. Столь же конкретно обрисовывается авторами роль и место национальных языков в образовании в Нигерии, Намибии, Мали, Индии, Индонезии и Танзании. Использование материнских языков в обучении имеет свои доводы «за» и «против», которые авторами детально анализируются (с. 214–215). Выбор *модели обучения* зависит от совокупности местных условий, определяющих социально-экономический и социолингвистический ландшафт страны и региона. Так, африканский континент являет собой пример большого *языкового разнообразия*. Здесь насчитывается от 1250 до 2500 (30% от существующих на Земле) языков, в то время как в Латинской Америке – всего 125–250. Камерун, Сомали, Сенегал, Эфиопия, Колумбия, Парагвай, Боливия, Эквадор, Перу, Мозамбик, Кения, Нигери – страны, языковая ситуация в которых характеризуется в монографии (с. 215–239). Особое внимание при этом уделено ситуации в Кении и Нигерии.

В 6-й главе «Глобализация и региональные модели двуязычного обучения» (с. 240–301) М. А. и Н. М. Марусенко предлагают объективный диагноз политики глобализации, в эпоху которой некоторые страны сумели использовать свои ресурсы *мультикультурности* и *многоязычия* и получить в результате значительные экономические и социальные преимущества в глобальном разделении труда. Глобализация привела к *переоценке* ценностей автохтонных культур и традиционных *этнических* языков, уступающих под напором *английского*. С наступлением эпохи глобализации в странах *внешнего* и *расширяющегося* кругов наблюдается бурный рост числа изучающих этот язык. «Однако, – подчеркивают авторы, – здесь необходимо сделать две оговорки: первая – мнение о том, что английский может использоваться для коммуникации с людьми во всем мире, ошибочно; вторая – английский не является *контактным* языком, обеспечивающим связи между местным населением» (с. 242). Более 5 млрд. человек на планете не говорят на английском как на первом или втором языке, т.е. три четверти населения земного шара не относится к категории *англофонов*.

В призме этой статистики в книге рассматриваются модели обучения на английском языке в разных странах. В разделе «Американская языковая идеология» (с. 249–256) опровергается точка зрения, что распространение английского языка является якобы благом для всего мира благодаря *внутренним* (природа языка) и *внешним* (функции языка) факторам.

Раздел «Индийская модель обучения на английском языке» (с. 256–265) освещает этапы языковой политики в стране с 1,2-миллиардным населением, для которого зафиксирован 6661 материнский язык. При этом в индийской системе образования используется 75 языков, из которых 31 является языком *обучения*. Самым распространенным официальным языком Индийского союза является *хинди*. По данным переписи 2001 г. 10,4% (т.е. примерно 126 млн.) населения заявили, что используют английский

язык как второй или третий. Опрос наемных работников, проведенный в 2005 г., показал, что примерно треть опрошенных могут читать на английском, но лишь половина из них могут и говорить на нем.

В разделе «Языки обучения в Федеративной Демократической Республике Непал» (с. 265–270) дается характеристика языковой политики в стране с 31-миллионным населением, говорящем на 123 материнских языках. Обучение английскому языку здесь ведется с 1854 г., а в 2004 г. правительство приняло решение, что такое обучение должно вестись с первого класса. Постепенно он должен был занять место *второго языка* в непальской системе образования. Однако из-за неспособности *государственной* системы образования обеспечить качественное преподавание, родителям приходится самим оплачивать дорогое обучение с репетиторами или в частных школах английского языка.

Раздел «Выбор языка обучения в странах Восточной и Юго-Восточной Азии» (с. 271–283) дает представление о языковой политике в соответствующих регионах, к которым относятся 10 стран, входящих в Ассоциацию Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Разные колониальные истории этих государств определяют роль *английского* языка в качестве языка обучения. Единственным местом этого региона, где реализуется официальная политика использования не национального, а *местного* языка (кантонского китайского) в начальном образовании, является Гонконг. Авторы книги предлагают и характеристику языковой ситуации в Сингапуре, на языковом рынке которого *английский*, *путунхуа* и *хоккиен* имеют четкую иерархию, которая провоцирует конфликтную ситуацию во многих семьях. Аналогичные конфликтные ситуации возникают и в малайских и индийских семьях, где наблюдается четкое разграничение в использовании *английского* и *традиционных* языков между старшим и младшим поколением.

В разделе «Китайская модель двуязычия и триязычия» характеризуется языковая политика многоязычной и многонациональной Китайской Народной Республики. Хотя формальное *двуязычное обучение* здесь началось еще на пороге XX в., политика такого обучения не была оформлена до 1980-х гг., когда правительство разработало *политику по обучению меньшинств*. В 2001 г. Министерство образования КНР ввело изучение английского с третьего класса и разработало *языковые стандарты* для средних школ и колледжей. Однако, несмотря на провозглашение новой политики, многие учащиеся из этнических *меньшинств* не имели равных возможностей изучать *английский* как *иностранный* в начальной и средней школе с учащимися *ханьской* национальности, живущими в центральных регионах и больших городах. Под влиянием глобализации концепция двуязычного обучения изменилась, а в развитых регионах и больших городах *английский* стал *вторым* языком. Большинство китайцев сейчас уже не считают, что английский язык представляет опасность для китайского языка и культуры, и уверены, что оба языка могут взаимно *дополнять* друг друга в *языковом капитале*. Введение *триязычного* обучения усилило разрыв между учащимися *ханьской* национальности и их сверстниками из *миноритарных* сообществ.

Не обошли авторы монографии и тибетской проблемы в КНР. В результате языковой политики правительства КНР тибетский язык находится под угрозой исчезновения. Поскольку большинство тибетцев хуже владеют *путунхуа*, чем *этнические* китайцы, они подвергаются *дискриминации* в сферах занятости, экономики и образования.

Раздел «Двуязычное обучение в странах Латинской Америки» посвящен языковой ситуации в соответствующем регионе. Здесь две группы населения создали свои собственные модели *двуязычных* практик, включая и *двуязычное обучение*: первая относится к обучению детей из *автохтонных* групп, вторая – к элитному *платному* обучению, организуемому европейскими *иммигрантскими сообществами*. В этом ареале используется более 500 *автохтонных* языков. В большинстве латиноамериканских государств официально была избрана модель *межкультурного двуязычного обучения*, включающая *грамотность на материнском языке* и CLIL (*предметно-языковое интегрированное*

обучение). При этом даже в странах *Андской группы* (Боливия, Эквадор, Перу) и *Мезоамерики* (Мексика, Гватемала), где сосредоточено 80% *автохтонного* населения континента и реформы образования идут с 1990-х гг., сохранение языков и культур не стало общераспространенной образовательной практикой. Бедность *государственного* образования является результатом *неолиберальной глобализации*, осуществляемой под руководством Всемирного банка и Международного валютного фонда. Высококачественное образование стало дорогим товаром, и частные школы предлагают свои услуги. В результате в Латинской Америке сформировалось 2 типа *двуязычных школ*, представляющих два противоположных полюса *социального расслоения*. Элитные двуязычные школы как часть системы социально-экономического *неравенства* способствуют углублению классовых различий и разрыву между государственным и частным образованием.

В лапидарном заключении (с. 300–301) авторы обобщают результаты анализа систем двуязычного обучения, сложившихся в мире, выявляя как общие тенденции, так и региональные и национальные особенности реализации такого обучения.

Как видим, двухтомная монография М. А. и Н. М. Марусенко предлагает читателю обзор острых проблем, связанных с языковой политикой в современном мире. При самой высокой оценке этого основательного исследования, жанр рецензии предполагает и некоторые критические и дискуссионные замечания.

У внимательного читателя, пытающегося применить полученную информацию к анализу современной языковой картины мира, возникают вопросы, на которые в книге пока, как кажется, не даются ответы:

1. Учитывая поворот России на Восток и на Юг (включая возрастающую активность в рамках БРИКС и странах африканского континента), возникает «судьбоносный» вопрос: какую модель образовательной языковой политики должна продвигать Россия при сотрудничестве в сфере подготовки национальных кадров? Ведь конкуренция между этнокультурной и национально-функциональной парадигмами языковой политики по-разному оценивается в России и большинстве стран Третьего мира.

2. Остаются неясными перспективы превращения путунхуа (мандаринского китайского) в мировой язык. И вообще, может ли китайская образовательная языковая политика, особенно в части распространения английского языка, служить образцом для других стран, в том числе и для России?

3. В главе 2 «Языковые права человека» проанализированы два подхода к обучению на материнском языке, приводится аргументация как сторонников, так и противников этой идеологии, однако отсутствует общий вывод о целесообразности и эффективности такой образовательной языковой политики, особенно в многоязычных и мультиэтнических государствах.

4. К сожалению, славянский языковой мир не попал под аналитический «прицел» М. А. и Н. М. Марусенко, хотя здесь вопросы языковой политики и англоизации обучения стоят не менее остро, чем в англо-саксонской, германской или романской Европе, Африке, Азии или Латинской Америке. Естественно, что отечественный читатель хотел бы получить подобный анализ и для Российской Федерации и стран СНГ, где языковая политика требует пристального изучения и соответствующей оценки. Авторы монографии избегают этой непростой темы, подчеркивая, что «сознательно не затрагивают проблематику изучения и преподавания языков в российской системе общего образования, современное состояние которой достаточно полно и адекватно отражено в монографиях В. М. Алпатова и А. Л. Арефьева» (т. 1, с. 8). И действительно: лишь в процессе анализа языковой ситуации в Африке, Азии или Латинской Америке мы изредка можем встретить общие реминисценции, связанные с опытом языкового строительства в нашей стране. Так, ставя вопрос о критериях выбора одного или ограниченного числа национальных языков из общего числа автохтонных языков, авторы пишут: «При этом в мире существуют прецеденты решения этой проблемы в условиях эндоглоссии: моде-

лями этнической и языковой *толерантности* и институционального многоязычия являются бывший СССР и бывшая Югославия» (т. 2, с. 213). Характеристика же этих положительных моделей в книге отсутствует. Еще лапидарнее выглядит ссылка на «меркантильное» преимущество высшего образования на *английском* языке в нашей стране: «Распространение высшего образования на *английском* языке привело к тому, что сегодня конкуренция не ограничивается только традиционными провайдерами образовательных услуг: так, многие азиатские студенты обучаются на *английском* языке и получают дипломы врачей в медицинских университетах Москвы, Волгограда и Нижнего Новгорода по цене, составляющей четверть платы за обучение аналогичным специальностям в университетах Австралии и Великобритании» (Там же, с. 275).

Надеемся, что указанные замечания будут учтены авторами в дальнейших исследованиях.

Понятно, например, что языковая ситуация в Славии и странах СНГ требует специального исследования. Вероятно, такой анализ станет перспективой будущих изысканий авторов рецензируемой монографии. Ведь на объект своих наблюдений они смотрят диалектически и крупномасштабно: «Не впервые в истории один язык распространяется на огромных территориях и становится *глобальным* средством коммуникации. Но в истории языков ничто не бывает вечным: *английской* язык может достичь точки насыщения как мировой язык, и нельзя недооценивать перспективы других мировых языков, в первую очередь испанского и китайского. Они должны рассматриваться в *глобальном контексте* с точки зрения социолингвистики и других лингвистических теорий, но с учетом местных условий» (т. 1, с. 329). Динамика языковых метаморфоз в мире требует и будет требовать точной диагностики и объективных прогнозов. Именно таких, какие для современной мировой языковой политики предлагают авторы монографии.

Список литературы

1. Марусенко М. А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономической аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014.
2. Марусенко М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: Научно-политическая книга, 2015.
3. Mokienko V.M. Jazyková politika a národná identita. Marusenko M.A. Jazyki i nacional'naja identičnosť: sovremennye vyzovy nacional'nomu jedinstvu i territorial'noj celostnosti. M.: Naučno-političeskaja kniga, 2015. 575 str. // Journal of Linguistics. 2015. Vol. 66. No. 2. P. 168–173.

* * *

1. Marusenko M. A. Yazykovaya politika Evropejskogo soyuza: institucional'nyj, obrazovatel'nyj i ekonomičeskij aspekty. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2014.
2. Marusenko M. A. Yazyki i nacional'naya identičnosť: sovremennye vyzovy nacional'nomu edinstvu i territorial'noj celostnosti. M.: Nauchno-političeskaya kniga, 2015.

Review of the monograph “Educational language policy in the modern world”: in 2 volumes. Vol. 1: Political and ideological measuring of language policy. M.: INFRA-M, 2024. 387 p. Vol. 2: Bilingual education. M.: INFRA-M, 2024. 330 p.

(Рецензия поступила в редакцию 20.12.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

*Асадуллаева
Арзу Вахабовна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: a.arzu18@yandex.ru

*Бобырева
Екатерина Валерьевна*

– доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: new_life@mail.ru

*Буряковская
Валерия Анатольевна*

– доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru

Ду Сянь

– аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: 1256618347@qq.com

*Иванова
Юлия Михайловна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: julivanova@yandex.ru

Йегни Ханан

– аспирант кафедры языкознания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: ilenagabriel.ig@gmail.com

*Катермина
Вероника Викторовна*

– доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». E-mail: veronika.katermina@yandex.ru

*Кокова
Бэла Джамалдиновна*

– профессор кафедры фортепиано и методики, Северо-Кавказский государственный институт искусств. E mail: belakokova @yandex.ru

*Кокова
Лейла Джамалдиновна*

– кандидат филологических наук, Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова. E mail: kokovaleila @yandex.ru

*Макарова
Ольга Сергеевна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: olkachen@gmail.ru

*Мокиенко
Валерий Михайлович*

– доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: mokienko40@mail.ru

*Мосейко
Анна Александровна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: mosanya74@mail.ru

- Москвин
Василий Павлович* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: vasmoskvin@yandex.ru
- Муратова
Евгения Николаевна* – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». E-mail: evgmuratova@yandex.ru
- Наумцев
Иван Игоревич* – ассистент кафедры литературы и методики её преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: Naumcev1998@mail.ru
- Пога
Дарья Сергеевна* – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: dpoga@yandex.ru
- Сторожакова
Анна Станиславовна* – E-mail: anna.storozhakova@mail.ru
- Супрун
Василий Иванович* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: suprun@vspu.ru
- Ся Хунфан* – доцент, Чанчуньский университет, КНР. E-mail: 2294430401@qq.com
- Титаренко
Наталья Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: natalia-v-titarensko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

<i>Anna Moseyko</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: mosanya74@mail.ru
<i>Anna Storozhakova</i>	– E-mail: anna.storozhakova@mail.ru
<i>Arzu Asadullaeva</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: a.arzu18@yandex.ru
<i>Bela Kokova</i>	– Professor, Department of Fortepiano and Teaching Methods, North Caucasian State Institute of Arts, E-mail: belakokova@yandex.ru
<i>Valeriy Mokienko</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Slavic Philology, Saint-Petersburg State University, E-mail: mokienko40@mail.ru
<i>Valeriya Buryakovskaya</i>	– Advanced PhD (Philology), Head of the Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru
<i>Vasiliy Moskvvin</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vasmoskvvin@yandex.ru
<i>Vasiliy Suprun</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: suprun@vspu.ru
<i>Veronika Katermina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Kuban State University, E-mail: veronika.katermina@yandex.ru
<i>Darya Poga</i>	– Post Graduate Student, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: dpoga@yandex.ru
<i>Du Xian</i>	– Post Graduate Student, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: 1256618347@qq.com
<i>Evgeniya Muratova</i>	– PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, E-mail: evgmuratova@yandex.ru
<i>Ekaterina Bobyreva</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: new_life@mail.ru
<i>Ivan Naumtsev</i>	– Assistant, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: Naumcev1998@mail.ru
<i>Leyla Kokova</i>	– PhD (Philology), Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, E-mail: kokovaleila@yandex.ru

<i>Nataliya Titarenko</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: natalia-v-titarenko@yandex.ru
<i>Olga Makarova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: olkachen@gmail.ru
<i>Xia Hongfang</i>	– Associate Professor, Changchun University, E-mail: 2294430401@qq.com
<i>Yegni Khanan</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: ilenagabriel.ig@gmail.com
<i>Yuliya Ivanova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: julivanova@yandex.ru

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.

Я.А. Волкова, д-р филол. наук, проф. (Москва)

С.Г. Воркачѳ, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Д.Ю. Гулинов, д-р филол. наук, проф.

В.В. Дементьев, д-р филол. наук, проф. (Саратов)

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

С.А. Мызников, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии